

*История и археология
Русского Севера*

Вологодское археологическое общество
Вологодский государственный музей-заповедник

История и археология Русского Севера

Сборник материалов
научной конференции, посвящённой 60-летию
со дня рождения Н. В. Гуслистова

Вологда
«Древности Севера»
2012

УДК 902(470.12)
ББК 63.4(2Рос-4Вол)
И90

Редакционная коллегия:

Л. С. Андрианова, Н. Б. Васильева, И. В. Папин, А. В. Суворов (главный редактор)

И90 **История и археология Русского Севера : сборник материалов научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Н. В. Гуслистова** / Вологод. археолог. о-во, Вологод. гос. музей-заповедник; редкол.: А. В. Суворов (гл. ред.) и др. – Вологда: Древности Севера, 2012. – 120 с.: ил.
ISBN 978-5-93061-064-2

В сборнике материалов научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Н. В. Гуслистова, состоявшейся в Вологде в октябре 2009 г., представлены статьи, содержащие воспоминания о жизни и творческом пути Н. В. Гуслистова; статьи учеников и последователей Николая Васильевича, продолжающих развитие его научных исследований; материалы современных исследований в области археологии и историографии Севера. В конференции приняли участие историки и археологи из Вологды, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Череповца, Тотьмы и других городов.

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям, студентам и всем, интересующимся историей Русского Севера.

УДК 902(470.12)
ББК 63.4(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-93061-064-2

© Вологодское археологическое общество, 2012
© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2012

Николай Васильевич Гуслистов (1949–1980)

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГУСЛИСТОВ

Николай Васильевич Гуслистов по праву может считаться первым вологодским археологом, поднявшим на новый уровень археологические исследования в Вологодской области. Его разносторонняя деятельность как археолога, музейного работника, преподавателя вуза определила основные направления работ по изучению и сохранению памятников археологии на многие десятилетия вперёд. Он воспитал плеяду исследователей, продолжающих в настоящее время дело Учителя.

Николай Васильевич родился 4 августа 1949 г. в г. Череповце. Ещё школьником увлёкся археологией и участвовал в экспедициях Л. А. Голубевой, Б. А. Рыбакова¹. В 1967–1971 гг. он – студент историко-филологического факультета Вологодского государственного педагогического института, после окончания которого работает учителем истории Мяксинской средней школы. В эти же годы Николай Васильевич участвует в работах Вологодской экспедиции под руководством археолога ИА АН СССР А. В. Никитина, постепенно становясь его главным помощником. В 1972 г. он получает первый Открытый лист². С 1 июля 1974 г. Николай Васильевич начинает работу в Вологодском областном краеведческом музее в должности методиста в историко-методическом отделе, а

с июня 1975 г. становится старшим научным сотрудником отдела истории. В личном деле Николая Васильевича содержится запись: «с 1965 года принимал участие в археологических раскопках, с 1974 года начал специализироваться в археологии и перешёл на работу в музей»³.

Работу в музее Николай Васильевич совмещает с преподаванием курса археологии в педагогическом институте и руководит археологической практикой студентов, продолжая участвовать в работах А. В. Никитина по исследованию памятников славяно-русского населения в западных районах области. В 1975 г. он практически возглавляет раскопки курганно-жальничного могильника у д. Тимошкино-Ярцево⁴. В этом же году Николай Васильевич начинает работы по сплошному обследованию территории области по программе «Свода памятников истории и культуры народов СССР» и проводит масштабные разведки в бассейне р. Юг. Маршрут общей протяжённостью более 450 км пролегал по территории Никольского, Кичменгско-Городецкого и Великоустюгского районов. В результате разведок археологически выявлены Архангело-Михайловское городище (то же, что городок у д. Федюнино) на Ентале и Палемский городок (Рахлей) на Лузе, обследованы Халезец и Кичменгский городки, а также места обитания чуди у деревень Вахнево, Аргуново и Захарово на Шарженьге. В последнем пун-

¹ Иванищев А. М. Николай Васильевич Гуслистов // Послужить Северу : историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995. С. 43–47.

² Гуслистов Н. В. Отчёт о разведках в Череповецком районе Вологодской области [в 1972 году] // ИА РАН. Р-1. № 4866.

© Иванищева М. В., Недомолкина Н. Г., 2012

³ Гуслистов Н. В. Личное дело // ВГИАХМЗ. Д. 56, Оп. 2. № 14.

⁴ Гуслистов Н. В., Никитин А. В. Вологодская экспедиция // АО, 1975. М., 1976. С. 13–14.

кте зафиксировано селище «Печище» и предполагаемый могильник из 100 небольших насыпей, три из которых были раскопаны. В низовьях р. Юг у д. Головково были обследованы угольные кучи в количестве 50 насыпей, принимавшиеся местными жителями за курганы⁵.

С 1976 г. Николай Васильевич возглавляет Вологодскую археологическую экспедицию, сменив на этом месте своего учителя. Получив Открытый лист по форме 1, он завершает работы на могильнике Тимошкино-Ярцево⁶ и проводит небольшие раскопки выявленных памятников – курганного могильника у д. Утишье и жальника у д. Футица в Бабаевском районе. Разведочные работы 1976 г. направлены на поиск памятников дославянского населения в бассейнах рек Сухоны и Кубены и охватывают Междуреченский, Тотемский, Сямженский районы. В результате выявлены и документированы 6 стоянок эпохи неолита – раннего металла в устье р. Двиницы, городище у д. Боярское на Елошме, обследованы посад Векшенга, городки Шуйский и Толшемско-Успенский и городище на реке Сямжене при впадении речки Городовки⁷. Хорошая сохранность последнего и связь с ним «чудской» легенды выделяет объект как перспективный для широких раскопок, которые и проводятся Николаем Васильевичем в 1977–1978 гг. За два года работ на городище «Чудин вал» было вскрыто 1296 кв. м, выявлены жилые и хозяйственные постройки, прослежены башни, стены, въезд-захаб деревянной крепости и внутривальные конструкции, получен вещевой материал, позволивший датировать городище XIV–XV вв.⁸

В 1977 г. археологические разведки совместно с отрядом Ленинградского отделения ИА АН СССР проводятся в Вологодском, Тотемском, Никольском, Кичменгско-Городецком, Великоустюгском, Нюксенском, Тарногском и Междуреченском районах.

Обследованы: в бассейне Сухоны – городища и городки у д. Мыгра, Бобровский; Стреленский, укрепление Гребешок, Старая Осыпь в г. Устюге, а также Старототемское городище; в бассейне р. Юг – городки Халезец, Кичменгский; у д. Федюнино и поселение «Гleden»; в бассейне р. Кокшеньги – Тарногский, Спасский и Никольский городки. По результатам обследования был сделан вывод о довольно позднем возникновении городков⁹. В 1977 г. также обследован Пустошинский финский могильник на Еденьге – Николай Васильевич начинает проверять данные о финно-угорских могильниках, исследовавшихся в 1920–1930 гг. Н. А. Черницыным.

Целенаправленным поискам последних были посвящены разведочные работы 1978 г. в Тотемском районе, которым предшествовало тщательное изучение архивных материалов. Осмотрены и прошурфо-

ваны места предполагаемых могильников Большено-ренгского, Круглецкого, Старототемского. Раскопом площадью 48 кв. м на Старототемском городище выявлены 17 погребений XIV–XVI вв. Вновь выявлен Марьинский могильник на Сондуге, раскопки которого были завершены в 1979 г. За два года работ вскрыта площадь 456 кв. м, исследовано 33 грунтовых погребения. На открытом там же на Сондуге в 1979 г. Семёновском могильнике вскрыто 220 кв. м, исследовано 11 грунтовых погребений¹⁰.

Разведками 1979 г. в Усть-Кубинском, Тарногском и Вологодском районах были выявлены: на Кубене – 2 стоянки эпохи мезолита и 2 селища XIV–XV вв., на Кокшеньге обследованы средневековые городища Кремлёво, Новгородовское, Ваймежское и могильники Ульяновский и Новгородовский. Частично исследован раскопками выявленный 2-й Долговицкий могильник (60 кв. м и 17 грунтовых погребений XIV–XV вв.). На р. Вологде в районе завода Лименский открыты 29 разновременных поселений и стоянок¹¹.

1980 г. начинается с ранних выходов на берега р. Вологды в её верхнем и нижнем течении – проведена шурфовка поселения Лиминская XIX, открыто поселение Вёкса. В июне в ходе разведок в Устюженском районе были осмотрены ранее известные памятники: городище Устюжна, сопки у деревень Перя, Давыдовское, Дегтярня, Куреваниха, а также открыты или впервые обследованы поселения: Игумновская поляна (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.); Цыганская поляна (IX–XV вв.), Давыдовское (IX–XI вв.), Сафронцево (IX–XVII вв.), Деревяга (I тыс. до н. э.); могильники: у д. Логиново (XIII–XV вв.), у д. Марфино-Сокольники (XIII–XV вв.), Ворлыгино (XIII–XX вв.), Сафронцево (XIII–XV вв.); отвалы доменного производства XV–XVIII вв. у д. Рожково; курганы Никитинские (XII–XIII вв.), Бельское (XII–XIII вв.) и жальник Ильинское (XIII–XV вв.)¹².

В июле были начаты раскопки сопки и шурфовка выявленных поселений в местечке Дегтярня у д. Куреваниха на р. Мологе, завершить которые помешала трагическая гибель исследователя.

Полевые археологические работы, проведённые Николаем Васильевичем за 5 лет, охватили территории 13 из 26 районов области; были открыты, вновь выявлены и обследованы около 100 памятников археологии, 8 из которых полностью или частично исследовались раскопками.

Научные интересы Николая Васильевича лежали в области изучения памятников дославянского населения края. В 1979 г. Николай Васильевич начинает работу над кандидатской диссертацией под руководством ведущего слависта, доктора исторических наук В. В. Седова. К этому времени, кроме статей в «Археологических открытиях», опубликованы доклад на конференции в г. Кирове «История исследования "чуди заволоцкой"»¹³, краткие тезисы доклада на конференции в Сыктывкаре о раскопках

⁵ Гуслистов Н. В. Отчёт об археологической разведке в бассейне р. Юг (правый исток р. Северная Двина) за 1975 год // ИА РАН. Р-1. № 5338.

⁶ Гуслистов Н. В. Курганы и жальник у деревень Тимошкино и Ярцево Вологодской области // КСИА. Вып. 166. М., 1981. С. 84–89.

⁷ Гуслистов Н. В. Вологодская экспедиция // АО, 1976. М., 1977. С. 12–13.

⁸ Гуслистов Н. В. Вологодская экспедиция // АО, 1977. М., 1978. С. 13–14.

⁹ Там же.

¹⁰ Гуслистов Н. В. Материалы раскопок на реке Сондуге Тотемского района // Послужить Северу: Историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995. С. 48–74.

¹¹ Гуслистов Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 году // ИА РАН. Р-1. № 8623.

¹² Гуслистов Н. В. Отчёт о полевых работах в июне 1980 года (рукопись) // Личный архив А. М. Иванищева.

¹³ Гуслистов Н. В. Личное дело.

Марьинского могильника (Гуслистов, 1979). Актуальной до настоящего времени остаётся историографическая работа «История археологических исследований на территории Вологодской области»¹⁴. Как преподаватель пединститута Николай Васильевич написал очерк «По княжеству Белозерскому»¹⁵.

Особое значение имеет деятельность Николая Васильевича по систематизации и обобщению материалов о памятниках археологии области. Составленный по библиографическим и архивным данным список памятников археологии ежегодно корректируется и пополняется в ходе полевых работ. К 1980 г. практически были подготовлены каталог и картографическая основа «Археологические памятники Вологодской области», перечень памятников, рекомендуемых для постановки на государственный учёт, переданные в производственную группу управления культуры Вологодского облисполкома.

Оставаясь единственным археологом области, Николай Васильевич проводил охранные работы в Великом Устюге и Вологде. В ходе аварийно-спасательных работ в Софийском Соборе в 1980 г. были исследованы погребения архиереев XVII–XIX вв.

Как музейный работник Николай Васильевич постоянно заботился о совершенствовании экспозиции, свертке, обработке и хранении фондовых коллекций.

¹⁴ Гуслистов Н. В. Развитие археологических исследований на территории Вологодской области // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1978. С. 13–23.

¹⁵ Гуслистов Н. В. По княжеству Белозерскому // Живые голоса истории: учебное пособие для 7–10-х классов школ Вологодской области. Архангельск, 1981. С. 140–142.

В разнообразные виды деятельности – полевую, фондовую, архивную, научную – были вовлечены студенты исторического факультета. Неординарная личность Николая Васильевича, его увлечённость археологией способствовали сплочению вокруг него группы заинтересованных учеников, пятеро из которых стали профессиональными археологами, другие участвуют в исследовании памятников в качестве волонтеров, ведут образовательную и просветительскую деятельность.

М. В. Иванищева, Н. Г. Недомолкина

Список публикаций Н. В. Гуслистова

Вологодская экспедиция // АО, 1975. М., 1976. С. 13–14. (В соавторстве с Никитиным А. В.)

Вологодская экспедиция // АО, 1976. М., 1977. С. 12–13.

Вологодская экспедиция // АО, 1977. М., 1978. С. 13–14.

Развитие археологических исследований на территории Вологодской области // САС. Вып. VI. Вологда, 1978. С. 13–23.

Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов XVI ВКФУ. Ч. 11. Сыктывкар, 1979. С. 66.

Раскопки и разведка в Вологодской области // АО, 1979. М., 1980. С. 7.

Курганы и жальник у д. Тимошкино и Ярцево Вологодской обл. // КСИА. Вып. 166. М., 1981. С. 84–89.

Материалы раскопок на реке Сондуге Тотемского района // Послужить Северу: историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995. С. 48–74.

Н. В. Гуслистов на раскопках. Фото конца 1970-х гг.

МОЙ ОТЕЦ – НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГУСЛИСТОВ

Мне было всего полтора года, когда мой отец погиб. Я его не помню, но незримый эффект его присутствия всегда был в нашей семье. Его создали книги, мебель, сделанная его руками, пластинки и самое главное и значимое – его ученики, ставшие друзьями нашей семьи. Я росла в окружении добрых, умных и светлых людей, которые любили и уважали моего отца, и эту любовь перенесли на меня, его дочь. Может быть, благодаря этому я не чувствовала той пустоты и боли, которая навеки поселилась в сердце моей мамы, а ощущала поддержку и понимание. Памяти моего отца и с огромной благодарностью к его ученикам и друзьям я посвящаю эту статью.

Разбирая сохранившийся после папы архив, я была поражена, насколько тщательно и скрупулёзно отец фиксировал малейшие изменения своей жизни. Он отражал в дневниках и полевых записях не только события, но и свои мысли, мечты, цели, беседы с интересными людьми. Он рано научился фотографировать, и архив фотографий и слайдов также охватывает все стороны его жизни. Помимо дневников и фотографий, сохранились школьные и студенческие конспекты, бумаги и документы времён его учительской деятельности, подготовки к приёмным экзаменам в аспирантуру. И, конечно, масса всего того, что касалось археологии: полевые дневники, черновики докладов, карты и чертежи. Благодаря дневникам я смогла узнать отца, каким он был на самом деле, узнать те стороны его характера, которые, может быть, не знали даже его ближайшие друзья и родственники.

Отец родился в 1949 г. в Череповце. Он был третьим ребёнком в семье. Его мама, моя бабушка, Анна Петровна Гуслистова прожила долгую и сложную жизнь. Во время войны она работала журналистом и много ездила, а потом была уволена из газеты из-за своей религиозной принадлежности. Она, как и её мама, входила в общину баптистов Череповца. Потом, много позже, в конце 1980-х, это позволяло бабушке получать гуманитарную помощь по церковным каналам, а в более раннее советское время приносило одни неприятности. Её первый сын (его также звали Николай) умер в младенчестве в 1940 г., второго и третьего сыновей она тоже пережила. Бабушка часто болела, но всю жизнь трудилась. Когда папа был маленьким, сдавала внаём углы в своём деревянном доме, на пенсии шила на продажу. Через год после гибели отца бабушка написала воспоминания о нём. Всё, что я знаю о детстве отца до того момента, как он стал вести дневники, известно только по её воспоминаниям.

Об отце папы, Василии Васильевиче Гуслистова, мне известно мало. Он родился в большой крестьянской семье, был рабочим. В 1950 г. они с бабушкой развелись, и Василий Васильевич уехал из Череповца. Впоследствии он переписывался с сыном, помо-

Коле Гуслистову четыре года

гал деньгами. Но сначала оставшейся без отца семье пришлось очень трудно. Анна Петровна не работала, а надо было кормить двоих детей, содержать скотину и деревянный дом. Когда бабушка устроилась работать в библиотеку, она отдала папу в ясли. Но годовалый малыш стал часто болеть, и его отправили на год в деревню, к родителям бывшего мужа. Позднее в деревне он проводил все летние месяцы. В то время за маленькими детьми особо не присматривали, и отец однажды очень серьёзно повредил себе ногу. Рана гноилась и не заживала три месяца, поэтому ребёнку приходилось передвигаться либо на одной ноге, либо на четвереньках. Потом стали болеть коленки, и шестилетнему малышу поставили диагноз «ревматизм».

Когда папе было 10 лет, его старший брат Рудольф Васильевич женился, а потом ушёл в армию.

Н. В. Гуслистов (второй слева, в первом ряду) с семьёй отца, Василия Васильевича Гуслистова

Бабушка заболела бронхиальной астмой, последствия которой остались у неё на всю жизнь, и подолгу лежала в больнице. Отец был вынужден жить один от одного до трёх месяцев.

Как пишет бабушка, у отца были проблемы с учёбой, особенно в начальной школе. Он не мог сосредоточиться и выполнял домашнее задание по три-четыре часа. В средних и старших классах папа также учился не очень хорошо. В аттестате за десятый класс у него стоят две пятерки (по рисованию и физкультуре) и две четвёрки, остальные тройки. Зато он начинает собирать свою личную библиотеку, где были в основном фантастика, приключения и историческая литература. Заполняет карточки на книги, ведёт каталог журнальных статей. Также покупает фотоаппарат и с увлечением фотографирует друзей. В старших классах он уже мечтает стать писателем, путешественником и пишет несколько статей для местных газет, занимается в яхт-клубе.

Может быть, именно тогда, в средней школе, из-за вынужденной ранней самостоятельности в нём проснулся дух авантюризма (бродяжничества, как любил он писать в дневнике). Он легко мог отправиться с другом в угольном вагоне в Вологду, чтобы посетить «Букинист» и посмотреть кремль. Или съездить в Ленинград на трое суток практически без денег. Отправиться зимой в лес, чтобы посмотреть, как выглядят ночью деревья. Когда отцу захотелось в Москву и бабушка отправила его со своим очередным квартирантом Сашей, то вернулся он только через месяц. Оказалось, что вместо Москвы они поехали на родину Саши в Закарпатье.

В 13 лет у него появляется интерес к археологии, он самостоятельно приходит в Череповецкий краеведческий музей и записывается в археологическую экспедицию. Его первые раскопки были в Чагодощенском районе под руководством известного археолога Л. А. Голубевой.

Перед девятым классом отец поехал собирать грибы в Череповецкий район и спрыгнул с подножки поезда на полном ходу. Нашли его только через пять часов без сознания. В больнице поставили диагноз: тяжёлое сотрясение мозга. Лечиться пришлось два месяца, а потом врачи посоветовали не переутомляться. Стало падать зрение, мучили головные боли. Но это не помешало ему активно организовывать в классе диспуты по истории и литературе, экскурсии в музей, устраивать домашние вечеринки. Сохранились интересные анкеты его одноклассников, в которых им приходилось отвечать на достаточно откровенные вопросы. Как пишет бабушка в своих воспоминаниях, папа был не только школьным активистом, но и, выражаясь современным языком, неформальным лидером. В школе у него было прозвище Философ, и он мог подбить одноклассников на пропуск занятий или уговорить мальчиков отрастить длинные волосы.

В 1966 г., окончив школу, он написал письмо известному археологу, академику Б. А. Рыбакову и получил от него приглашение участвовать в раскопках городища Тамань (Гермонассы). Чтобы заработать денег на дорогу, ему пришлось рубить дрова. В экспедиции, познакомившись с интересными людьми, найдя единомышленников, отец остался ещё на одну смену и после окончания экспедиции домой не вернулся, а

Н. В. Гуслистову 17 лет

пытался работать на виноградниках и путешествовать автостопом. Однако вольная жизнь вскоре закончилась приёмниками-распределителями Краснодара и Москвы и принудительным возвращением в Череповец. Описание этого периода жизни папы очень красноречиво запечатлено в его дневниках.

После школы отец год работал на Череповецком металлургическом комбинате учеником электрика. Весной 1967 г. призывная комиссия признала его негодным к строевой службе.

Намереваясь поступить в Вологодский педагогический институт на историко-филологический факультет, он понимал, что школьного уровня знаний ему явно не хватает, и разработал свою жёсткую и эффективную программу подготовки: в день написать сочинение, составить и выучить биографию писателя или поэта, выучить параграф учебника по истории. И эта система дала свои плоды: летом 1967 г. отец стал студентом Вологодского института при конкурсе 10 человек на место. Первый месяц учёбы студенты провели, собирая картошку, и там отец познакомился с моей мамой – Валентиной Дмитриевной Мининковой. В то время мама жила в Вологде вдвоём с сестрой, так как дедушка был офицером-артиллеристом и служил в ГДР. Однокомнатная квартира на улице Гоголя на четыре года стала для папы почти родным домом, где его всегда ждали. Сестра мамы – Галина Дмитриевна Мининкова через несколько лет вышла замуж за лучшего друга отца – Алексея Новаченко.

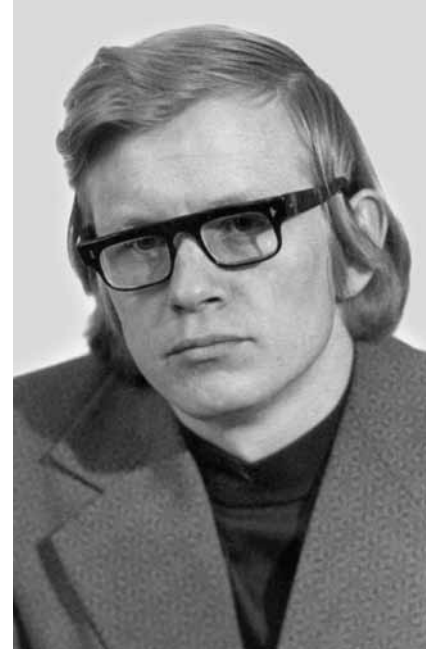
Учёба в институте стала для отца не только способом получения специальности учителя истории, но и

Большая семья Гуслистовых. Николай Васильевич – крайний справа в верхнем ряду

Н. В. Гуслистов – студент института

Н. В. Гуслистов
в возрасте 23 лет

серьёзной археологической подготовкой. Каждый полевой сезон он проводил в экспедициях. После первого курса и археологической практики в Кирилловском районе отец поехал в Среднюю Азию. И, конечно же, с его «везением» умудрился заболеть в дороге. Поездка затянулась на два месяца. Остальные студенческие каникулы он почти полностью проводил на раскопках.

В 1970 г. мама и папа поженились. Поэтому в Мяксу (село под Череповцом) поехали учительствовать по распределению тоже вдвоём. Там в 1972 г. родился мой брат Саша. Отец преподавал у старшеклассников, мама – в четвёртых-восьмых классах. К работе учителя папа подходил ответственно, сохранились дотошные многостраничные конспекты его уроков, но и своего увлечения археологией не оставил. Среди старшеклассников Мяксинской школы он организовал археологический кружок. Ребята вместе с ним регулярно участвовали в археологических экспедициях по Вологодской области. Выписывал по почте исторические труды, ездил за книгами в Москву и Ленинград. Именно тогда он начал собирать коллекцию пластинок русской классической музыки и романсов и продолжал поиски старинных вещей: прялок, книг, икон и глиняной посуды. Родители жили в двухкомнатной квартире в деревянном двухэтажном доме без удобств, где каждый метр пространства был заполнен или книгами, или папиными находками.

В 1974 г. он становится научным сотрудником (археологом) исторического отдела Вологодского областного краеведческого музея, и семья переезжает в Вологду, в родную квартиру на Гоголя. Работа в музее была для отца и радостью, и тревогой. С одной стороны, он получил возможность заниматься любимой работой: организовывал и проводил археологические раскопки, сам придумал и выстроил ту музейную экспозицию по археологии Вологодской области, которая действует в музее и поныне. С другой стороны, ему не удалось избежать бюрократического давления и зависти в стенах родного учрежде-

ния. Только в 1979 г. он с радостью пишет в дневнике, что появилась возможность работать полностью самостоятельно, без излишнего надзора: отделение археологии перевели в Спасо-Прилуцкий монастырь, бывший в то время филиалом музея.

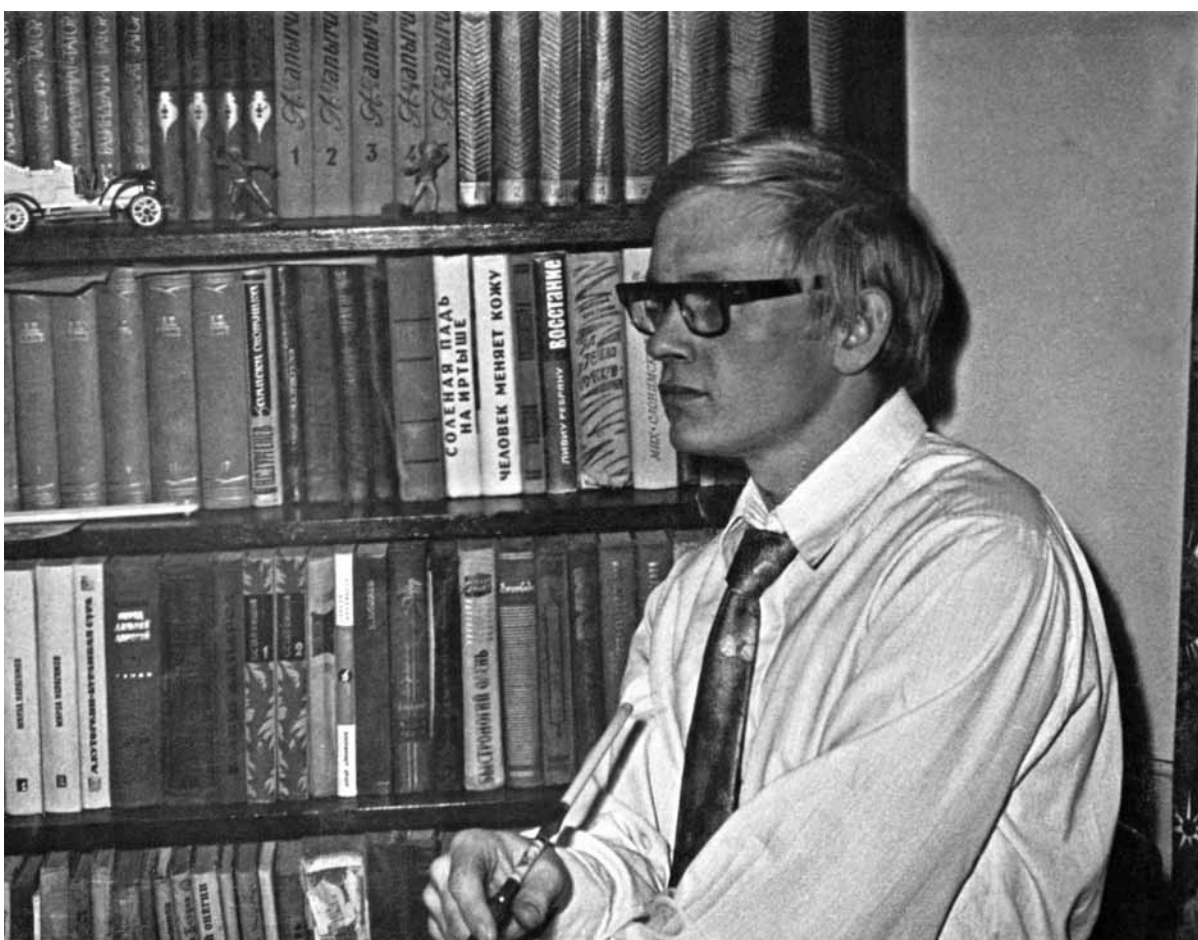
С 1976 г. отец – начальник Вологодской археологической экспедиции. На этом месте он сменил своего учителя – сотрудника Института археологии, кандидата исторических наук А. В. Никитина. С обязанностями руководителя он справлялся блестяще. Все, кто участвовал в папиных экспедициях, помнят его необыкновенную энергию, умение заинтересовать и невероятную эрудированность. Побывав на раскопках, некоторые студенты навсегда избрали археологию своей профессией.

Во второй половине 1970-х отец стал преподавать на историческом факультете в Вологодском педагогическом институте. Читал лекции ярко и занимательно. В это же время раскрылись его писательские таланты – он пишет для учащихся школ историко-художественный очерк «По княжеству Белозерскому» – о белозерском князе Глебе Васильковиче; и научные – отец постоянно участвует в научных конференциях.

Конечно, на первом месте у отца была наука и работа в музее. Однако и семья была для папы значима и важна. Проводя в экспедициях по три месяца в году, он постоянно переписывался с мамой, и эти письма потом бережно хранил в своём, уже ставшем солидным, архиве. Огромное количество фотографий и слайдов той поры запечатлели жизнь дружной и весёлой семьи. В 1977 г. они переезжают в двухкомнатную квартиру на улице Чернышевского, которую получили в обмен на однокомнатную. В следующем году родители съездили в Среднюю Азию по следам первого папиного путешествия. В 1979 г. родилась я. Мама рассказывает, что папа очень радовался рождению дочки, сам сделал детский манеж, увлечённо фотографировал мои первые шаги по жизни.

Мои родители в 1978 году

Н. В. Гуслистов – преподаватель института

В этом же году он блестяще сдаёт экзамены в аспирантуру Института археологии Академии наук СССР и начинает работать над кандидатской диссертацией под руководством ведущего археолога-слависта, доктора исторических наук В. В. Седова. Подготовка к экзаменам была сложной и долгой. Отцу пришлось выучить английский язык. И снова, как и после школы, он придумал целую систему подготовки, составлял свой английский словарь, каждый день старался запоминать новые слова и выражения.

Отдельно нужно сказать о дневниках отца. То, что меня постоянно удивляло, когда я перечитывала папин архив, это его постоянная готовность самосовершенствоваться, неудовлетворённость проделанной работой, стремление успеть больше. Он пытался планировать каждый день. И почти всегда был недоволен сделанным. Его не устраивало то, что много времени уходило на заурядные вещи: рабочую текучку, бытовые проблемы. Его главным стремлением было использовать каждую минуту жизни с пользой для себя, своего интеллекта, своего будущего. Переписываясь со многими своими друзьями и коллегами археологами, он оставлял копии отправленных писем, чтобы потом возвращаться к ним и логично продолжить свою мысль в следующем письме. Побеседовав с интересным человеком, отец всегда записывал впечатления от беседы и свои выводы о собеседнике.

Умение чётко ставить цель и добиваться её во что бы то ни стало помогло ему многого достичь, и

скольких бы ещё целей он добился, умея так планировать и структурировать свою жизнь, я не могу себе даже представить. Но, даже не дожив до своего 32-летия, он навсегда оставил после себя яркий, неизгладимый след в памяти своей семьи, друзей, учеников.

О гибели отца мне писать очень тяжело. Стремление всё успеть и всего достичь обернулось страшной трагедией. Отца вместе с Сашей похоронили в Череповце, на его родине.

Может быть, его собственные слова хотя бы отчасти помогут понять, чего он хотел от жизни, к чему стремился, о чём мечтал.

«Потомкам (или себе самому завтрашнему).

Жизнь вчерашняя: 16 лет. Учился 10 лет. Уже целовал девочек. Для своих лет немало побродил. Родитель потакал в малой степени. Жизнь не щёлкала по носу.

Жизнь настоящая: веду дневники. Жду окончания школы. Строю большие планы. Философствую. Хожу в яхт-клуб. Жду "настоящую" любовь. Не занимаюсь уроками. Книги читаю как критик. Хорошо развито логическое мышление. Устойчивая система взглядов. Неплохой психолог.

Жизнь будущая: Школьник – Бродяга – Студент – Археолог – Студент – Философ – Ничто. И попутно писатель и политик».

Почти всё удалось.

Н. В. Гуслистов на археологических раскопках

ВСПОМИНАЯ ДРУГА

Прошло ровно 40 лет со дня нашего знакомства с Николаем Васильевичем Гуслистым, но для меня он по-прежнему тот же Коля, или Коленька, которого я все эти долгие годы не забывал. Да простят меня его ученики и младшие товарищи, если я в дальнейшем буду называть его по имени, вопреки этическим традициям высшей школы. Ведь в моей памяти он навсегда остался молодым.

Я, будучи сверстником Николая, познакомился с ним в 1969 г. на Урале в экспедиции известного археолога Геральда Николаевича Матюшина, в которой также принимали участие студенты из Челябинска, Кирова (Вятки) и старшеклассники из Уфы. В тот год я проводил на Южном Урале свой второй полевой сезон, хотя всерьёз заниматься «камнем», несмотря на все уговоры начальника, не собирался, а отправился туда исключительно из-за красивейших мест этого замечательного края, покоривших меня годом раньше. В археологическом отношении я тогда далеко ещё не определился, поскольку только что закончил первый курс вечернего отделения истфака МГУ, в отличие от Коли, который перешёл на третий курс и абсолютно чётко представлял себе свою будущую специализацию.

Когда на горном озере Зюраткуль состоялось наше знакомство, то первое, что всплывает в моей памяти, это его открытое русское лицо и копна прямых волос ярко-золотистого цвета. Он умел располагать к себе с первого взгляда, хотя цели такой у него, конечно же, не было. Пожалуй, что в нём сразу притягивало, так это неподдельное чувство искренности и добродушия. Не могу вспомнить, чтобы я видел его разгневанным или обиженным. Если какие-то и случались у него неприятности, то он, вероятно, переносил их со свойственным его характеру смирением.

В уральской экспедиции Николай оказался по протекции Аркадия Васильевича Никитина, с которым я сам ближе познакомился позднее и благодаря Коле. Арквас (так его называли почти все) уже давно работал в ИА РАН, в то время как я поступил на работу в архив института незадолго до этого, поэтому Аркадия Васильевича ещё мало знал.

В Москве Коля обычно останавливался у А. В. Никитина, а когда мы с ним сдружились, чаще стал бывать у меня на Ленинском проспекте, но иногда и у родственников жены. Аркадий Васильевич обычно старался помочь молодёжи не только в профессиональном плане (Коле, в частности, он готовился передать бразды правления Вологодской экспедицией), но и воздействовать на неё в нравственно-духовном смысле. Кто бывал у него дома, помнит, что в небольшой, но уютной двухкомнатной квартире на Серпуховском валу близ Шаболовки располагалась

роскошная библиотека, насчитывающая несколько тысяч изданий. Самим Аркадием Васильевичем был составлен весьма внушительный список вполне определённых книг, которые он настоятельно рекомендовал читать своим знакомым, но в первую очередь молодым людям, в том числе и мне с Колей. Аркадий Васильевич небезосновательно полагал, что эта литература не должна пройти бесследно для нашего, как он справедливо полагал, ещё не сформировавшегося мировоззрения. Он щедро делился с нами своими книгами и никогда не возражал, чтобы их увозили на длительный срок, допустим, в ту же Вологду, поскольку Коля не мог ведь прочитать даже одну небольшую книжку в течение своей краткосрочной командировки. Только спустя многие годы я стал задумываться, отчего же в этом книжном реестре фигурировали преимущественно зарубежные авторы, а русских писателей было на порядок меньше. В этом списке, в основном, встречались имена наших знаменитых тогда «почвенников»: Тендрякова, Распутина, Белова и др., но в количественном отношении произведений русских писателей заметно уступали иностранным.

Археологи, ездившие в 1960–1970-е годы в поле, помнят охвативший в те годы почти все экспедиции книжный бум. Хорошие книги тогда, конечно, издавались, но всё же ограниченным тиражом, и достать их можно было скорее в глубинке, где они годами лежали в полузабытых сельских магазинчиках на запylённых полках. Так вот, на Урале нас, включая и начальника, тоже охватил неумёмный поиск, как тогда нам казалось, редких книг, хотя по неопытности мы скупали чуть ли не всё подряд, насколько, конечно, каждому позволяли финансовые возможности. Коля тогда набрал целый выючник и часть книг отправил домой в посылочном ящике. Вообще, спектр его литературных интересов был необычайно широк, но именно поэтому Аркадий Васильевич по-отечески старался предостеречь Николая от излишних литературных и философских увлечений, которые могли бы каким-то образом отразиться на занятиях по его основной специальности.

Может быть, я затрону немного личную (и прошу прощения, что не свою) тему, но не могу не сказать ещё об одном. Уже в той далёкой по времени уральской экспедиции Коля, вероятно, сделал свой окончательный жизненный выбор, связанный с созданием будущей семьи. Он практически ежедневно писал письма своей невесте. Им были отправлены Валентине десятки писем, по которым, как я догадывался, можно было бы создать и экспедиционную летопись того года.

По завершении работ Южно-Уральской экспедиции мы на машине УАЗ-69 поехали в Москву, по пути переправляясь на послевоенных паромках

через многочисленные и полноводные реки Приуралья и Поволжья. Эта интересная поездка заняла у нас более недели. В дороге мы также не забывали пополнять свою библиотеку. В Москве Коля пробыл несколько дней, а затем уехал домой, но скоро возвратился, чтобы встретиться с Валентиной и её сестрой, приехавших на родину из Германии, где служил их отец.

С тех пор он часто приезжал в Москву, а наши встречи стали почти что регулярными.

В середине семидесятых годов Коля пригласил меня в Вологду, в которой я никогда ещё не был. Мы поехали под новый 1975 год вместе с моим другом Юрой Потаповым, племянником Аркадия Васильевича, со школьной скамьи ездившим в экспедиции со своим дядей. Николай тщательно подготовился к нашему визиту, предложив обширную и практически полностью потом реализованную программу. За пять дней мы ознакомились с достопримечательностями древней Вологды, её музеями, фресками Дионисия в Ферапонтово, а напоследок побывали в величественном Кирилло-Белозерском монастыре. Когда же остановились в гостинице «Русь», неожиданно встретили там знакомого археолога, ученика В. В. Седова, Жору Пронина – специалиста, как и Коля, по сопкам, но только новгородской земли. В Кириллове Георгий проводил свой медовый месяц. Та поездка, проходившая в морозные предрождественские дни, оставила яркое впечатление. Она запомнилась мне не только красотой заснеженных храмов и величественных монастырей северного края. Как на фотографии, я в ту поездку навсегда запечатлел в памяти своей сынишку Николая и Валентины – Санечку – прелестного малыша, такого же белокурого, как и его родители. Он сползал из своей кровати на пол после безмятежного дневного сна, чтобы поскорее дотянуться до рук заботливой бабушки – Колиной мамы.

Когда я поступил в заочную аспирантуру Института археологии, и Николай в то же самое время стал соискателем, а экзамен по специальности мы сдавали вместе. Его научным руководителем стал Валентин Васильевич Седов, а моим – Николай Яковлевич Мерперт. Тогда я и не помышлял о Севере, а ездил исключительно в южные экспедиции на раскопки курганов бронзового века и раннего железа. В одну из них ко мне приехали Коля с Валей. Это было на Ставрополье, кажется, в 1977 г. Заехали они ко мне на несколько дней по дороге в Среднюю Азию. У них была своя палатка, спальные мешки и всё необходимое для автономного передвижения. Коля вообще был лёгок на подъём и если ставил перед собой цель съездить куда-либо, то обязательно осуществлял её. Причём с максимальной для себя пользой старался воспользоваться ситуацией. В течение этих немногих дней, проведённых неподалеку от Будённовска, он непременно вместе со всеми выходил работу, чтобы ознакомиться с методикой раскопок степных курганов. А копали мы с помощью бульдозеров и скреперов, что не совсем привычно для археологов, работающих на памятниках в лесной полосе. Вообще, его всепоглощающей любознательности, работоспособности и даже в какой-то степени одержимости я, ещё сам не до конца определившийся в выборе специализации, даже немного завидовал. Мне часто приходилось наблюдать его скрупулёз-

ную работу в архиве, где я выдавал отчёты и диссертации, в том числе и ему. С целью приобретения опыта реставрации археологических находок Коля некоторое время стажировался в лаборатории ИА РАН, где его радушно приняли в коллектив, в котором, кстати, трудились и сотрудники, неоднократно ездившие в экспедиции к Аркадию Васильевичу. К тому времени Николай уже мог легко и быстро восстанавливать керамический материал, но та стажировка была ему необходима для того, чтобы постигнуть азы реставрации металлических предметов. Этим я хочу подчеркнуть, что он постоянно пытался всего добиться сам.

Будучи весьма общительным человеком, Николай тем не менее никогда не ставил встречи с товарищами или случайные застолья выше интересов своей работы, которая являлась для него жизненным приоритетом.

Наша дружба, полагаю, не была случайной и не прерывалась в течение 12 лет. Моя мама также выделяла Колю среди моих друзей и относилась к нему с большой симпатией.

...Трагическое известие застало меня в конце полевого сезона 1980 года, когда я находился в разведке на границе Ставропольского края и Калмыкии. Позвонив из поля домой, я узнал, что потерял друга... Спустя месяц, вернувшись в Москву, я первым делом встретился с Аркадием Васильевичем Никитиным, который буквально не находил себе места. Он почему-то полагал, что косвенно несёт ответственность за гибель Коли, однако никак не мог решиться позвонить Вале. Добрейший Арквас просто не знал, что сказать ей и какими словами утешить в связи с постигшим её неизмеримым горем. Да и я, честно сказать, тоже не смог тогда решиться на звонок.

Так получилось, что большая часть моих друзей и знакомых была связана с Севером. Они занимались археологией, историей, этнографией, а некоторые часто ездили туда, если выпадала возможность. Слушая их подчас увлекательные рассказы, я всё же и не предполагал, что когда-либо сам окажусь в столь высоких широтах, хотя в своё время мне не раз предлагали съездить в археологические или этнографические экспедиции на Север или в Сибирь.

Как-то Коля подарил мне «Плотничьи рассказы» В. И. Белова, по прочтении которых я заинтересовался северорусской и сибирской прозой. Но овеянный героической романтикой Север по-прежнему оставался для меня недостижимым, вероятно, из-за моей инертности или нерешительности, которой у Коли, как мне кажется, не было.

Но на всё есть промысел Божий. В начале 1990-х годов я резко и сознательно поменял свои научные интересы, посчитав, что с южной тематикой пора завершать. И несколько о своём новом выборе не пожалел. Теперь, вспоминая многих, уже ушедших своих друзей-северян, в ряду которых Коля, к сожалению, стал едва ли не первым, я понимаю, что без них такой резкий поворот был бы невозможен. Ровно тридцать лет назад трагически оборвалась его молодая жизнь, но светлый образ Николая, как показало время, за прошедшие десятилетия несколько не померк и продолжает жить в сердцах всех, кто его знал.

БЕЗ НЕГО МЫ СТАЛИ БЕДНЕЕ

Жизнь сводила меня с Николаем Васильевичем Гуслистовым в течение 13 лет – с 1967 года, времени поступления в институт, и до 1980 года, дня трагической гибели. Мои воспоминания передают, конечно же, сугубо личное отношение к этому человеку. Не ручаюсь за точность деталей, но сомневаюсь, что память исказила впечатления о нём.

Для меня несомненно, что Николай жил в каком-то своём мире. В студенческие времена он, как правило, не вникал в обычную студенческую суету, редко включался в разговоры «о чём-нибудь». Было впечатление, что он сосредоточен на чём-то своём, более существенном, чем наши повседневные скоротекущие и преходящие хлопоты.

Я помню его волнистую гриву русских волос, склонённую даже на переменах над какой-то загадочной тетрадью, в которой он выводил графики жизни. Лично мне это представлялось надмирным деянием, спросить о котором я так и не решился. Говорят, что эти тетради сохранились и их предстоит расшифровать, что не так-то просто и, возможно, сродни откритию ключа к тайнам египетских иероглифов.

Эта способность отделять главное от второстепенного, «зёрна от плевел», проявлялась и в последующие годы. Помнится один разговор с ним, состоявшийся, как говорят, «на лету», но по каким-то непонятным законам памяти оставшийся в ней навсегда. Я работал в должности заместителя декана исторического факультета, а он преподавал археологию в качестве преподавателя-совместителя. Летом, в самый разгар полевого археологического сезона, ему приходилось приезжать из экспедиции и читать студентам-заочникам несколько часов лекций.

Для меня это было очень хлопотное время: ещё не закончилась сессия дневного отделения, а уже наехала армия заочников. Нужно было отрегулировать учебную деятельность более чем 600 студентов. Я ведал расписанием занятий. Нельзя было допустить никаких накладок, следовало уложиться в имеющееся количество аудиторий, сократить возможные «окна» в работе преподавателей и при всём этом соблюсти нормы научной организации труда. Я был весь в работе, в телефонных звонках, в улаживании текущих проблем – одним словом, был абсолютно уверен в исключительной значимости своей работы. И на вопрос Николая: «Как дела? Как жизнь?», я стал ему взволнованно говорить обо всех этих проблемах с полной уверенностью, что всё это очень важно и что он меня поймёт.

Гуслистов же отреагировал неожиданно: спокойно и очень убеждённо сказал, что всё это лишь имитация жизни и важно за этой суетой не потерять главного, сути бытия. Сказано это было дружески, без всякой поучительности, а потому не только не обиде-

ло меня, но и крепко запомнилось. Впоследствии не раз и не два этот урок всплывал в моей памяти и помогал обрести спокойствие, особенно когда засасывала текучка и жизнь казалась жутким клубком дел и проблем.

В больших компаниях он много не говорил. Больше молчал. Но сказанное им, как правило, было неожиданно, заставляло думать, а главное – помнилось.

Не могу не упомянуть и ещё об одной стороне его личности. Однажды, на какой-то домашней вечеринке, он предложил мне послушать старые записи Александра Вертинского. Я, к своему стыду, тогда этого имени не знал. Я слушал «Прощальный ужин», «Мадам, уже падают листья», «В бананово-лимонном Сингапуре»...

Воспитанный на советской песенной традиции, не сразу уловил и непривычные ритмы, и необычные метафоры, и новую для меня манеру исполнения. Придя домой, рассказал об этом маме. К моему удивлению, она сказала, что хорошо знает этого певца и рада, что он возвращается в нашу жизнь. Оказалось, что Коля знал и понимал то, что выпало из жизни нашего поколения. Я открыл для себя Варю Панину, Анастасию Вяльцеву, Надежду Плевицкую, а потом и Петра Лещенко, Вадима Козина и других. Но выяснилось ещё и то, что он тянулся к оперной музыке, к серьёзной классике.

И вот что я могу сказать в итоге: Коля отвернул меня от одномерного восприятия культуры. Он подсказал тогда, в очень советские 70-е гг. XX в., путь поиска культурного наследия в самых различных его проявлениях. Не раз я задумывался – как всё это связано с археологией? Может быть, это просто какое-то личное увлечение или, скажем, некий вид духовной оппозиции той социальной атмосфере? Ответа у меня нет. Но одно очевидно: Николаю было тесно в рамках одной эпохи, одной идеологии, одних стандартов. Измерять всё рамками одной человеческой жизни археологам не свойственно.

Я помню трагическое лето 1980 г. Тогда все мы ликовали по поводу Олимпийских игр, проходивших в СССР. Гремела музыка, на нас непрерывно обрушивались репортажи о победах наших спортсменов, рекой лилось олимпийское золото... К именам одних кумиров добавлялись новые ...

И вдруг! Как гром среди ясного неба: приказ ректора немедленно выехать в Устюженский район вывозить студентов с археологической практики в связи с гибелью её руководителя Николая Васильевича Гуслистова. Мы не могли поверить. Надеялись, что есть хоть какой-то шанс спасения. Однако правда жизни всё же обернулась трагедией: погиб он, его сын первоклассник Саша и студент первокурсник Александр Дмитрихин, тело которого мне было поручено доставить на его родину в Антушево Белозерского района.

Николай Васильевич Гуслистов

Я видел, как плакали девушки-студентки, с какими растерянными лицами встречали нас парни, как молчали друзья, не зная, что сказать друг другу. Это была невосполнимая утрата. Мы все понимали, что стали беднее.

Среди моих однокурсников особенными успехами в учебе он не выделялся. Но в науку пошёл первым и очень успешно – в аспирантуру академического института. В те времена это было не только большим успехом, но и в какой-то мере признанием многообещающего потенциала молодого археолога-провинциала. Я понимаю это очень хорошо, поскольку вскоре за ним пошёл тем же путём. Это сейчас мы уговариваем выпускников педагогического университета поступать в аспирантуру, и они из уважения к нам великодушно соглашаются, не вполне понимая, что там делать и зачем это нужно. Тогда же поступление в аспирантуру (да ещё в московскую! да ещё в академическую!) было большой жизненной удачей, открывало серьёзные перспективы научного роста, а для всех остальных такое поступление было – вспомним советскую терминологию – знаком профессионального качества. Дело в том, что в такой аспирантуре не было имитации науки, как это, к сожалению, бывает сейчас. Это было вхождение в подлинную науку, требовавшую огромной работы и реальных результатов.

Тогдашняя программа подготовки учителя истории в педагогическом институте при четырёхлетнем сроке обучения включала очень скромный курс археологии на первом курсе и летнюю полевую практику. В этих условиях вряд ли можно говорить о серьёзной археологической школе или, скажем, об археологической специализации. Всё достигнутое им для поступления в аспирантуру было получено путём самообразования и постоянной работы в поле. Только так он вышел на уровень, позволивший стать аспирантом Института археологии Академии наук СССР и на равных с выпускниками немногочисленных специализированных кафедр учиться в ней.

Он, к великому сожалению, успел сделать в вологодской и российской археологии не так уж и много. И уж совершенно точно – не столько, сколько бы мог. Но он сделал главное: заложил основы вологодской археологической школы, воспитал целое поколение вологодских археологов, влюбил в эту науку тех, кто сейчас составляет основу этой школы и воспитывает новые поколения археологов. Николай Васильевич Гуслистов для вологодской археологии – это отец-основатель, полевик-легенда, Учитель в высоком смысле этого слова.

Напомню, что пишу всё это о человеке, который прожил с нами лишь 30 лет!

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ*

История археологических исследований на территории Вологодской области до сих пор почти не привлекала к себе внимания¹. Между тем, накопленный археологами опыт давно нуждается в изучении и обобщении. Наиболее ранние факты интереса к археологическим памятникам зафиксированы в устных легендах². Однако только к последней четверти XVIII – началу XIX в. относятся первые описания этих памятников³ и первые попытки археологических раскопок⁴, а целенаправленная деятельность в данном направлении начинается лишь после Отечественной войны 1812 г. Несомненная заслуга в этом принадлежит З. Д. Ходаковскому, который в 20-х годах XIX в. побывал на реках Колпи и Мологе, в г. Череповце и отметил здесь городища и жалники, а также следы веси в топонимике⁵. Более благоприятные условия для сбора сведений о памятниках возникли с основанием в 1838 году местного периодического издания «Вологодские губернские ведомости». В неофициальной части этого издания печатаются сообщения Муромцева о городке Рахлей⁶ и о Чудиной горе на реке Сямжене⁷, К. Свистунова о Тарножском городке⁸, П. Черняева о Кичменгском городке⁹, П. Сорокина о городках Сольвычегодского уезда, в том числе и о городке Рахлей¹⁰,

П. Воронова о Вельских городках с упоминанием Брусенецкого городка и городка на реке Сямжене¹¹. Некоторые археологические сведения появляются в центральной печати, в частности, о так называемом кургане «Синеус» близ города Белозерска¹² и о находке клада монет X–XI вв. у Великого Устюга¹³.

Таким образом, в первой половине XIX в. исключительно трудами любителей накапливаются первые археологические сведения.

Во второй половине XIX в. создание Археологической комиссии в 1850 г., основание Московского археологического общества в 1864 г., организация археологических съездов, деятельность Вологодского губернского статистического комитета, продолжающиеся публикации «Вологодских губернских ведомостей», а с 1864 г. «Вологодских епархиальных ведомостей» способствовали дальнейшему росту количества сообщений, свидетельствующих, что работа не ограничивается уже только выявлением и описанием памятников, но сопровождается и раскопками. В 1860 г. Я. М. Лазаревский проводит раскопки так называемого кургана «Синеус» и доказывает его естественное происхождение¹⁴. В 1864 г. И. Я. Якубович раскапывает «древние могилы» на берегу реки Суды¹⁵. В 1864 г. член Археологического общества Д. И. Прозоровский раскапывает курганы у д. Варнаушка¹⁶. В 1875 г. Д. П. Европеус раскапывает сопку близ деревни Белые Кресты¹⁷. А в 1881 г. сопка у с. Избоищи была раскопана слушателями Археологического института¹⁸. Значительная работа по выявлению и описанию археологических

*Впервые статья была опубликована в книге «Историография и источниковедение истории северного крестьянства» (САС. Вып. 6. Вологда, 1978. С. 13–23).

¹ Самостоятельное значение имеют только: *Фосс М. Е.* История исследования северного неолита // Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952. С. 20–29 (МИА; № 29); *Никитин А. В.* Археологические исследования в Вологодской области // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. С. 439–441. (САС; Вып. III).

² *Степановский И. К.* Вологодская старина: историко-археологический сборник. Вологда, 1890.

³ *Засецкий А. А.* Исторические и топографические известия по древности о России и частью о городе Вологде и его уездах... 2-е изд. М., 1782. С. 16.

⁴ *Флеров А. О.* древностях вологодских и зырянских // Северный вестник. 1804. № 11. С. 205–210.

⁵ *Ходаковский З. Д.* Донесение о первых успехах путешествия по Руси Ходаковского З. Д. // Русский исторический сборник. Т. VII. М., 1844. С. 87–88.

⁶ *Муромцев И.* Городок Рахлей // ВГВ. 1843. № 23.

⁷ Древние исторические места Кадниковского уезда // ВГВ. 1844. № 26.

⁸ *Свистунов К.* Тарножский городок // ВГВ. 1847. № 37.

⁹ *Черняев П.* Кичменгский городок // ВГВ. 1848. № 36.

¹⁰ *Сорокин П.* Об укрепленных местах Сольвычегодского уезда Вологодской губернии // ВГВ. 1853. № 25, 26.

¹¹ *Воронов П.* Городища // ВГВ. 1854. № 20, 21.

¹² *Шевырев С. П.* Поездка в Кириллово-Белозерский монастырь в 1847 г. Ч. II. М., 1850. С. 60; *Игнатъев.* Курганы близ г. Белозерска // Северная пчела. 1853. № 56, 57, 62; *Он же* // Журнал для чтения военно-учебных заведений. 1853. Т. 104. № 415. С. 352–366.

¹³ *Савелов П. С.* Археологические находки, сделанные в Пермской и Вологодской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1852. Ч. 75. 7 отделение, II часть. С. 26.

¹⁴ Отчёт об археологических розысках в окрестностях Белозерска за 1860 год // ИИМК РАН. Ф. 115/1860; Отчёт Императорской археологической комиссии за 1860 год. СПб., 1862. Ст. XII.

¹⁵ *Прозоровский Д. И.* Древние вещи, найденные в Белозерском уезде // Известия Императорского русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1877. С. 64–66.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Архив А. А. Спицына* // ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 381. Л. 111.

¹⁸ *Калачев Н. В.* Отчёт об осмотре летом и осенью слушателями Археологического института памятников древностей и их работе в архивах // Сборник Археологического института. Кн. V. Вып. I. СПб., 1881. С. 6.

памятников была проделана к VII археологическому съезду, проходившему в 1887 г. в г. Ярославле. Через губернский статистический комитет приходским священникам была разослана программа по сбору археологических сведений. Ответы были обработаны и опубликованы секретарём комитета Н. А. Полиевктовым¹⁹. В трудах съезда сообщалось также об обследовании памятников Н. Е. Ординым²⁰. Результатом проделанной к VII археологическому съезду работы явилось выявление и описание 23 памятников, расположенных ныне в восточных районах Вологодской области.

В конце XIX в. и в начале XX в. интересные сведения поступают от К. С. Ивановского²¹, Е. А. Бурцева²², А. Беляева²³. Раскопки же проводятся помещиком Паниным в 1894 г. у деревень Митино и Заворыкино²⁴. Учеником А. Е. Спицына Н. Ф. Лавровым в 1911 г. проводится разведка по рекам Шексне и Суде²⁵. Уникальный памятник из 17 курганов (правда, сильно разрушенных кладоискателями) раскопал в низовьях Сухоны в 1911 году Н. В. Глазов²⁶.

До революции имели место и обзоры выявленных археологических памятников и находок. По восточным районам Вологодской области, входившим ранее в состав Вологодской губернии, таким обзором является работа И. К. Степановского «Вологодская старина»²⁷, по западным, входившим в состав Новгородской губернии, – А. А. Спицына «Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении»²⁸, кроме того, И. Романцевым был составлен указатель памятников Новгородской губернии²⁹.

Общим итогом работы, проделанной краеведами, любителями старины и археологами до 1917 г., явилось выявление и описание большого количества археологических памятников, правда, почти исклю-

чительно средневековых. По выявлению памятников предшествующих исторических эпох успехи были значительно меньше. В конце XIX – начале XX вв. было известно всего лишь 9 местонахождений каменного века³⁰, городище и два селища – эпохи раннего железа³¹, финно-угорские же материалы известны только из раскопок А. В. Панина на реке Суде³² да сборов Едемского³³ и Глазова³⁴ на р. Кокшеньге. Из отдельных находок в Петровском домике г. Вологды, в музее Общества изучения Северного края и в музее Тотемской Петровской ремесленной школы начали формироваться первые археологические коллекции.

Проведение небольших, в основном любительских, раскопок показало ценность скрытых в памятниках материалов. К сожалению, раскопки проводились по весьма несовершенной методике, собранные материалы с дневниковыми записями в большинстве случаев утрачены, выводы же по полученным материалам носили преимущественно этногеографический характер; история технологии, хозяйства, социально-экономические отношения прошли мимо внимания археологов. Поэтому весь досоветский период являлся периодом накопления материала, общий объём которого и качество послужили основой для дальнейшего развития археологических исследований на территории края.

После Октябрьской революции в развитии археологических исследований начался новый этап: вещественные источники получили должное признание, расширилась деятельность Вологодского общества изучения Северного края, возникли Общества по изучению местного края в гг. Череповце и Тотьме, перестроилась работа музеев в Череповце и Вологде, созданы музеи в Великом Устюге, Тотьме, Устюжне. Всё это привело и к бурному росту числа любителей краеведов, и их активности.

Гидрограф К. В. Марков, работавший в 1917–1918 гг. по обследованию водной системы озёр Воже и Лача, собрал значительное количество неолитических орудий и осколков орнаментированной керамики. На его карте отмечено более 30 местонахождений³⁵.

Крупным центром по выявлению археологических памятников становится музей и педагогический институт в Вологде. В 1920 г. преподавателем института Н. В. Ильинским обнаружена неолитическая стоянка у истоков р. Сухоны³⁶. На р. Едке собрал неолитические

¹⁹ Отчёт о действиях и занятиях Вологодского губернского статистического комитета за 1887 г. // ВГВ. 1889. № 3, 4, 5; То же // ВЕВ. 1889. № 22, 23; Полиевктов Н. А. Сведения о городках и городищах, находящихся в Вологодской губернии // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. III. М., 1892. С. 4–12.

²⁰ Ордин Н. Е. Описание городка, находящегося в Никольской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. III. М., 1892. С. 13–14.

²¹ Ивановский К. С. Археологическая заметка // ВГВ. 1880. № 30.

²² Бурцев Г. А. Городок на р. Сямже // ВГВ. 1887. № 23.

²³ Беляев А. Памятники древности в Верховажье // ВЕВ. 1898. № 20.

²⁴ Спицын А. А. Курганы Белозерского уезда // ЗИРАО. Новая серия. Т. VII. Вып. 1 и 2. СПб., 1896. С. 160.

²⁵ ИИМКРАН. Д. 89/1911; Лавров Н. Ф. Исследования Н. Ф. Лаврова в Череповецком уезде // Отчёт Археологической комиссии за 1911 г. СПб., 1914. С. 68–69.

²⁶ Глазов Н. В. Записки о древностях Вологодской губернии по Вельскому и Тотемскому уездам // Там же. С. 69–70.

²⁷ Степановский И. К. Вологодская старина. Вологда, 1890.

²⁸ Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении // ЗИРАО. Новая серия. Т. IX. Вып. 1–2. СПб., 1887. С. 237–293.

²⁹ Романцев И. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.

³⁰ Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении // ЗИРАО. Новая серия. Т. IX. Вып. 1–2. СПб., 1897. С. 238.

³¹ Лавров Н. Ф. // ИИМКРАН. Ф. 1. Д. 89/1911.

³² Спицын А. А. Курганы Белозерского уезда // ЗИРАО. Новая серия. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб., 1896. С. 160.

³³ Едемский М. Б. Кокшенгская старина // Записки Русского отделения Императорского русского археологического общества. Т. VII. Вып. 1–3. СПб., 1906. С. 92.

³⁴ Глазов Н. В. Указ. соч.

³⁵ Марков К. В. План озера Воже. План озера Кенозеро с указанием мест находок доисторического человека. Хранятся в научном архиве Вологодского областного краеведческого музея.

³⁶ Спицын А. А. Древности Вологодской, Архангельской, Северодвинской губерний и области Коми // Доклады научного общества по изучению местного края при Тотемском музее. Вып. IV. Тотьма, 1926. С. 6; о нём: Черницын Н. Тотемский государственный музей местного края // Север. 1924. № 1. С. 159–160.

материалы тов. Бурачек³⁷. В 1926 г. по приглашению Вологодского музея археолог М. Е. Арсакова провела разведку по южному и юго-восточному берегу Кубенского озера, зафиксировав две стоянки и четыре местонахождения орудий эпохи неолита³⁸. Целый круг друзей музея возник в г. Вологде во второй половине 30-х годов: от рабочих города, от Коли Федышина и его товарищей поступает ряд неолитических и мезолитических орудий, найденных на территории города и его окрестностей³⁹. В 1941 г. сотрудником музея М. Я. Рудинским собраны материалы и зафиксированы 24 пункта местонахождений в низовьях рек Сухоны и Юга⁴⁰.

Небольшая коллекция каменных орудий формируется в Великоустюгском музее трудами К. А. Линева и М. И. Романова⁴¹.

Устюженский музей совместно с Тихвинским проводит небольшие раскопки на р. Мологе⁴².

Большой размах и систематичность работа по археологическому исследованию края приобрела в Тотемском музее под руководством Н. Н. Черницына. Уже в 1918 г. художник Е. И. Праведников обнаружил на р. Сухоне стоянку с сохранившимся культурным слоем⁴³. В 1923 г. она была частично раскопана директором музея Н. Н. Черницыным⁴⁴. Её исследование дало толчок к поискам новых памятников. Уже в следующем году было открыто пять неолитических стоянок по р. Кокшеньге⁴⁵. В 1924 г. выявлены и силами археологического кружка при Тотемском музее обследованы первые на территории края угро-финские могильники: Пустошинский, Марьинский, датированные XI–XII вв.⁴⁶

Для анализа полученных археологических материалов привлекались крупнейшие археологи

В. А. Городцов⁴⁷ и А. А. Спицын. От А. А. Спицына была получена и опубликована в 4-м выпуске докладов Общества по изучению местного края статья «Древности Севера»⁴⁸, в которой сделан обзор вологодских древностей, дан анализ накопленного материала и определены перспективы археологического исследования края. Эта работа явилась первой попыткой собрать весь накопленный к 20-м гг. материал и дать ему возможное освещение. Итогом же всей многолетней работы директора Тотемского музея Н. Н. Черницына явилось создание микрокарты археологических памятников Тотемского района, где отмечены 14 стоянок неолита, 7 стоянок раннего металла, 10 могильников, 4 городища и 23 местонахождения отдельных предметов⁴⁹, кроме того, Н. Н. Черницыным сделан ряд публикаций, которые ввели в научный обиход материалы, ставшие основой дальнейшего исследования не только в Тотемском районе, но и в области⁵⁰.

Со второй половины 20-х годов большое внимание уделялось археологии в Череповецком краеведческом музее. В 1924 г. Г. И. Виноградовым были обнаружены курганы и жальники близ деревни Малечкино⁵¹. Инспектор губоно Б. Г. Кириллов обследует памятники в Устюженском районе⁵². Археолог Арсакова, работавшая в это время в Череповецком музее, проводит раскопки курганов у станции Пестово⁵³, в 1927 г. – курганов у д. Болтинская, неолитической стоянки Водоба⁵⁴, в 1929 году – стоянок на западном берегу Чарондского озера и на восточном берегу Вещозера⁵⁵. Итогом работы М. Е. Арсаковой явилась статья «Древнейший человек и население края»⁵⁶. Директором Череповецкого музея К. К. Морозовым в 30-х годах была обследована древнейшая стоянка края Ягорбская с микролитическими орудиями⁵⁷.

Идя по следам краеведов, археологи М. Е. Фосс и А. Я. Брюсов проводят крупные археологические работы: М. Е. Фосс – в районе озера Лача (в насто-

³⁷ Арсакова М. Е. Отчёт // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 176.

³⁸ Спицын А. А. Курганы Белозерского уезда // ЗИРАО. Новая серия. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб., 1896. С. 160.

³⁹ Чичерин. Археолог Федышин // Наши достижения. 1936. № 1. С. 128; Археологические находки // Красный Север. 1935. 29 мая; Памятник XVI века // Красный Север. 1936. 30 мая; Верховцев Д. Юные археологи // Красный Север. 1937. Июнь; Федышин И., Невзоров В. Заметки о городе // Красный Север. 1940. 17 января.

⁴⁰ Рудинский М. Я. Инвентарная опись археологических материалов, собранных М. Я. Рудинским во время экспедиции в Нюксенский, Великоустюгский и Усть-Алексеевский районы в 1941 г. // Научный архив Вологодского областного краеведческого музея.

⁴¹ Археологическая коллекция хранится в Великоустюгском краеведческом музее.

⁴² ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. № 214; ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 195.

⁴³ Праведников Е. И. Находки каменного века близ города Тотьмы (поздний неолит) // Материалы по изучению истории и использованию производительных сил Северного края. Вып. 3. Вологда, 1922. С. 197–198.

⁴⁴ Черницын Н. А. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. № 112.

⁴⁵ Черницын Н. А. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. № 112; Он же // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. № 190; Он же // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 129.

⁴⁶ Черницын Н. А. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 168.

⁴⁷ Черницын Н. А. Черняховская стоянка поздней поры неолита. Тотьма, 1928. С. 18.

⁴⁸ Спицын А. А. Древности Вологодской...

⁴⁹ Черницын Н. А. Археологическая карта Тотемского района Вологодской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. В. 35. М.; Л., 1950. С. 143–148.

⁵⁰ Кроме указанных: Черницын Н. А. Следы неолита по Кокшеньге // Север. № 7–8. 1928. С. 283–285; Черницын Н. А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области // СА. № 4. 1966. С. 196–201; Черницын Н. А. Тотемный знак на гальке // СА. № 2. 1970.

⁵¹ Виноградов Г. И. Об обнаружении кладбища близ Череповца Новгородской губернии // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 133.

⁵² Кириллов Б. Г. Материалы хранятся в Череповецком краеведческом музее. Он же. ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. № 214.

⁵³ Арсакова М. Е. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926, № 117/17.

⁵⁴ Арсакова М. Е. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 168.

⁵⁵ Арсакова М. Е. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 141.

⁵⁶ Арсакова М. Е. Древнейший человек и население края // Череповецкий округ. Череповец. 1929.

⁵⁷ Материалы хранятся в Череповецком краеведческом музее.

ящее время в Архангельской обл.) и по р. Сухоне⁵⁸; А. Я. Брюсов в районе озера Воже начинает раскопки двух крупнейших памятников неолита – свайного поселения на р. Модлоне и могильника у д. Караваиха⁵⁹. В работе экспедиции А. Я. Брюсова принимают активное участие сотрудники Вологодского музея И. И. Смирнов, Череповецкого – К. К. Морозов, Вологодского пединститута – Р. В. Бобровский.

Успешные работы экспедиций и личные контакты с А. Я. Брюсовым приводят к активизации деятельности ещё одного краеведа – редактора районной газеты В. В. Гарновского, который в 1940–1941 гг. открывает на северном и западном берегах Белого озера более десяти неолитических стоянок⁶⁰. Если в выявлении памятников неолита большая заслуга принадлежит краеведам, то создание карты памятников Средневековья – заслуга экспедиций ГАИМК и ИИМК. Отряд Северо-Западной экспедиции под руководством Г. П. Гроздилова и В. И. Равдоникаса в 1929 г. провёл обследование по р. Шексне, Суде, Колпи и Мологе, взяв на учёт более 60 курганных групп, жальников, могильников, селищ и городищ⁶¹. Такая работа привела к выявлению основных групп памятников в западных районах области. Существенным добавлением к ним явилась работа Средневологостройской (1933–1935 гг.) и Верхневолжской (1936–1938 гг.) экспедиций под руководством П. Н. Третьякова, обследовавших нижнее течение рек Шексны и Мологи⁶², а также Белозерской экспедиции П. А. Сухова, проходившей при участии Кирилло-Белозерского музея⁶³.

Война резко прервала археологические исследования, но уже в первые послевоенные годы они восстанавливаются в большем объёме⁶⁴.

Новый этап в развитии археологического краеведения характеризуется большим контактом любителей с археологами-профессионалами. Сотрудники Вологодского областного музея, Вологодского государственного педагогического института, Череповецкого музея ежегодно участвуют в экспедициях Государственного исторического музея, Института археологии. Постановление правительства 1948 г. об охране памятников и руководящие документы по паспортизации археологических памятников придали краеведческому движению более целенаправленный характер. В выявлении памятников, их обследовании, составлении документации участвуют А. В. Го-

лованова, К. К. Морозов, В. В. Гарновский, Б. М. Яковцевский, М. В. Горбунов, Н. А. Черницын, А. А. Милов⁶⁵, А. А. Алексеева⁶⁶.

При всём росте краеведения доминировать в послевоенный период стали систематические археологические исследования. А. Я. Брюсов продолжает начатые в 1937 г. крупные исследования неолитических памятников в бассейне озера Воже⁶⁷. Результатом этих работ явилось освещение важнейших вопросов экономической и этнической истории Севера в III–II тыс. до н. э., связей каргопольской культуры с карельской и беломорской; удалось наметить основные пути заселения Севера⁶⁸. Принимая участие в работе конференции вологодских вузов и редактируя сборник по археологии Вологодской области, А. Я. Брюсов поставил ряд конкретных задач в археологическом исследовании Вологодской области, большинство которых за последующие двадцать лет были решены⁶⁹.

Работы М. Е. Фосс по изучению Севера также в большей мере связаны с материалами области. Карта, опубликованная в монографии «Древнейшая история Севера Европейской части СССР», до сих пор является наиболее полным сводом неолитических памятников⁷⁰.

С разрешением целого ряда вопросов трудами А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс возникли новые проблемы, которые успешно решались археологами в последующие годы. Экспедиция Государственного исторического музея под руководством И. К. Цветковой в 1956–1957 гг. в районе Азатского озера⁷¹ дала материалы, подтверждающие предположение о заселении края в эпоху неолита из Волго-Окского междуречья, и раздвинула границы каргопольской культуры в юго-западном направлении. В работах отряда Ленинградского отделения Института археологии Р. В. Козыревой в 1965, 1970 гг.⁷² проявился рост внимания к исследованию памятников в новых районах. Более ярко и последовательно тенденция к исследованию памятников в новых районах области

⁵⁸ Фосс М. Е. Разведка по Сухоне // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. № 258.

⁵⁹ ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 137, 206, 205; Ф. 2. Оп. 1. 1937. № 197, 242; Ф. 2. Оп. 1. 1932. № 1; Ф. 35. Оп. 1. 1939. № 7; Ф. 35. Оп. 1. 1940. № 12. Коллекции хранятся в Череповецком краеведческом музее.

⁶⁰ Материалы хранятся в Череповецком краеведческом музее, научном архиве Вологодского областного краеведческого музея.

⁶¹ Гроздилов Г. П. Археологические памятники IX–XIII вв. в Белозерье // УМК. Ф. 7. Д. 5; ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 11. 1933. № 225.

⁶² ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. № 225.

⁶³ ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. № 258. С. 31–34. № 260. Л. 5–8; ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. № 41. Ф. 35. Оп. 1. 1940. № 105.

⁶⁴ Засурцев П. И. Отчёт 1947 г. // ИА РАН Р-1/252.; Брюсов А. Я. Отчёт 1945 г. // ИА РАН Р-1/15. 1946.

⁶⁵ Материалы хранятся в архиве производственной группы охраны памятников управления культуры Вологодского облисполкома и в научном архиве Вологодского областного краеведческого музея.

⁶⁶ Материалы хранятся в Череповецком краеведческом музее.

⁶⁷ См. отчёты А. Я. Брюсова за 1945–1959 годы в архиве ИА РАН: 1945 г. – ИА. Р-1. № 15; 1946 г. – ИА. Р-1. № 48; 1947 г. – ИА. Р-1. № 125; 1951 г. – ИА. Р-1. № 586; 1952 г. – ИА. Р-1. № 705; 1953 г. – ИА. Р-1. № 872; 1955 г. – ИА. Р-1. № 1125; 1956 г. – ИА. Р-1. № 1220; 1957 г. – ИА. Р-1. № 1562; 1959 г. – ИА. Р-1. № 2066.

⁶⁸ Брюсов А. Я. Очерки по истории племён европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

⁶⁹ Брюсов А. Я. О целях и задачах и о состоянии и перспективах археологического обследования Вологодской области // Труды научной конференции по изучению Вологодской области. Вологда, 1956. С. 43–53; Он же. Предисловие // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

⁷⁰ Фосс М. Е. Древнейшая история Севера... М., 1952.

⁷¹ См. отчёты И. К. Цветковой за 1955–1957 годы в архиве ИА РАН: 1955 г. – ИА. Р-1. № П19; 1956 г. – ИА. Р-1. № 1271; 1957 г. – ИА. Р-1. № 1486.

⁷² См. отчёты Р. В. Козыревой за 1965 и 1970 годы в архиве ИА РАН: 1965 г. – ИА. Р-1. № 3144; 1970 г. – ИА. Р-1. № 4324.

проявилась с 1968 г. в работе экспедиции Института археологии С. В. Ошибкиной⁷³. Полученные ею материалы позволили говорить о сохранении в ранних стоянках Андозера очевидного сходства с памятниками льяловского типа. Раскопки стоянок в среднем течении Сухоны дали возможность говорить о существенном отличии неолита Сухоны от неолита каргопольской культуры.

Систематические исследования славяно-русских памятников ведутся с 1948 г. Вологодской археологической экспедицией Института археологии под руководством А. В. Никитина⁷⁴. В работе активно участвовали областной музей и Вологодский педагогический институт. Работы в городе Вологде позволили на археологическом материале подтвердить возникновение города в домонгольское время. Раскопки в г. Устюжне, на реках Кать, Мологе, Колпи, Суде свидетельствовали о заселении этих районов славянами с X века. Разведки по рр. Сухоне, Ваге, раскопки в Великом Устюге, в Никольском, Кичменгско-Городецком районе позволили сделать выводы о сравнительно позднем возникновении городков в восточных районах области в периоды борьбы между Москвой и Новгородом и Смутного времени.

Работы Белозерской археологической экспедиции под руководством Л. А. Голубевой⁷⁵ дали материал для выводов о возникновении одного из крупнейших городов древней Руси ещё в период господства на берегах Белого озера финно-угорского населения и о социально-экономическом развитии города в последующее время.

Государственным историческим музеем в 1950 г. было проведено обследование археологических памятников Белозерья, результатом которого явилось создание микрокарты памятников района⁷⁶.

Значительные работы по выявлению памятников летописной Веси были проведены в бассейне Белого озера, р. Шексны, Суды, Мологи сотрудником Го-

сударственного исторического музея Н. В. Тухтиной⁷⁷. Раскопки финно-угорских грунтовых могильников и высоких курганов показали, что население этого района обладало своеобразными культурно-экономическими особенностями и находилось в тесном контакте со славянами.

В 1950–1960-е гг. велись и специальные археологические исследования К. А. Раевского, И. Н. Хлопина, А. Н. Кирпичникова⁷⁸, проводилось изучение торфяников⁷⁹, изучение краниологического материала⁸⁰, создана дендрохронологическая шкала по древнему Белоозеру⁸¹.

В настоящее время археологические работы осуществляются С. В. Ошибкиной по исследованию мезолитических памятников Андозера и в бассейне р. Сухоны⁸², Л. А. Голубевой – на поселении IX–X вв. у д. Городок⁸³, Н. В. Тухтиной – по паспортизации средневековых памятников в западных районах области⁸⁴, Н. В. Гуслистовым – по выявлению и исследованию памятников дославянского населения в восточных районах области⁸⁵, А. В. Никитиным – по обобщению материалов, полученных более чем за 20 полевых сезонов. Все эти работы обещают в самое ближайшее время публикацию новых материалов и выводов.

⁷⁷ См. отчёт Н. В. Тухтиной за 1959 год в архиве Череповецкого краеведческого музея и отчёты за 1960–1966 годы в архиве ИА РАН: 1960 г. – ИА. Р-1. № 2180; 1961 г. – ИА. Р-1. № 2505; 1963 г. – ИА. Р-1. № 2787; 1964 г. – ИА. Р-1. № 2981; 1965 г. – ИА. Р-1. № 3093; 1966 г. – ИА. Р-1. № 3857.

⁷⁸ См. отчёты К. А. Раевского за 1953–1954 годы в архиве ИА РАН: 1954 г. – ИА. Р-1. № 1003; 1953 г. – ИА. Р-1. № 807; 1954 г. – ИА. Р-1. № 1004; *Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре // АО, 1971. М., 1972. С. 45; *Хлопин И. Н.* Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре // АО, 1972. М., 1973. С. 43.

⁷⁹ *Лисицына Г. Н.* Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961; *Буров Г. М.* Археологическое изучение торфяников // АО, 1966. М., 1967. С. 6.

⁸⁰ *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 334–365.

⁸¹ *Черных Н. Б.* Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера // Археологические и естественные науки. М., 1965; *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. С. 52–57, 63–66 (Белоозеро), С. 113, 114 (Кириллов).

⁸² *Ошибкина С. В.* Работы в Вологодской и Кировской областях // АО, 1974. М., 1975. С. 30–31; *Она же.* О работе Вятской и Северной экспедиций // АО, 1975. М., 1976. С. 33–34; *Она же.* О работе Вятской и Северной экспедиций в 1976 г. М., 1977. С. 27–28.

⁸³ *Голубева Л. А., Тухтина Н. В.* Работы Белозерской экспедиции // АО, 1974. М., 1975. С. 12; *Они же.* Работы Белозерской экспедиции // АО, 1975. М., 1976. С. 10–11; *Голубева Л. А., Тухтина Н. В., Равдина Т. В.* Работы Белозерской экспедиции // АО, 1976. М., 1977. С. 11.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ *Гуслистов Н. В., Никитин А. В.* Вологодская экспедиция // АО, 1975. М., 1976. С. 13–14; *Гуслистов Н. В.* Вологодская экспедиция // АО, 1976. М., 1977. С. 12.

⁷³ См. отчёты С. В. Ошибкиной за 1968–1973 годы в архиве ИА РАН: 1968 г. – ИА. Р-1. № 3663; 1969 г. – ИА. Р-1. № 3863; 1970 г. – ИА. Р-1. № 4267; 1971 г. – ИА. Р-1. № 4512; 1973 г. – ИА. Р-1. № 4978.

⁷⁴ См. отчёты А. В. Никитина за 1948–1970 годы в архиве ИА РАН: 1948 г. – ИА. Р-1. № 222; 1955 г. – ИА. Р-1. № 1192; 1956 г. – ИА. Р-1. № 1299; 1957 г. – ИА. Р-1. № 1662; 1958 г. – ИА. Р-1. № 1728; 1959 г. – ИА. Р-1. № 1966; 1960 г. – ИА. Р-1. № 2324; 1961 г. – ИА. Р-1. № 2321; 1962 г. – ИА. Р-1. № 2479; 1963 г. – ИА. Р-1. № 2680; 1964 г. – ИА. Р-1. № 2922; 1965 г. – ИА. Р-1. № 3143; 1966 г. – ИА. Р-1. № 3342; 1967 г. – ИА. Р-1. № 3530; 1968 г. – ИА. Р-1. № 4061; 1969 г. – ИА. Р-1. № 3982; 1970 г. – ИА. Р-1. № 4110.

⁷⁵ См. отчёты Л. А. Голубевой за 1950–1966 годы в архиве ИА РАН: 1950 г. – ИА. Р-1. № 510; 1951 г. – ИА. Р-1. № 621; 1952 г. – ИА. Р-1. № 1374; 1957 г. – ИА. Р-1. № 1505; 1958 г. – ИА. Р-1. № 1795; 1960 г. – ИА. Р-1. № 2138; 1961 г. – ИА. Р-1. № 2334; 1962 г. – ИА. Р-1. № 2572; 1963 г. – ИА. Р-1. № 2945; 1966 г. – ИА. Р-1. № 3215.

⁷⁶ *Фехнер М. В.* Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской области // Труды Государственного исторического музея. Вып. 22. М., 1953. С. 125–140.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГУСЛИСТОВ И ИЗУЧЕНИЕ КУБЕНСКОГО МЕЗОЛИТА

Научные интересы Николая Васильевича Гуслистова были прежде всего связаны с выявлением и изучением финно-угорских и древнерусских памятников периода раннего и позднего Средневековья. За несколько лет он объездил большую часть Вологодской области, проверяя сведения археологов и краеведов начала XX века о городках и городищах, селищах и поселениях, могильниках и курганах. В ходе полевых изысканий Николай Васильевич заложил десятки разведочных шурфов, зафиксировал текущее состояние археологических памятников, а иногда их полное разрушение, как например, Пустошинского могильника в Тотемском районе. В ходе его работ были выявлены новые археологические памятники, в том числе стоянки и поселения каменного века, эпохи раннего металла и раннего железного века.

В июне 1979 г. Николай Васильевич вёл разведочные работы в Усть-Кубинском районе (рис. 1). Ос-

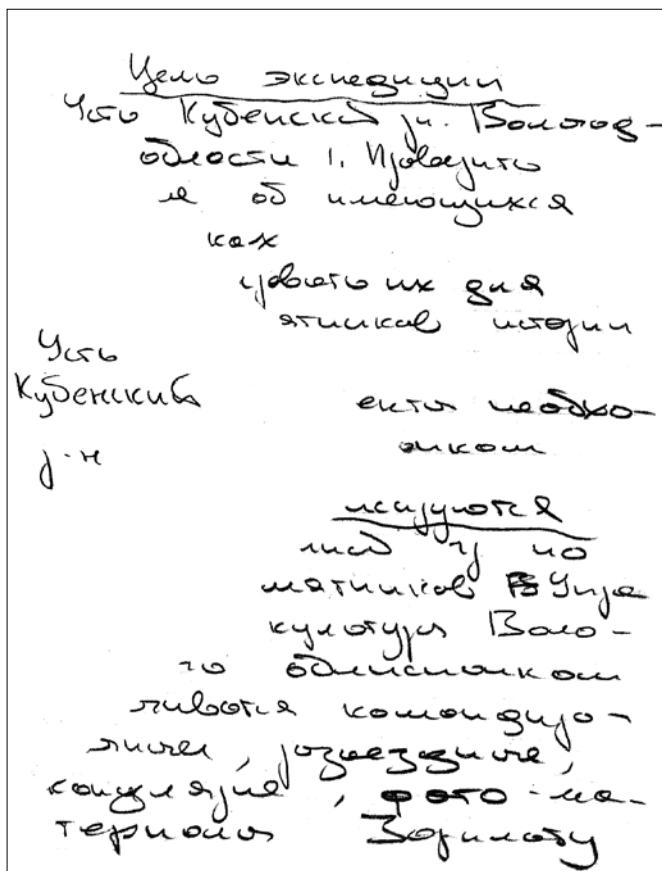

Рис. 1. Страница из полевого дневника Николая Васильевича Гуслистова с записями о работах на территории Усть-Кубинского района в 1979 г.

Рис. 2. Карта расположения вновь выявленных и обследованных памятников в Усть-Кубинском районе (из отчёта Н. В. Гуслистова)

новой целью этих работ было уточнение характера нескольких объектов, которые в 1950 г. были паспортизированы как курганы, городища и валы. Осмотр Н. В. Гуслистовым этих объектов показал, что так называемые «курганы» и «земляные валы» у села Устье имели естественное происхождение и были связаны с последним оледенением, а «городище» у села Никольское являлось элементом ландшафтного парка помещиков Межаковых. Тогда же Николай Васильевич провёл обследование устья реки Кубены, где обнаружил средневековое селище и зафиксировал несколько мезолитических местонахождений кремнёвого инвентаря¹ (рис. 2). Открытие мезолитических стоянок на Кубене имело большое значение, поскольку кубенский речной бассейн долго оставался за пределами научных интересов археологов, несмотря на обширность и несомненную значимость данной территории в решении вопросов первоначального заселения и освоения Русского Севера.

Первые стоянки каменного века в устье Кубены открыты практически одновременно двумя археологами: С. В. Ошибкиной и Н. В. Гуслистовым. В 1978 г. С. В. Ошибкина обследовала восточный берег Кубенского озера и устье р. Кубены, где обнаружила несколько мезолитических стоянок. В июне следующего года обследование приустьевой части Кубены провёл Н. В. Гуслистов. Им были осмотрены памятники, открытые С. В. Ошибкиной, собран подъёмный материал и зафиксированы 2 новые мезолитические стоянки. В 1980 г. учениками Н. В. Гуслистова, студентами С. Т. Еремеевым и М. В. Иванищевой (Кисляковой), была выявлена ещё одна стоянка эпохи мезолита – Запань Заречная.

¹ Гуслистов Н. В. Отчёт о работе Вологодского археологической экспедиции в 1979 году. Вологда, 1980 // ВГИАХМЗ. Б/н.

Рис. 3. Дельта реки Кубены (снимок из космоса, 2006 г.)

В результате этих исследований, которые велись практически одновременно, некоторые памятники оказались зафиксированными неоднократно под разными названиями. Автором была проведена работа по изучению и сопоставлению отчётов и полевой документации С. В. Ошибкиной и Н. В. Гуслистова, коллекций каменного инвентаря (сборы разных лет), хранящихся ныне в ВГИАХМЗ, а также получена устная информация от А. М. и М. В. Иванищевых, в результате чего удалось составить достаточно точную карту расположения 10 мезолитических стоянок в приустьевой части р. Кубены (рис. 4). В настоящее время все стоянки в устье Кубены полностью разрушены и небольшие коллекции подъёмного материала, собранные 30 лет назад, остаются единственным источником для изучения среднекаменного века приустьевой части Кубены.

Река Кубена, как и множество других рек Вологодской области, связана с бассейном Белого моря. Её истоки лежат в пределах Архангельской области, на Коношско-Няндомских высотах, являющихся Онего-Кубенским водоразделом. На своём пути к Кубенскому озеру река прорывает несколько моренных гряд – неслучайно на Кубене много песчаных перекатов, островов, крупных камней и скоплений валунов, встречаются и каменные гряды. В устье река образует обширную дельту (наносной равнинный участок, прорезанный четырьмя протоками), острова которой постепенно оттесняют воды Кубенского озера всё дальше от посёлка Устье² (рис. 3).

С. В. Ошибкиной была осмотрена приустьевая часть р. Кубены на протяжении 6 км от пос. Устье до Высоковской Запани и зафиксировано семь стоянок

эпохи мезолита: Лысая Гора, Чернышёво, Бор, Бор I на левом берегу Кубены и Устье, Данилиха, Площадка на правом (рис. 4). Впервые сведения об этих памятниках были кратко изложены в 1981 г.³, а затем в её

³ Ошибкина С. В. Памятники эпохи мезолита в Восточном Прионежье // КСИА, № 165. М., 1981. С. 77–80.

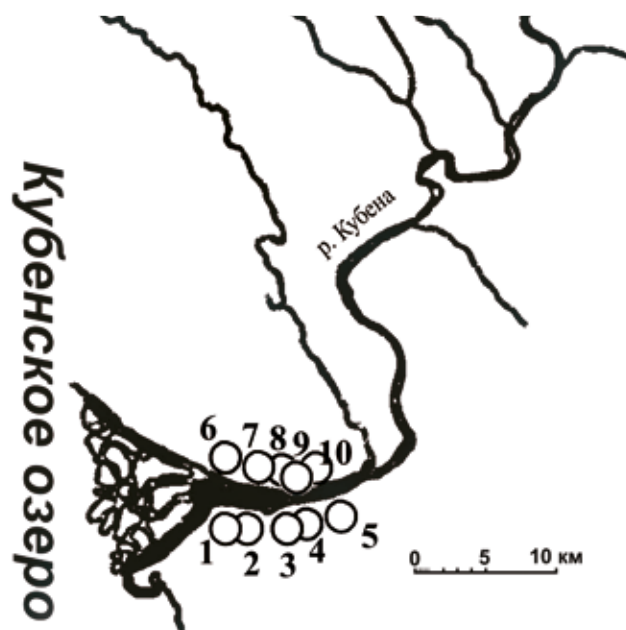

Рис. 4. Мезолитические стоянки в устье р. Кубены: 1 – Лысая Гора, 2 – Чернышёво, 3, 4 – Бор, Бор-1, 5 – Запань Заречная, 6 – Устье, 7 – Данилиха, 8 – Верхний Водозабор, 9 – «3 километр», 10 – Площадка

² Филенко Р. А. Воды Вологодской области. [Л.]: Изд. ЛГУ, 1966. С. 113–114.

известной монографии «Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья». Исследователь отметила сходство обнаруженных материалов с инвентарем мезолитических стоянок на средней Сухоне и предварительно датировала их поздним мезолитом⁴. Н. В. Гуслистов в своём отчёте о работах Вологодской экспедиции в 1979 г. сообщает ещё о двух стоянках на правом берегу Кубены: Верхний Водозабор и «3 километр»⁵.

Все обнаруженные стоянки располагались на невысоких (4–5 м) бортовых террасах, культурный слой залегал сразу под дёрном в песке, кремнёвый инвентарь был представлен ножевидными пластинами, концевыми скребками, обломками наконечников и нуклеусов, в том числе карандашевидных. Большую часть находок составляли отходы кремнеобработки: сколы, отщепы, чешуйки⁶.

Левобережные стоянки представлены 5 памятниками.

Стоянка Лысая Гора располагается в одноимённой местности Лысая Гора на левом берегу реки Кубены. Сама Лысая Гора представляет собой естественное возвышение высотой 10 м ледникового происхождения, сильно разрушенное просёлочной дорогой и карьером. Стоянка, по-видимому, находилась в восточной части холма, наиболее сильно повреждённой карьерными разработками. При осмотре карьера С. В. Ошибкиной обнаружено 7 изделий из серого и жёлто-коричневого кремня: 6 пластин преимущественно неправильной огранки шириной от 1, 2 см до 1,7 см (одна из пластин со скобелевидной выемкой ретуширована по краю, на двух других прослеживаются следы использования) и скол формирования призматического рельефа с негативами от неправильных пластинчатых снятий и следами утилизации в виде нерегулярной ретуши (рис. 5: 1–4).

В следующем году стоянка была осмотрена Н. В. Гуслистовым. Найдено два кремнёвых изделия из белого и коричневого кремня хорошего качества: крупный тонкий отщеп со следами использования (разделочный нож?) и правильная ножевидная пластинка с частичной мелкой ретушью по краю (ширина пластины 0,7 см) (рис. 5: 5, 6). В 1980 г. сборы подъёмного материала на Лысой Горе были проведены студентами М. В. Кисляковой и С. Т. Еремеевым. Они обнаружили 5 изделий из качественного кремня красно-коричневых оттенков, в том числе концевой скребок с высокой спинкой, асимметричное остриё и вкладыш, ретушированный по одному краю (рис. 5: 7–9).

Стоянка Чернышёво, обнаруженная С. В. Ошибкиной возле одноимённой деревни, занимала участок берега высотой 5–6 м над уровнем воды. При осмотре местности собран подъёмный материал: скребок, правильные ножевидные пластинки, отщепы (рис. 6: 1–11), а также был заложен небольшой шурф (1 x 1 м), в котором найдено 2 отщепа и 2 пластины. В 1979 г. памятник осмотрен Н. В. Гуслистовым, в 1980 г. М. В. Кисляковой и С. Т. Еремеевым. Среди находок – скребки, пластины с ретушью, сколы и отщепы со следами использования (рис. 6: 12–15), позвонок крупной рыбы. В целом, коллекция с памятника включает 27 крем-

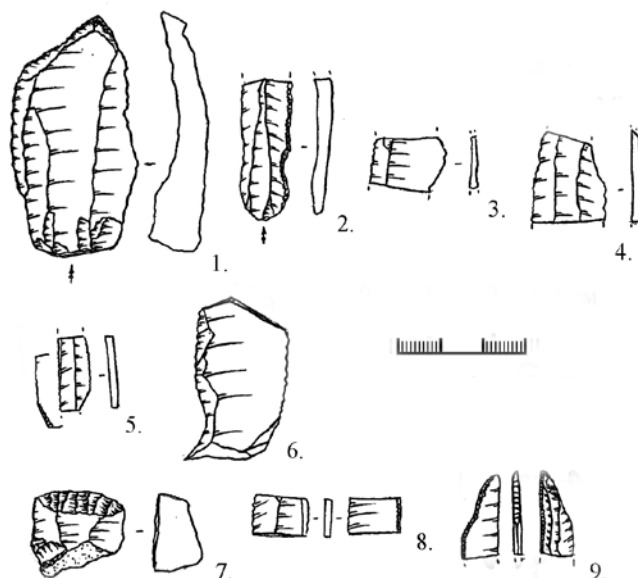

Рис. 5. Кремнёвый инвентарь со стоянки Лысая Гора (1 – скол с нуклеуса, 2, 8 – пластины с ретушью, 3–6 – пластины со следами использования, 7 – скребок, 9 – остриё).
1–4 – сборы С. В. Ошибкиной, 1978 г.;
5–6 – сборы Н. В. Гуслистова, 1979 г.;
7–9 – сборы С. Т. Еремеева и М. В. Кисляковой, 1980 г.

нёвых изделий из светлого, тёмно-серого и красно-коричневого кремня. Основная часть находок представлена пластинчатым инвентарем – 12 правильных ножевидных пластин, среди которых 4 вкладыша с мелкой регулярной ретушью по одному краю. Орудия представлены 2 концевыми скребками на пластинчатых сколах (рис. 6: 12, 13), округлым скребком на отщепе из светло-розового кремня с рабочим краем по всему периметру (рис. 6: 1) и массивной пластиной с ретушью на конце (скребущее орудие?) (рис. 6: 15); остальное – отщепы, в том числе 9 пластинчатых. Отчётливо прослеживается микролитовидный характер кремнёвого производства: более трети всех находок составляют пластины шириной до 1 см.

Стоянки Бор и Бор-1 располагались выше по течению, в 2,5 км от д. Чернышёво у древнего поворота реки на краю бортовой террасы (расстояние между стоянками 0,5 км). На стоянках заложены 3 небольших (1 кв. м) шурфа, в которых обнаружены ножевидные пластинки и отщепы. Материалы стоянок, хранящиеся в фондах Вологодского краеведческого музея, включают пластины (13 экз.), отщепы (23 экз.), один угловой резец, обломок скребка с высокой спинкой и 4 крупных технологических скола – всего 42 кремнёвых изделия из светлого и коричневого кремня. Пластины в основном неправильной огранки, на трёх пластинах прослежены следы утилизации, на одном изделии (узкая правильная пластинка) имеется дорсальная ретушь.

Неподалёку от этих памятников расположена стоянка, открытая в 1980 г. С. Т. Еремеевым и М. В. Кисляковой – **Запять Заречная**, материал которой близок стоянкам Бор, Бор-1. Коллекция небольшая – 18 предметов, – но выразительная: 2 расколотых нуклеуса с негативами от отщепов и

⁴ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983. С. 207–208.

⁵ Гуслистов Н. В. Указ. соч. С. 2.

⁶ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны... С. 205.

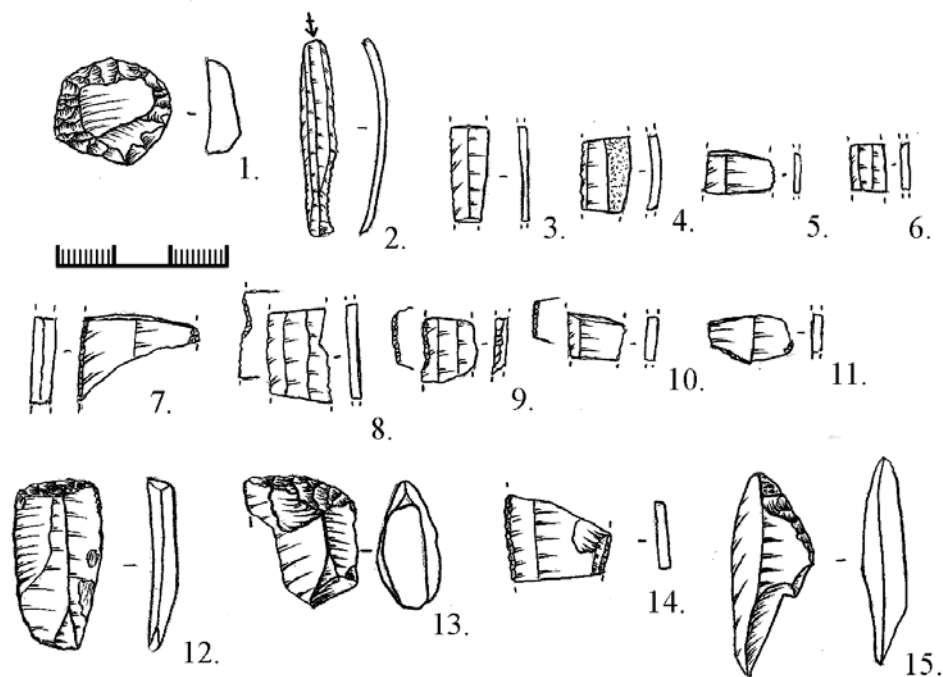

Рис. 6. Кремнёвый инвентарь со стоянки Чернышёво: 1, 12, 13 – скребки, 2–6 – пластины со следами использования, 7–11, 14, 15 – пластины с ретушью. 1–11 – сборы С. В. Ошибкиной, 1978 г.; 12–15 – сборы С. Т. Еремеева и М. В. Кисляковой, 1980 г.

неправильных пластин, нуклевидный кусок, крупный скол с ретушью (скребло), крупный первичный скол, 13 пластинчатых изделий, из которых одно имеет правильную огранку, остальные можно отнести к категории неправильных пластин или пластинчатых отщепов.

На правом берегу Кубены расположено также 5 стоянок. Ближе к Устью Кубенскому находятся 2 стоянки, открытые С. В. Ошибкиной:

Стоянка Устье располагается на окраине села Устье Кубенское и занимает участок низкой (2,5 м) бортовой террасы. В ходе шурфовки памятника (1 кв. м) и сбора подъёмного материала в осыпи у дороги получена небольшая коллекция кремнёвого инвентаря (в фондах ВГИАХМЗ хранится 4 изделия из серого и розового кремня): скол с нуклеуса и три крупные пластины (на двух пластинах шириной 1,2 см прослеживаются следы использования, третья пластина (2,5 см) обработана дорсальной ретушью по краю).

Стоянка Данилиха находилась в 150 м от деревни Данилиха, вверх по реке, и занимала самый высокий край бортовой террасы (5–6 м), сильно повреждённый карьерными разработками. Памятник имел значительную площадь: его протяжённость вдоль реки составляла около 160 м, ширина 40 м (сохранившаяся часть памятника на момент открытия). При осмотре памятника С. В. Ошибкиной собрана коллекция из 47 кремнёвых изделий. Среди находок – два обломка карандашевидных нуклеусов из серого кремня, орудия на правильных ножевидных пластинах: два концевых скребка, резец, фрагмент наконечника, 35 пластин, преимущественно узких с правильной огранкой и 6 тонких отщепов⁷. Среди пластин выделяется серия вкладышей для метательного вооружения из 8 экз., изготовленных на длинных микро-

пластинах (средние размеры вкладыша – 3,0 x 0,5 см).

Николай Васильевич Гуслистов на следующий год тщательно осмотрел стоянку Данилиха и собрал значительную коллекцию кремнёвых изделий – 119 экз., большую часть которых составили отщепы (56 экз.). Среди находок привлекают внимание конический нуклеус (рис. 7: 1), скобель (рис. 7: 3), комбинированное орудие (резец-пилка) (рис. 7: 6), 3 скола подправки ударных площадок, 2 концевых скребка на пластинах (рис. 7: 2, 4), 7 крупных правильных пластин с ретушью или следами использования (рис. 7: 5, 7, 12), а также серия правильных ножевидных пластин, в том числе 8 прямоугольных вкладышей без ретушной подработки (рис. 8). В своём полевом дневнике Н. В. Гуслистов отметил, что стоянка разрушается и её необходимо раскапывать, но приходится констатировать, что одна из самых перспективных в научном плане мезолитических стоянок в устье Кубены в настоящее время полностью разрушена дачной застройкой.

Верхний Водозабор – один из интереснейших мезолитических памятников на Кубене, открытый Н. В. Гуслистовым в 1979 г. Стоянка находилась в 350 м от деревни Данилиха и сильно пострадала при постройке водозабора для посёлка Устье. При осмотре местности собраны многочисленные находки (рис. 9), остатки культурного слоя прослеживались в выдувах берега на протяжении 60 м. В последующие годы стоянка неоднократно осматривалась вологодскими археологами с целью сбора подъёмного материала. Общая коллекция кремнёвого инвентаря включает 126 изделий, преимущественно пластины (91 экз.), большая часть которых (62 экз.) представлена правильными ножевидными пластинками в основном из качественного серого кремня (рис. 10: 1, 2). Некоторые пластины имеют следы использования или подработку некрупной ретушью (8 экз.). Среди гото-

⁷ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны... Табл. 76.

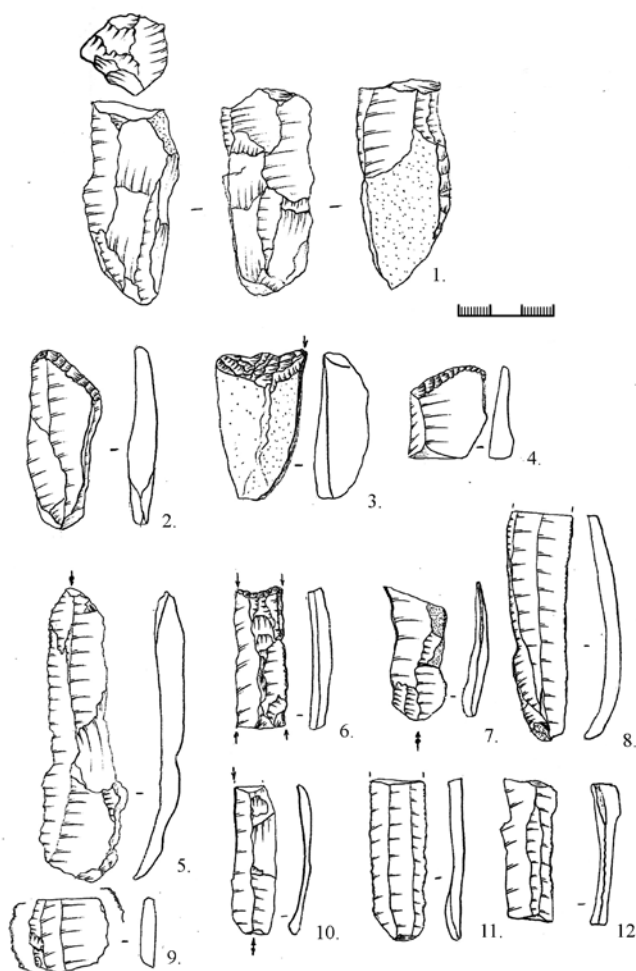

Рис. 7. Кремнёвый инвентарь со стоянки Данилиха:
1 – нуклеус, 2, 4 – скребки, 3 – скобель, 6 – резец-пила,
5, 7–12 – пластины со следами использования
Сборы Н. В. Гуслистова, 1979 г.

вых орудий – обломок наконечника (рис. 10: 3), перфоратор (сверло) (рис. 10: 4), 2 концевых скребка на пластинах. Остальные находки – нуклевидный кусок, технологические сколы (скол формирования призматического рельефа, 2 ребристые пластины и 4 скола подправки ударных площадок от карандашевидных нуклеусов) и отщепы (23 экз.). Многочисленностью и разнообразием орудий стоянка Верхний Водозабор заметно выделяется среди других кубенских стоянок.

Стоянка «3 километр», открытая Н. В. Гуслистовым в 1979 г., расположена между стоянками Верхний Водозабор и Площадка, в 3 км от посёлка Устье. В песчаном карьере найдено 2 кремнёвых изделия из светло-серого кремня: пластинчатый отщеп и правильная пластина со следами выщербленности (пила по твёрдому материалу) (рис. 10: 8).

Стоянка Площадка, обнаруженная С. В. Ошибкиной в 1978 г., располагалась в 3,5 км от посёлка Устье и в 1,5 км от деревни Данилиха, выше по течению Кубены. Стоянка занимала высокий край боровой террасы, удалённой от реки на 300 м. Значительная часть стоянки была разрушена песчаным карьером. Подъёмный материал представлен немногочисленным микролитойным инвентарём: 11 правильных ножевидных пластин, половина из которых имеет следы использования в виде мелкой зазубренности или нерегулярной ретуши утилизации.

Среди подъёмного материала, собранного Н. В. Гуслистовым на правом берегу Кубены, присутствует небольшая коллекция из 8 кремнёвых изделий, промаркированная как сборы со стоянки Долиниха-2. Среди находок – скобель, перфоратор (сверло), обломок наконечника (рис. 10: 5–7). 3 пластинчатых отщепа (один со следами использования), 2 неправильные пластины. Все находки, за исключением одной пластины, из серого кремня. Место сбора этих предметов остаётся под вопросом, поскольку населённого пункта с таким названием в районе нет, а в полевом дневнике и отчёте стоянка не указана. По всей видимости, находки происходят со стоянки Верхний Водозабор, расположенной в 200 м от стоянки Данилиха (в поле-

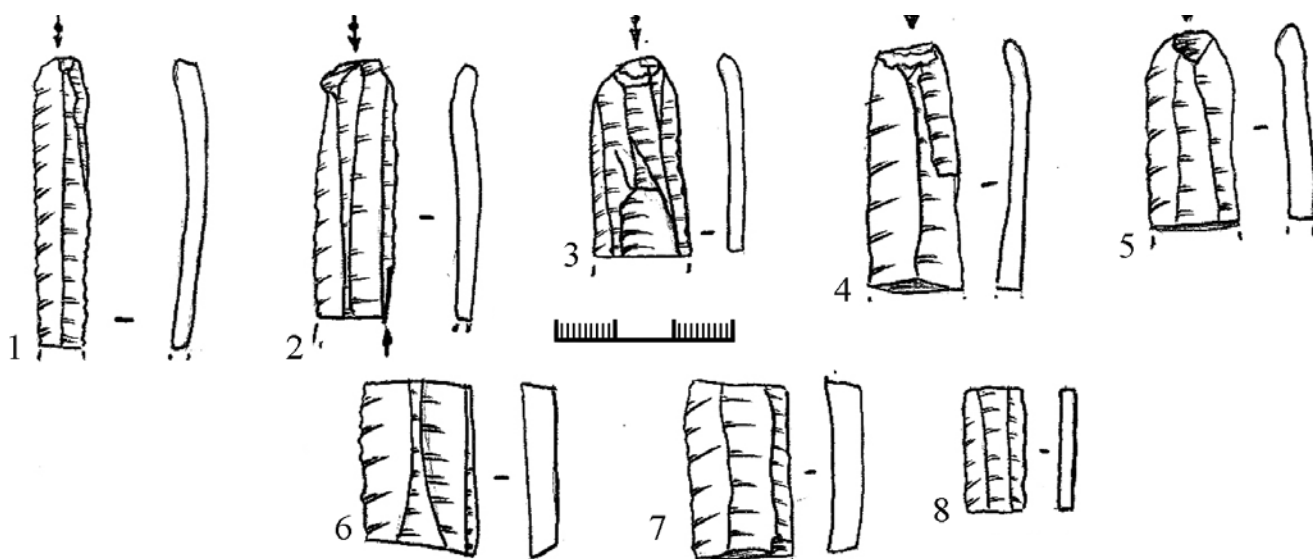

Рис. 8. Вкладыши со стоянки Данилиха.
Сборы Н. В. Гуслистова, 1979 г.

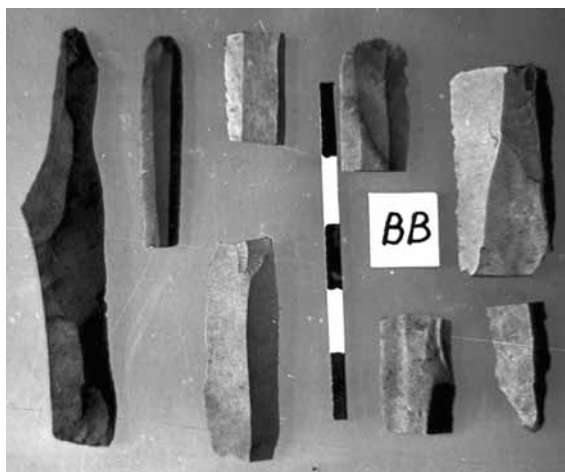

Рис. 9. Подъёмный материал со стоянки Верхний Водозабор (фото Н. В. Гуслистова, 1979 г.)

Рис. 10. Кремнёвый инвентарь со стоянок Верхний Водозабор (1–4), Долиниха-2 (5–7) и «3 километр» (8). 1, 2, 8 – пластины, 4, 5 – перфоратор, 3, 6 – наконечники, 7 – скребок

вом дневнике присутствует фраза «стоянка Долиниха, открытая С. В. Ошибкиной в 1978 г.»).

Таким образом, работами С. В. Ошибкиной и Н. В. Гуслистова выявлено 10 мезолитических стоянок в устье Кубены. Вероятно, в древности памятников этого времени было значительно больше, но многие из них разрушены. Уже Н. В. Гуслистов и С. В. Ошибкина отмечали, что на всех выявленных стоянках присутствуют карьеры, ямы, хозяйственные постройки. За 30 лет положение ухудшилось, и те небольшие участки ненарушенного культурного слоя, которые фиксировали первые исследователи Кубены, сейчас не существуют. Раскопки этих стоянок так и не были проведены.

Тем не менее, даже на немногочисленных материалах, собранных первыми исследователями Кубены, прослеживаются определённые различия в инвентаре с разных памятников. На стоянках Данилиха, Площадка, Верхний Водозабор, Чернышёво найдено большое количество правильных ножевидных пластин узких и средних размеров, встречены обломки и сколы карандашевидных нуклеусов, большинство орудий (скребки, острия, наконечники) сделаны на пластинах. На остальных стоянках (Лысая Гора, Бор-1, Запань, Устье) в коллекциях преобладают пластины неправильной огранки, практически нет микропластин, мало или вообще отсутствуют морфологически выраженные орудия на пластинах. Возможно, это объясняется немногочисленностью самих коллекций, но допустимо предположить, что речь идёт о культурных и хронологических различиях кубенских стоянок.

Дальнейшие археологические изыскания велись в верхнем и среднем течении р. Кубены. В конце 1980-х гг. в ходе разведочных работ А. В. Кудряшов выявил несколько разновременных памятников, в том числе мезолитических. С 1994 года археологические исследования в бассейне реки Кубены ведёт Сухонско-Кубенская экспедиция под руководством автора⁸.

⁸ Андрианова Л. С. Мезолитические стоянки на реке Кубене // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Материалы научно-практической конференции. Соловки, 2006. С. 48–57.

С. В. Ошибкина датировала кубенские стоянки поздним мезолитом. По её мнению, заселение данной территории происходило населением, которое в конце мезолита в атлантическое время пришло из бассейна реки Сухоны в Озёрный край, когда здесь завершилось заболачивание и заторфовывание озёр и возникли благоприятные для существования людей условия⁹. Результаты изучения кубенского мезолита в последние годы позволили скорректировать этот вывод. В настоящее время на Кубене известно около 30 мезолитических стоянок, на 12 из которых проводились раскопки.

Наиболее интересные мезолитические стоянки, изученные раскопками, располагаются на средней Кубене и входят в Боровиковский археологический комплекс (Боровиково, Боровиково-А, Боровиково-2М). Расположение этих стоянок, технология расщепления кремня, типологический состав находок свидетельствуют о достаточно позднем (вторая половина бореала/атлантикум) заселении кубенского бассейна¹⁰. Данное предположение подтверждает серия радиоуглеродных дат, полученная по углю и бересте на памятниках Боровиково и Боровиково-А: 7850±80 (Ле 7825), 7790±80 (Ле 7823), 7680±60 (Ле 7822), 7580±45 (Ле 7205), 7450±40 (Ле 7206). Другая часть памятников (стоянка Боровиково-2М, нижние слои Боровиково, Боровиково-А), по всей видимости, имеет более ранний возраст. Кремнёвый инвентарь этих памятников отличается высоким индексом пластинчатости, развитая отжимная техника получения пластинчатых заготовок, наличие значительного количества орудий на пластинах (резцов, скребков, наконечников).

На основании аналогий с материалами, полученными при раскопках памятников Боровиковского археологического комплекса, можно предположить, что часть усть-кубенских стоянок действительно датируется поздним мезолитом. В то же время некоторые из стоянок в устье Кубены (Верхний Водозабор, Чернышёво, Данилиха) с ярко выраженным микролитическим характером кремнёвого инвентаря близки более ранним боровиковским памятникам.

⁹ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны... С. 207–208.

¹⁰ Андрианова Л. С. Указ. соч. С. 56.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Н. В. ГУСЛИСТОВА НА ВЕРХНЕЙ СУХОНЕ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ)

Верхняя Сухона, давшая название прилегающей территории, имеет ещё название Рабангская Сухона. И если начало этого участка – исток реки из Кубенского озера, то вопрос о месте окончания вызывает у исследователей разногласия. В зависимости от этого участок меняется в длине примерно на 40 км¹.

Верхняя Сухона находится в административных пределах современной Вологодской области в границах Вологодского, Грязовецкого, Сокольского, западной части Междуреченского и южной части Усть-Кубинского районов. Данный регион оказался в поле деятельности предпоследнего московского оледенения, после таяния ледника Верхняя Сухона имела вид обширного приледникового Сухонского озера. Это отразилось на физико-географических параметрах территории. Большая часть Верхней Сухоны относится к древнеозёрным низменным Кубенской, Присухонской равнинам и Сухоно-Волжскому водораздельному плато².

Несмотря на то что район Присухонской низины издавна привлекал внимание представителей различных отраслей науки, он долгое время оставался вне внимания археологов. У исследователей складывается мнение, что из-за длительного существования послеледникового озера берега Верхней Сухоны были слабо заселены, культурные слои не

сохранились, размыты. Регион не привлекался для общих характеристик периодов не только камня, но и Средневековья.

Традиционно в развитии археологических исследований первый этап выделяют как краеведческий. В истории исследований Верхней Сухоны он практически не представлен. Первые сведения о памятниках археологии в бассейне Верхней Сухоны относятся к 1920 г., когда преподавателями Вологодского института Н. В. Ильинским и А. Н. Греном была обнаружена неолитическая стоянка при истоке р. Сухоны³.

В 1926 г. Вологодский краеведческий музей приглашает выпускницу археологического отделения Московского университета М. Е. Арсакову для профессионального обследования района Верхней Сухоны. В результате разведок в долине Большого Пучка и реки Кубены было открыто пять памятников, культурные слои которых были разрушены. У исследователей сложилось мнение о бесперспективности дальнейших работ. Это привело к тому, что внимание к району ослабло.

В 1930-е гг. фонды Вологодского музея пополняются археологическим материалом, поступившим от семьи реставраторов Федышиных из окрестностей г. Вологды. В коллекции содержится разновременный материал, начиная с эпохи неолита.

¹ Недомолкина Н. Г. К проблеме существования льяловских комплексов в бассейне Верхней Сухоны // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2003. С. 186–203.

² Рихтер Г. Д. Север Европейской части СССР (физико-географическая характеристика). М., 1946. С. 267.

³ Гуслистов Н. В. Развитие археологических исследований на территории Вологодской области // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: САС. Вып. IV. Вологда, 1978. С. 13–23.

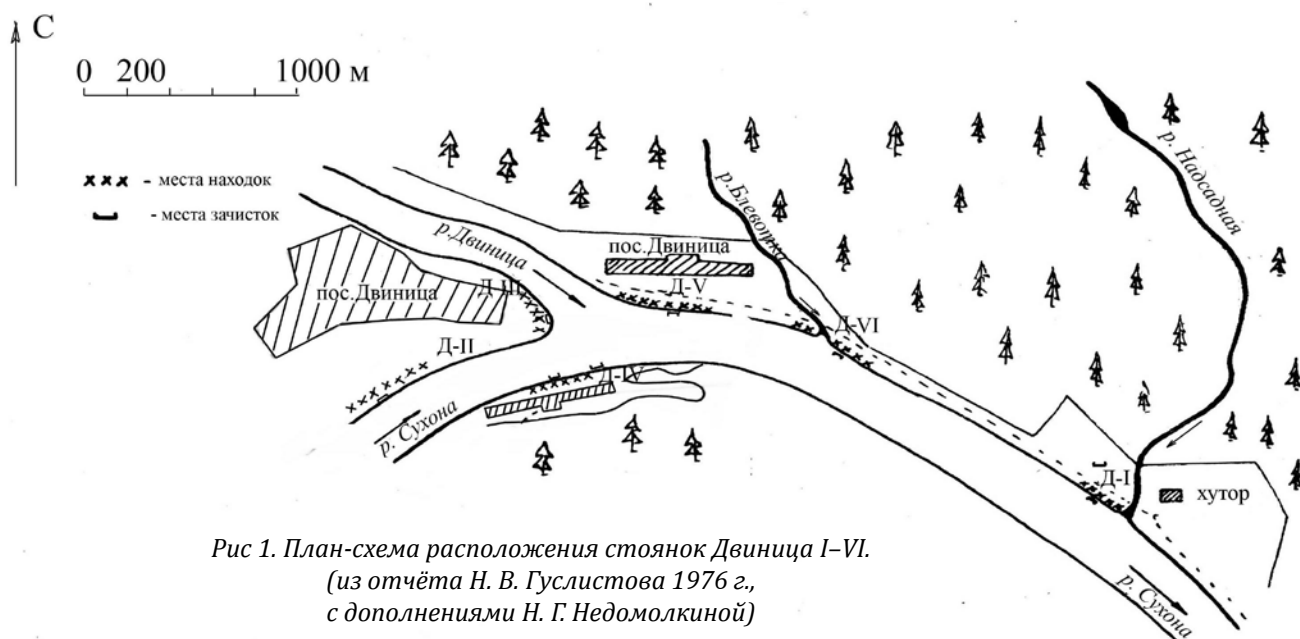

Рис 1. План-схема расположения стоянок Двиница I–VI.
(из отчёта Н. В. Гуслистова 1976 г.,
с дополнениями Н. Г. Недомолкиной)

В 1932 г. М. Е. Фосс предпринимает разведку по реке Сухоне⁴. Очевидно, результаты работ были малы, так как более подробных сведений не имеется.

В 1968 г. на территории области начинается работу экспедиция под руководством С. В. Ошибкиной. В месте слияния рек Большого Пучкаса и Сухоны фиксируются шесть новых памятников периода камня – Средневековья. В монографии С. В. Ошибкиной даются все имеющиеся на то время сведения о памятниках камня – металла бассейна Сухоны⁵.

В 1974 г. в Вологодском музее приступает к работе первый вологодский археолог Н. В. Гуслистов. Начинается новый этап изучения области, в том числе и территории Верхней Сухоны. В отчёте за 1976 г. Николай Васильевич пишет, что разведочные работы в центральных районах Вологодской области проводятся с целью выявления памятников дославянского населения и паспортизации известных памятников для «Свода памятников материальной культуры»⁶. Основой для составления маршрута послужили материалы и сведения, хранящиеся в Вологодском музее. В 1975 г. от жителя пос. Двиница В. А. Неклюдова поступили на хранение два наконечника стрел. Осмотр указанного Неклюдовым местонахождения привёл к выявлению первой стоянки. Всего выявлено шесть стоянок неолита и раннего металла, которые получили названия Двиница I–VI (рис. 1). В отчёте отмечено, что данные стоянки представляют большой интерес для изучения раскопками. Особое внимание исследователь обращает на стоянку Двиница VI, которая отличается от предыдущих памятников стратиграфией, наличием слоя неолита, тем более что стоянки с зонно-ямочным орнаментом в бассейне реки Сухоны известны не были.

Обследования Верхней Сухоны были продолжены в 1979–1980 гг. По окончании полевого сезона под руководством Н. В. Гуслистова в октябре 1979 г. силами студенческого археологического кружка Вологодского пединститута, в который входила и автор статьи, начинается сплошное обследование берегов р. Вологды⁷. Результаты оказались неожиданными. На небольшом участке реки протяжённостью 5 км, в 14–18 км от устья, открыты 23 памятника неолита – раннего металла (рис. 2). Из-за отсутствия Открытого листа на район и погодных условий документация памятников переносится на следующий год. В 1980 г. разведки начинаются в марте месяце, как только появляются первые проталины. Осматриваются верховья реки Вологды. Из открытых памятников наибольший интерес вызывает многослойное поселение Лиминская XIX–XX. Площадь для исследования составляла 1000 кв. м. Здесь в обрыве берега хорошо просматривался культурный слой раннего железного века с жилищным западением и хозяйственными ямами. Работы начались с зачистки берега на протяжении 100 м. На месте размывающегося жилища закладывается шурф. В дополнение к большому ко-

Рис. 2. План-схема расположения стоянок Лиминская III–XXIII (из отчёта 1980 г.)

личеству фрагментов керамики найдены железная игла, предмет железный с остатками костяной ручки, льячка, бронзовая подвеска (см. приложение, рис. 15).

От рыбаков поступают сведения о размывших погребениях в колодах в устье речки Вёксы. Осмотр этого места был выбран для следующего маршрута. В обрыве берега собрана коллекция разновременной керамики. Высокий уровень воды в р. Вологде не дал возможности провести необходимые исследования. Решено было вернуться сюда по низкой воде. Продолжать начатые исследования пришлось ученикам Н. В. Гуслистова.

Подводя итог работ Н. В. Гуслистова на Верхней Сухоне, нельзя не отметить их своевременность. Если бы работы не были начаты, обследования берегов р. Вологды, да и в целом Верхней Сухоны, могли бы затянуться ещё на неопределённое время. За этот временной промежуток, несомненно, разрушился бы ещё не один памятник, что привело бы к невосполнимой утрате сведений и материалов. На сегодняшний день стоянки у посёлка Двиницы полностью разрушены, из первых стоянок Лименских, которые попали в зону мелиоративных работ, культурные слои сохранились на поселениях – Лиминская V – (14 км р. Вологды) и на комплексе поселений Вёкса. Остальные памятники размывы. Сведения о них сохранились только в археологических отчётах и небольших коллекциях подъёмного материала, которые хранятся в фонде археологии Вологодского музея-заповедника. Результаты полевых археологических исследований Н. В. Гуслистова на Верхней Сухоне актуальны и сегодня.

⁴ Гуслистов Н. В. Развитие археологических исследований... С. 19.

⁵ Ошибкина С. В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

⁶ Гуслистов Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1976 году. Вологда, 1977 // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 32.

⁷ Гуслистов Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 году. Вологда, 1980 // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 28.

СОПКОВИДНАЯ НАСЫПЬ В КУРГАННОЙ ГРУППЕ КУРЕВАНИХА III НА Р. МОЛОГЕ

Курганные группы в районе д. Куреваниха Устюженского района Вологодской области известны с XIX в. Это крупнейший на Русском Севере комплекс археологических памятников I тыс. н. э. – начала II тыс. н. э. Впервые сведения о них опубликованы в своде И. Романцева¹. При впадении р. Катъ в р. Мологу, на стрелке, располагается городище Куреваниха I, выше его по обоим берегам р. Катъ – курганные группы Куреваниха II и VIII. В двух километрах ниже по течению р. Мологи, также на её правом берегу, находится курганная группа Куреваниха III и поселение Куреваниха IV. Городище и курганы неоднократно обследовались археологами и краеведами: в 1950-е гг. здесь побывал Б. М. Яковцевский, директор Устюженского краеведческого музея; в 1960-е проводил раскопки московский археолог А. В. Никитин². В 1975 г. научным сотрудником ГИМа археологом Н. В. Тухтиной на курганную группу Куреваниха III была составлена первичная учётная документация.

В работе пойдёт речь об одной из насыпей в составе курганной группы Куреваниха III. Группа располагается на правом берегу р. Мологи, при впадении ручья Дегтярня (Дегтярного), в 1,3 км к северо-востоку от деревни. Молога протекает с юго-запада на северо-восток, образуя прямой участок протяжённостью около 3 км. Курганная группа занимает территорию надпойменной террасы высотой 4–6 м над уровнем воды, расположенную между двумя ручьями – Дегтярным и безымянным. С юго-востока территорию ограничивает болото. Крайние насыпи удалены друг от друга на 0,5 км. Большинство из них располагается в сосновом бору, цепочкой вдоль дороги из д. Куреваниха на перевоз к бывшему погосту Перя.

По плану Н. В. Тухтиной в группе 12 насыпей. К настоящему времени в могильнике известно не менее 17 насыпей высотой 0,5–7 м. Большинство курганов имеет полусферическую форму, вокруг насыпей прослеживаются кольцевые канавки. Все насыпи имеют кладоискательские ямы. Исследование кургана № 5 (нумерация в соответствии с первичной учётной документацией) было начато Н. В. Гуслистовым в 1980 г.³, закончено А. Н. Башенькиным в 1988 г.⁴ Кур-

ганы № 13–17 впервые выявлены А. Н. Башенькиным, насыпи № 13, 15–17 раскопаны Северорусской археологической экспедицией под руководством А. Н. Башенькина в 1990 г.⁵, 2004–2005 гг.⁶, 2007 г.⁷, отнесены к культуре длинных курганов. Определение костей из раскопок 1980 и 1988 гг. выполнено к. и. н., доцентом кафедры этнологии и антропологии ЛГУ Н. Н. Цветковой в 1989 г.

В 1980 г. экспедиция Вологодского областного краеведческого музея (ВОКМ) под руководством научного сотрудника Николая Васильевича Гуслистова начала раскопки насыпи № 5. Насыпь занимала в группе обособленное положение, находясь на наиболее высоком, окаймлённом низиной и ручьём прибрежном участке. Северо-западная половина этой насыпи, расположенной на самом обрыве, размывалась весенними паводками, а затем осыпалась в летний период. По-видимому, это обстоятельство – интенсивное разрушение насыпи – и сыграло основную роль в выборе объекта раскопок. Через две недели после начала работ, 17 июля 1980 г., в экспедиции случилась трагедия: при переправе через Мологу утонули Н. В. Гуслистов, его сын Саша и студент А. Дмитрихин. Работы были прекращены и в 1980 г. не возобновлялись. Отчёт выполнили научный сотрудник ВОКМ И. Ф. Никитинский и студенты Вологодского педагогического института, принимавшие участие в раскопках.

Результаты раскопок насыпи Н. В. Гуслистовым в 1980 г.

Составители отчёта в соответствии с полевой документацией Н. В. Гуслистова сохранили название курганной группы – Дегтярня, и номер насыпи – № 1. Насыпь до раскопок имела высоту около 5,5–6 м, диаметр 32–34 м, вокруг кургана прослеживался ровик. С северной стороны существовала значительная осыпь из-за подмыва рекой. В вершине находилась грабительская яма размерами 3 x 2 м, глубиной 1 м, выходившая по склону к осыпи. Вершина насыпи получила условную отметку 888, за нулевой уровень был принят уровень камня, лежавшего у уреза воды в р. Мологе напротив насыпи.

⁵ Башенькин А. Н. Отчёт о работах Северорусской археологической экспедиции в Вологодской и Ленинградской областях в 1990 году // ИА РАН. С. 29–30.

⁶ Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Исследования комплекса памятников у д. Куреваниха на р. Мологе в 2004–2005 гг. // Археология Севера: материалы археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Череповец, 2007. С. 43–47.

⁷ Башенькин А. Н. Славяне на востоке Новгородской земли. VI–IX вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 94–97.

¹ Романцев И. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 94, 96.

² Никитин А. В. Раскопки курганов в Вологодской области // АО, 1967. М., 1968. С. 16–17.

³ Гуслистов Н. В., Никитинский И. Ф. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1980 г. // ВГИАХМЗ.

⁴ Башенькин А. Н. Отчёт о работах в Вологодской области в 1988 году // ИА РАН. С. 31–39; Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Нижняя дата высоких погребальных насыпей Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1989. С. 30–31.

Рис. 1. Куреваниха III. Насыпь № 5.
Снятие насыпи. Вид с востока. Фото 1980 г.

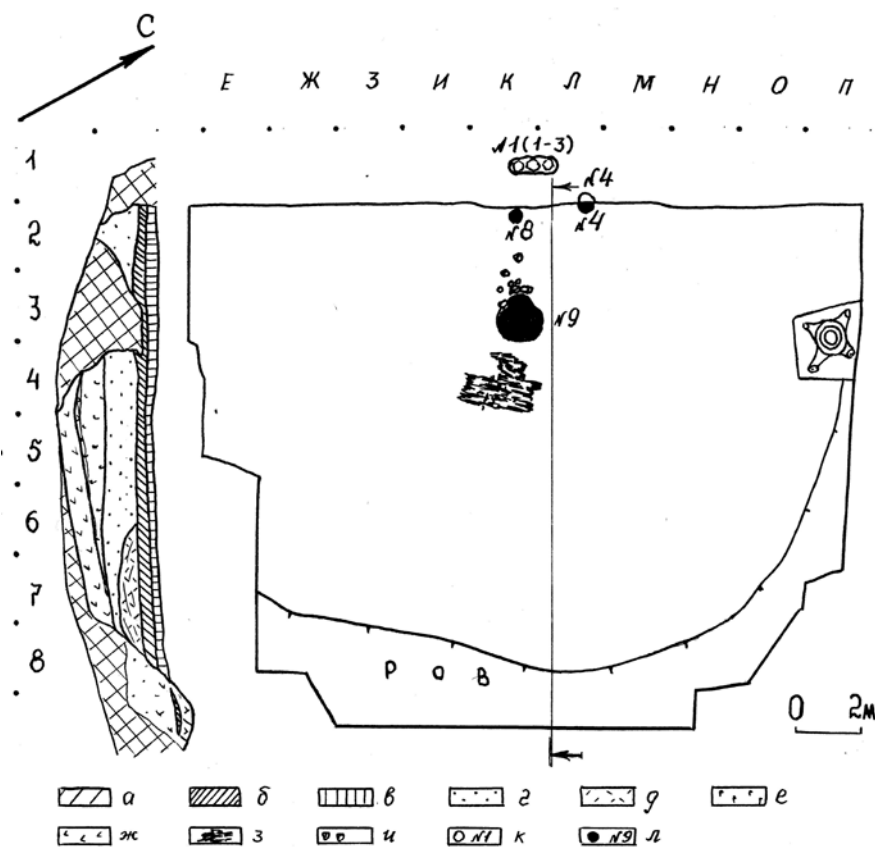

Рис. 2. Курганная группа Куреваниха III. Насыпь № 5. План погребений по обряду кремации.
а – перекопы и осыпи; б – тёмно-серая супесь; в – бурый песок; г, д, е, ж – слои песка различных оттенков;
з – очаг, и – камни; к – погребение №1, №4 (1980 г., примерное местоположение);
л – погребения № 4, 8-9 (1988 г.)

Сетка раскопа был сориентирована по направлению линии берега. Первоначально была зачищена осыпь северной половины насыпи и раскопаны квадраты, непосредственно окружающие подножие кургана (рис. 1). Затем снята вершина насыпи на 2–3 м. Одновременно снимались линии квадратов по периметру насыпи. Полностью раскопаны линии квадратов: участок с севера, обращённый к реке, размерами 38 x 2 м; с восточной стороны – 4–6 x 20 м; с южной – 24 x 6 м, с западной – 2 x 10 м. Наиболее значительно были вскрыты восточная и южная половины насыпи. До материка, за который был принят бурый песок, были вскрыты северная линия (уровень 400, 380) и западные линии квадратов. С южной и восточной сторон до бурого песка (уровень 300) раскопаны только крайние линии.

У подножия насыпи и под её полами зафиксирован тёмно-гумусированный (по-видимому, тёмно-серый. – А. Б., М. В.) слой с угольными прослойками, мощностью до 0,3 м. В нём найдены камни, кости животных, фрагменты лепной сетчатой и гладкостенной неорнаментированной керамики, фрагмент грузика дьякова типа (рис. 3: 12).

Слой насыпи представлен светло-гумусированным песком (по-видимому, светло-жёлтым или светло-серым. – А. Б., М. В.), с зольными и углистыми прослойками. В нём встречались фрагменты лепной неорнаментированной керамики, в том числе с ямочным орнаментом, сетчатой керамики, камни, кости и зубы животных. К находкам из насыпи относятся ещё три предмета, хранящиеся в музейной коллекции ВГИАХМЗ из раскопок 1980 г., но не включённые в отчёт: буса пастовая красно-коричневого цвета диаметром 8 мм (кв. К-6, уровень 830); железная обувная подкова с двумя отверстиями для гвоздей (уровень 400); точильный камень подтреугольной формы (110 x 125 x 30 мм, толщина 25–40 мм), со слегка вогнутыми боковыми гранями (кв. 3-8, пласт 3).

В вершине насыпи, на уровне 800–700, обнаружены остатки двух впускных погребений по обряду ингумации. Одно из них – детское, черепом на юго-запад, безинвентарное – **погребение № 5**. Другое представлено только человеческим черепом, принадлежащим молодому мужчине. Номер погребению не присваивался.

Погребения по обряду трупосожжения на стороне (№ 4 и 1–3) выявлены при зачистке осыпи в центральных квадратах К-I, Л-I, М-I (рис. 2). **Погребение № 4** – разрозненные кальцинированные кости и три фрагмента лепной неорнаментированной керамики найдены на уровне от 445 до 420 в кв. Л, М-1, основная масса костей вместе с угольным песком находилась в яме размерами 1 x 0,4 м. Вещей и керамики нет. Погребение полностью расчищено не было.

Описание **погребений № 1–3** приведём по тексту отчёта 1980 г.: «После снятия светло-гумусированного слоя осыпи и слоя угольного песка на уровне -380 в слое тёмно-гумусированного песка стали выявляться очертания ямы размерами 180 x 50 см. Яма имела очертания неправильного овала и была ориентирована по длинной оси вдоль реки. В её заполнении, немного более тёмном, чем окружающий тёмно-гумусированный слой, стали встречаться мелкодроблёные кальцинированные кости человека. При дальнейшей зачистке выяснилось, что яма заглублена в материк и разделяется на 3 меньшие по размерам. На уровне

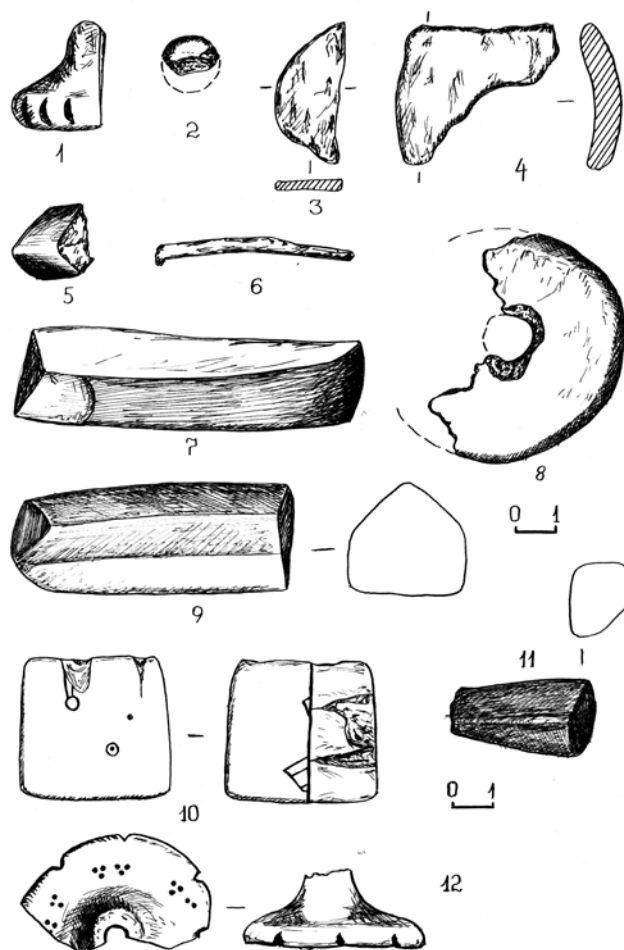

Рис. 3. Курганный группа Куреваниха III. Насыпь № 5. Находки из насыпи и культурного слоя под насыпью 1, 2, 8, 12 – глина; 3, 4, 6 – железо; остальное – камень

370 слой костей сплошь заполнял ямки. На этом уровне в крайней юго-западной ямке, названной как «погребение № 1», были обнаружены нож и меч из железа, лежащие рядом. Нож с прямой спинкой длиной 16 см. Меч односторонний длиной 67 см, шириной 3 см, толщина спинки 8 мм. Носок вытянут.

...В средней ямке были обнаружены на уровне 370 нож железный, кресало и каменный брусок, которые лежали один на другом в комплексе. Нож с прямой спинкой длиной 16 см. Кресало в виде пластинки с одним тупым и другим серповидным загнутым краем... Размеры кресала: длина 11 см, ширина до 2,5 см. Каменный брусок с четырьмя гранями, хорошо зашлифован. Размеры: 9 x 2 x 1,7 см. В третьей северо-восточной ямке вещей не обнаружено. Во всех трёх ямках кости шли сплошным слоем до дна их, до уровня 260» (по-видимому, в цифре опечатка: должно быть 360. – А. Б., М. В.)⁸.

Анализ сохранившихся любительских фотографий участников экспедиции 1980 г. и отметок погребений на пакетах находок позволяет утверждать, что погребения № 1–3 не прорезали погребальную площадку, тем более материк. Они располагались непосредственно над погребальной площадкой. Во время работ Н. В. Гуслистов не выделял три отдельных погребения, а считал три ямки частью одного погребения.

⁸ Гуслистов Н. В., Никитинский И. Ф. Указ. соч. С. 4.

ния № 1. На слайдах участников экспедиции погребения сфотографированы с масштабными линейками и с карточками, маркирующими компактные кучки кальцинированных костей как «№1», «№1А» и «№1Б». Идентично подписано около десятка пакетов с костями, хранящимися в фонде археологии ВГИАХМЗ: «Л-1 Л-1 360» – погребение № 1, квадрат Л-1, уровень 360; «Л-1А Л-1 360», «Л-1Б Л-1 360» и т. п. Кости из всех пакетов чистые, без каких-либо примесей угля и золы. Среди археологического материала Н. Н. Цветковой выделены кости взрослого мужчины, взрослой (зрелой) женщины, подростка старше 10 лет и крупного животного (-ых?). Таким образом, это коллективное единовременное захоронение, и далее оно называется погребение № 1.

Инвентарь погребения № 1 представлен на рисунках 4–5: меч (рис. 5: 13), нож, тот, что найден около меча (рис. 4: 9); точильный сланцевый брусок (рис. 4: 6), пластинчатое кресало с крюком на конце (рис. 4: 7), нож (рис. 4: 8).

Меч длиной 664 мм с узким однолезвийным клинком (длина 570 мм) и скошенным в одну сторону лезвием. Длина черена (стержня рукояти) – 94 мм. Лезвие клинка по всей длине корродировано. Ширина лезвия у черена 24 мм, наименее тронутого коррозией участка 27 мм. Обух клинка имеет толщину 8 мм у черенка, 6 мм у острия. Сечение клинка пятигранное. Лезвие снабже-

но достаточно выраженными «долами» – углублениями, проходящими по всей длине клинка. Ширина дола – 10–11 мм, на острие он повторяет форму режущей кромки. Благодаря подобной конфигурации, меч становился более лёгким, ему придавалась дополнительная жёсткость за счёт двух дополнительных граней. В музейной коллекции с маркировкой «Меч» имеется несколько фрагментов двойных узких пластин из корродированного железа шириной 4–7 мм. Они могли быть обкладками деревянной рукояти. Учитывая небольшую длину черена – 94 мм – рукоять была на один хват. Такой меч предназначался для рубящих движений.

Комплекс находок из погребения (два железных ножа с прямыми спинками, кресало, точильный брусок) характерен для широкого круга археологических памятников Восточной Европы: памятников культуры длинных курганов, восточно-литовских курганов, такие вещи встречаются на позднедыяковских памятниках. Уникальным этот комплекс делает меч. Погребение № 1 насыпи № 5 в курганной группе Куреваниха III является единственным захоронением с мечом в погребальных насыпях V–VIII вв. на Русском Севере.

Результаты раскопок насыпи в 1988 г.

В 1987 г. в ходе разведки, проведённой Северо-русской археологической экспедицией под руководством А. Н. Башенькина по правому берегу р. Мологи, была обследована курганная группа Куреваниха III. Насыпь № 5, лишённая растительности и дёрна, обрезанная вертикальными стенками со всех сторон, осыпалась и оползала. В следующий полевой сезон, в 1988 г., курган был раскопан полностью.

К началу работ останец насыпи имел высоту около 3 м, его поперечник по линии ЮЗ–СВ (параллельно берегу) составлял 22 м, по линии СЗ–ЮВ – 16 м. Вершина оплыла, крайние квадраты осыпались, заполнив ранее выбранный ров. Была восстановлена поквadratная сетка раскопа, оставлены две взаимно перпендикулярные бровки шириной 1 м. За нулевой уровень была принята вершина насыпи до начала работ 1980 г. (отметка 888), вершина останца определена как -224.

Насыпь сооружена из песка, в ней встречались отдельные небольшие валуны. Вследствие различных перекопов, оползней и осыпей, песок разного цвета: серый, светло-серый, жёлтый, жёлто-серый и бурый (рис. 2). В основании насыпи, на уровне от -450 до -490, залегал культурный слой поселения Куреваниха IV (чёрная и тёмно-серая супесь), из которого в неё попали колотые очажные камни, мелкие фрагменты ямочно-гребенчатой, сетчатой и лепной гладкостенной неорнаментированной керамики. Диаметр погребальной площадки, окружённой ровиком, составлял не менее 22 м. Внутренний край рва чётко читался по обрезу культурного слоя на площадке. Ширина рва – 6–8 м, глубина до 1,5 м, заполнен тёмно-серым песком с угольками и золой. В насыпи зафиксирован следующий приём сооружения: земля из ровика выбрасывалась на край погребальной площадки, образуя своеобразный подковообразный вал высотой до 0,8 м и шириной 4 м. Центральная часть площадки оставалась свободной. Именно в центре площадки находились очаг и часть погребений (№ 9, 4, 8). После совершения погребений центральная часть была закидана серым песком, насыпь возведена до высоты 1,6–1,8 м. Через какое-то время насыпь досыпалась,

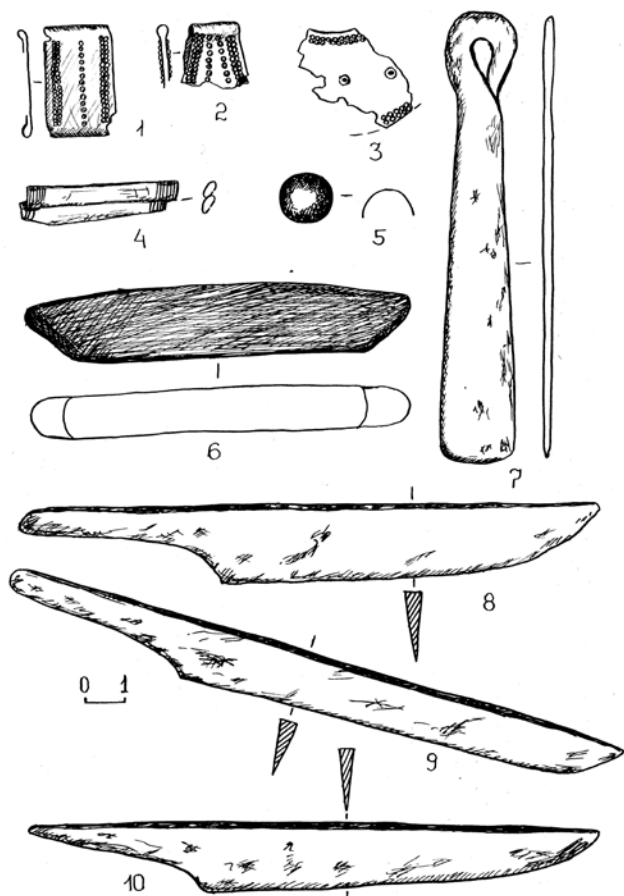

Рис. 4. Курганная группа Куреваниха III. Насыпь № 5. Находки из погребений. 1–2, 4 – погребение № 9; 6–9 – погребение № 1; 3, 5, 10 – разрушенные погребения, из насыпи

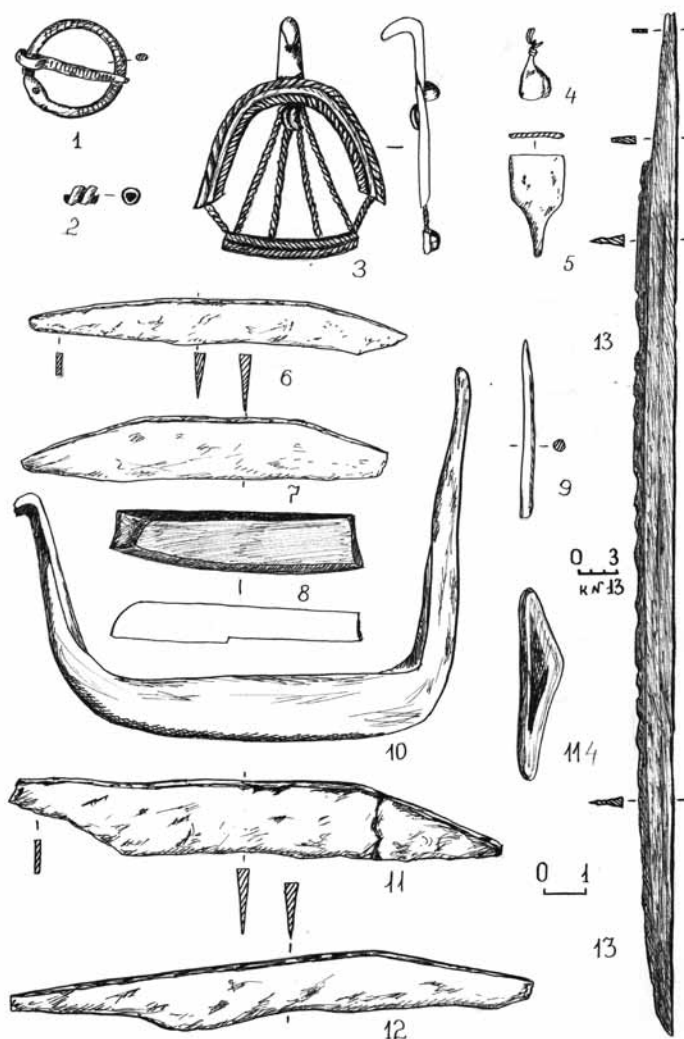

Рис. 5. Курганный группа Куреваниха III. Насыпь №5.

Находки. 13 – погребение №1.

1–4 – бронза, 8 – камень, остальное – железо

снова был использован приём сооружения вала, и только после этого – засыпки центральной части.

В насыпи обнаружены два захоронения по обряду ингумации: **погребение № 6** – разрозненные кости взрослого человека в кв. Л-3, М-3 на уровне от -255 до -300, и **погребение № 7** – разрозненные кости ребёнка в возрасте 6–7 лет в кв. М-9 на уровне -448.

В насыпи обнаружено более двадцати индивидуальных находок разных эпох, в т. ч. изделия из кремня: фрагмент рубящего орудия, ножа, скребка на пластине. Среди находок из насыпи вычленяется комплекс эпохи раннего железного века (РЖВ): фрагмент «грузика дьякова типа» (рис. 2: 1); фрагмент глиняного шарика (рис. 2: 2); обломок гранитного оселка (рис. 2: 9); точильные сланцевые бруски (рис. 2: 7, 11); оплавленная подвеска в виде бубенчика с петлей (рис. 5: 4); железные шило и скобель (рис. 5: 9, 10); три ножа с горбатой спинкой (рис. 5: 6–7, 11–12) и другие предметы (рис. 2: 3, 4, 6; рис. 5: 5, 9, 14).

На контакте насыпи и культурного слоя (уровень -488 -490) найдены ещё три предмета эпохи РЖВ: фрагмент бронзовой спиральки на проволоке (рис. 5: 2), оплавленная бронзовая пряжка с заклёпкой и на-

сечками (рис. 5: 1), подвеска в виде птицы с раскрытыми крыльями размерами 58 x 47 мм (рис. 5: 3). Подвеска хорошей сохранности, покрытая патиной. Пряжки с насечками и бронзовые подвески в виде птичек с раскрытыми крыльями являются типичными предметами в могильниках с трупосожжениями раннего железного века Молого-Шекснинского междуречья, в том числе располагающихся в непосредственной близости от группы Куреваниха III⁹. Датировка этих вещей – конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.

К комплексу культуры длинных курганов из насыпи относятся фрагмент серебряного орнаментированного лунничного височного кольца (рис. 4: 3), серебряная выпуклая бляшка (рис. 4: 5), нож с прямой спинкой (рис. 4: 10).

Под насыпью обнаружены остатки погребения № 4 (предположительно) и ещё два погребения по

⁹ Васенина М. Г., Башенькин А. Н. Комплекс «домиков мёртвых» у д. Куреваниха на р. Мологе // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. и док. П. Соловецкий (Архангельская обл.), 2006. С. 74–84.

обряду кремации. **Погребение № 4** – в кв. Л-2, в ямке глубиной 0,25 м, несколько кальцинированных косточек. Кости принадлежат ребёнку. **Погребение № 8** – в кв. К-2, в ямке диаметром 0,2 м, глубиной 0,2 м, кальцинированные кости, вещей нет. Кости принадлежат взрослому человеку. **Погребение № 9** находилось в кв. К-3 (рис. 2). Округлое пятно тёмно-серой супеси диаметром 1,5 м выявилось на уровне -430. Среди костей найдены оплавленные бронзовые предметы: бляшка-обоймица от головного венчика (рис. 4: 1), бляшка-обойма из бронзы с позолотой (рис. 4: 2), три бронзовые трубчатые пронизи (рис. 4: 4). Кости принадлежат взрослому человеку (старше 30 лет) и животному. Глубина ямы 0,25 м, кости особенно плотно заполняли придонную часть. Дно было неотчётливо, поскольку эта погребальная яма располагалась над другой, выкопанной в культурном слое поселения и прорезавшей материк. Нижняя яма имела подпрямоугольные очертания, размеры 2 x 1,6 м, глубину 0,8 м, дно плоское. Заполнена чистым серым песком, без находок. На крае северной стенки располагалась кучка из 4 камней размерами 0,3 x 0,2 x 0,1 м, рядом ещё 3 камня. Для углистой плашки из погребения № 9 имеется радиоуглеродная дата: 1210±50 (ЛЕ-3457). Ещё одна радиоуглеродная дата имеется для фрагмента угля из этого же квадрата К-3, с немного более высокого уровня -407: 1460±90 (ГИН-7207).

В 0,5 м к югу от погребения № 9 находился очаг из плах (рис. 2). Он залегал на верхнем уровне культурного слоя (-483) в виде тёмных угольных полос на площади 2,2 x 1,8 м. Очаг был сооружён из двух ярусов параллельно уложенных жердей, жерди верхнего яруса располагались перпендикулярно нижнему. Находок нет. Датировка очага по С-14 – 1260±30 (ЛЕ-3456).

Выявленный под насыпью культурный слой имел два горизонта отложений. Верхний – чёрная супесь с колотыми очажными камнями, сетчатой и лепной гладкостенной керамикой, мощностью 0,15–0,35 м. В нём найдены фрагмент предмета из камня (рис. 3: 5), обломок глиняного грузила (рис. 3: 8), литейная форма (рис. 3: 10), оселок (рис. 5: 8); фрагмент обработанной кости животного. Нижние отложения представлены бурым песком толщиной 0,1–0,4 м, в котором встречались фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, найдены кремнёвые нож, орудие и ножевидная пластина. Кремнёвые находки из насыпи, упоминавшиеся выше, несомненно, происходят из этого же слоя. Материк – плотный жёлтый песок.

Работы на поселении Куреваниха IV, впервые выявленном при раскопках насыпи № 5 Н. В. Гуслистым, были продолжены А. Н. Башенькиным в 1996, 2004–2005 гг.¹⁰ Поселение вытянуто вдоль берега Мологи на 360 м, вглубь берега на 70–140 м, имеет культурный слой мощностью до 0,6 м, содержит материалы эпох неолита, бронзы, раннего железа и Средневековья.

* * *

Для определения культурной принадлежности и времени сооружения насыпи важны погребения по обряду кремации. В насыпи было не менее 4 погребений, кремация умерших была совершена на стороне,

остатки трупосожжений помещались как индивидуально (погребения № 4, 8–9), так и коллективно (№ 1), в двух присутствуют сожжённые кости животных. Все погребения безурновые, погребения № 4 и № 8 – безинвентарные. Первоначальным можно считать погребение № 9, располагавшееся в геометрическом центре будущей насыпи, рядом с ритуальным очагом. По вещам и радиоуглероду оно датируется кон. VII – I пол. VIII вв. Затем были сооружены погребения № 1, № 4, № 8. Не исключено, что были и другие погребения по обряду кремации, разрушенные грабительской ямой и осыпью. С ними можно связывать отдельные находки: нож с прямой спинкой, красно-коричневую бусу. Погребальный инвентарь: ножи с прямой спинкой, точильный брусок, бляшки-обоймицы, лунничное височное кольцо и др. – близок инвентарю захоронений в курганах № 13, 15–17 этой группы и характеризует погребения как принадлежащие культуре длинных курганов. Меч как предмет вооружения не несёт чёткой этнической окраски: многие типы оружия являются общераспространёнными для средневекового мира Восточной и Северной Европы в силу своей универсальности. Присутствие в погребальном инвентаре оружия является указанием не столько на род занятий – профессиональную военную деятельность, – сколько на социальный статус погребённого. Несомненно, что и масштабы насыпи, её обособленное расположение у самого обрыва Мологи, за ручьём, отделяющим насыпь от других курганов, на очень красивом месте, должны были демонстрировать роль и значение определённой семьи в жизни местного социума эпохи раннего Средневековья.

Следует отметить, в группе Куреваниха III имеются погребения, датируемые не позднее V в. н. э.: погребение № 1 из кургана № 17 имеет дату С-14: 1510±30 (ЛЕ-8336). Таким образом, курганная группа Куреваниха III является наиболее ранним северо-восточным памятником культуры длинных курганов.

В насыпи № 5 оказались не менее удивительные артефакты предшествующей эпохи: бронзовая подвеска-птичка и оплавленные подвеска-бубенчик и пряжка с насечками, встречающиеся исключительно в могильниках раннего железного века кон. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э., принадлежавших финно-угорскому населению. В окрестностях д. Куреваниха к настоящему времени авторами статьи проведены раскопки на четырёх могильниках РЖВ¹¹. Вероятно, могильник раннего железного века располагался рядом с будущей насыпью, предположительно, со стороны реки. Отдельные кальцинированные кости и железные ножи с горбатыми спинками, найденные в насыпи, также могли происходить из этого могильника. Уроженец д. Староквасово, расположенной рядом с д. Куреваниха, рассказывал авторам статьи в 2007 г., что детьми в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. они находили на песчаной осыпи у этой насыпи «медные бляхи с птицами».

Курганный могильник Куреваниха III и поселение Куреваниха IV, работы на которых были начаты Н. В. Гуслистым, а в конце 80-х гг. XX – нач. XXI вв. продолжены авторами статьи, – уникальные археологические памятники не только Устюженского района, но и всего Русского Севера.

¹⁰ Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Исследования комплекса памятников... С. 43–47.

¹¹ Васенина М. Г., Башенькин А. Н. Комплекс «домиков мёртвых»... С. 74–84.

МЕСТНОСТЬ ДОЛГОВИЦЫ НА Р. КОКШЕНЬГЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВОЛОГОДСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Долговицы – местность на правом берегу р. Кокшеньги в 10 км к северо-западу от районного центра – села Тарногский Городок. В этой местности в настоящее время расположено 5 деревень: Проневская, Афанасьевская, Подволочная, Матвеевская, Феофиластовская (рис. 1)¹. Деревни относятся к Шевденицкому сельскому поселению (ранее сельскому совету) Тарногского района. Впервые в исторических источниках деревни местности Долговицы появляются под 1623 г.² Возникновение расположенной в нескольких километрах выше по реке Савватьево-Зосимовской (Дружининской) пустыни относится к 1574 г.³

Правый берег р. Кокшеньги в данной местности довольно высокий и покрыт сосновыми борowymi лесами. В летний период его высота достигает 10 м над уровнем воды в реке. На этом уровне и выше располагаются современные деревни. Между боровой террасой и рекой на уровне 4 и 6 м. местами прослеживаются две надпойменные террасы. Левый берег

¹ Гидрометеиздат, Вологодская область: общегеографический региональный атлас. М., 2001. С. 33.

² Колесников П. А. Родословие вологодской деревни (Список древнейших деревень – памятников истории и культуры) // Родословие вологодской деревни. Вологда, 1990. С. 200.

³ Васильев Ю. С. Монастыри и святые Важского края // История и культура Важского края: тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Вельск, 1992. С. 23.

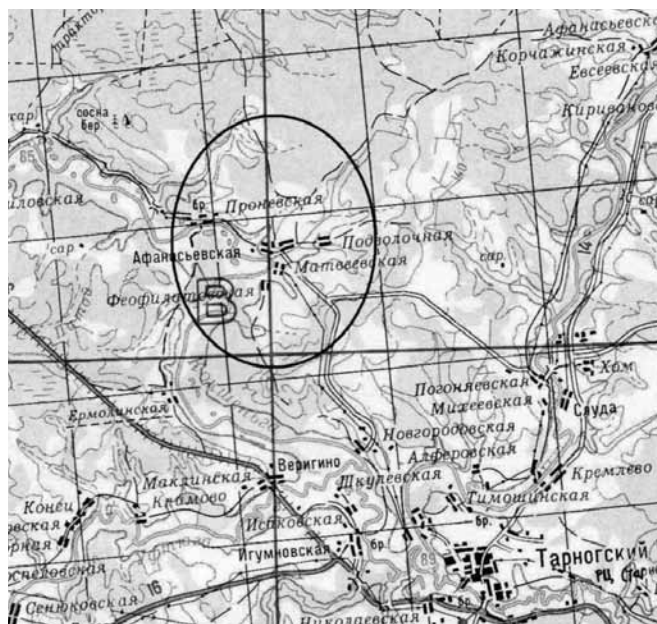

Рис. 1. Часть Тарногского района Вологодской области с обводкой местности Долговицы кружком. Карта в масштабе 1 : 200000

реки в Долговицах пойменный, низкий. В пойме имеется несколько небольших озер. В русле реки располагаются значительные останцы обтекания. В районе д. Проневской они тянутся почти сплошной лентой протяжённостью несколько километров вверх и вниз по реке. В ленте останцов имеются некоторые перерывы. Эти останцы обтекания используются под выпасы и, что важно для темы исследования, периодически засеваются злаковыми культурами.

Первое археологическое обследование местности Долговицы провёл в 1925 г. директор Тотемского краеведческого музея (ныне ТМО – Тотемское музейное объединение) Николай Александрович Черницын. Он приехал в Долговицы, получив сведения о находках ряда древних вещей. Здесь им были записаны сведения о находках в XIX веке у д. Проневской «на буграх» человеческих костей (труположений и трупосожжений) и многочисленных бронзовых украшений: бусенчиков разных размеров и одного «бутылчатого», бус из трубочек толщиной в карандаш с ремешком внутри, витых колец разных размеров, зооморфных подвесок (птичек и конька). Здесь же была найдена серебряная цепочка с крупными бляшками. Встречены следы столбовой конструкции с углями и камнями. Пробные раскопки, предпринятые Н. А. Черницыным, не дали положительных результатов. Он полагал, что Проневский могильник (или Первый Долговицкий) полностью разрушен оврагами и карьером⁴. Отчёт Н. А. Черницына о проведённых в Долговицах в 1925 г. работах хранится в ИИМК в Санкт-Петербурге⁵. Сведения о средневековых находках в Долговицах вошли в археологическую литературу и были использованы исследователями в своих исторических реконструкциях. Е. А. Рябинин считал возможным датировать могильник XII–XIV вв.⁶, Н. Г. Недомолкина – XI–XII вв.⁷

Из этой же местности происходит клад сельскохозяйственных орудий и производственно-бытовых предметов, находящийся в настоящее время в экспозиции и фондах ТКМ⁸. Клад был найден в 1922 г. крестьянином И. А. Вячеславовым «в поле у д. Проневской в Долговицах на горке при пашне, в меже, в яме, выложенной камнями и закрытой большой плитой»⁹. Н. А. Черницын считал, что клад относится к XV в., ко времени борьбы Новгорода и Москвы. В том же году другим крестьяни-

⁴ Черницын Н. А. Из доисторического прошлого Кокшеньги. 1925. Рукопись // ТМО. № 99.

⁵ Черницын Н. А. // ИИМК РАН. Ф. 2. 1925 г., Д. 190, Л. 10–11.

⁶ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб, 1997. С. 139.

⁷ Недомолкина Н. Г. Археологические исследования Тарногского района // Угрюмовские чтения. Вып. 2. Вологда, 2001. С. 105.

⁸ ТМО. № 123.

⁹ Черницын Н. А. Из доисторического прошлого...

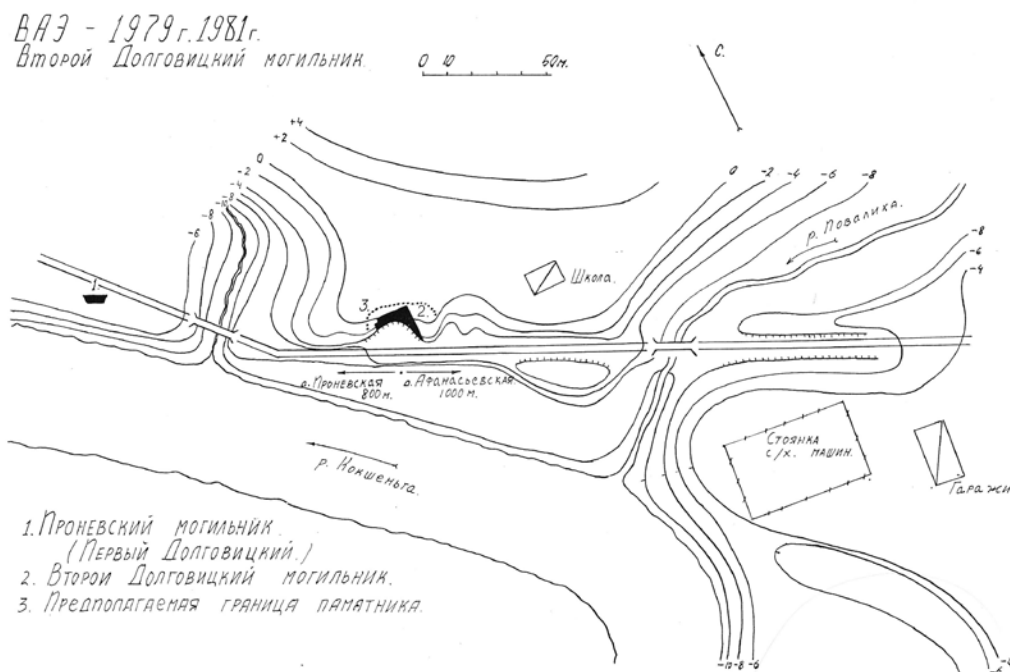

Рис. 2. План местности Долговицы. Гуслистов Н. В., 1979

ном д. Проневской И. И. Вячеславовым около этой деревни найден средневековый железный топор¹⁰.

В 1979 г. попытку найти Проневский могильник предпринял археолог Н. В. Гуслистов. После безуспешных поисков он согласился с мнением Н. А. Черницына, высказанным последним в 1925 г., что могильник разрушен¹¹. Но в том же году и в той же местности им был обнаружен другой могильник – Второй Проневский (Второй Долговицкий) (рис. 2). При осмотре карьера, находящегося в 800 м к юго-востоку от д. Проневской и в 1000 м к западу от д. Афанасьевской, неподалеку от здания начальной школы, им были обнаружены человеческие кости, а в стенке карьера – могильные ямы с погребениями. Н. В. Гуслистовым выполнена зачистка края карьера и заложен раскоп площадью около 60 кв. м (рис. 3, 4, 5). В результате раскопочных работ обнаружено 17 погребений (рис. 6–9), сохранившихся полностью или частично¹². Вещевые находки могильника составили 14 предметов. Из них в двойном погребении № 13 и 14 найдено 11 предметов. В погребении 14 (детском) – крестик. В погребении 13 (взрослого человека) – 10 предметов: клык животного, кресало пластинчатое и кремешок, железная кольцеобразная фибула и несколько других железных предметов плохой сохранности. В погребении 4 найден наконечник стрелы или копья. В погребении 5 – железный нож с остатками деревянной ручки. В погребении 9 – тупоконечный железный нож. Могильник датирован Н. В. Гуслистовым XIV – началом XV в.¹³ На месте этого могильника им были обнаружены и следы мезолитической стоянки¹⁴, ныне называемой Долговицы III.

¹⁰ ТМО. № 110.

¹¹ Гуслистов Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 г. // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 19.

¹² Гуслистов Н. В. Раскопки и разведка в Вологодской области // АО, 1979. М., 1980. С. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

В 1981 г. Второй Долговицкий могильник был обследован И. Ф. Никитинским¹⁵. Обследование показало, что за два года могильник разрушен вывозкой песка из карьера на 4–6 м почти по всему его фронту (рис. 3). От раскопа Н. В. Гуслистова сохранились только незначительные участки в юго-западной и северо-восточной частях могильника. От юго-западного угла раскопа 1979 г. на протяжении 28 м в 1981 г. была выполнена зачистка края карьера (рис. 10). В зачистке выявлены следы 4 могильных ям – погребения 18, 19, 20, 21 (рис. 11). В погребении 19 обнаружен четырёхконечный медный крестик. Он лежал на древесном тлене и был покрыт кожей (ладанка?).

В 1984 г. могильник обследован автором ещё раз¹⁶. В зачистке края карьера погребений не выявлено. На краю карьера был заложен шурф площадью 12 кв. м. На площади шурфа могильных ям не выявлено. Но в зачистке края карьера было обнаружено кострище с фрагментом лепной керамики и каменная выкладка (пирамидка) из 10 камней поперечником от 15 до 36 см (рис. 12). Между камнями встречались угольки. Был сделан вывод, что могильник карьером исчерпан полностью¹⁷. При осмотре места могильника в 1991 г. находок также не было, но в 2003 г. на дне карьера (рис. 2) автором были подняты две кости человека¹⁸.

Вокруг Второго Долговицкого могильника имеется заповедная роща, с которой связаны различные легенды. Такие рощи на Кокшеньге называют «кустами». К настоящему времени собраны сведения о 16 подобных объектах. В 0,5 км к северо-востоку от д. Афанасьевской находится Второй Долговицкий

¹⁵ Никитинский И. Ф. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1981 г. // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 1–3.

¹⁶ Никитинский И. Ф. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1984 г. // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 23.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ВГИАХМЗ. нв 17859/1–2.

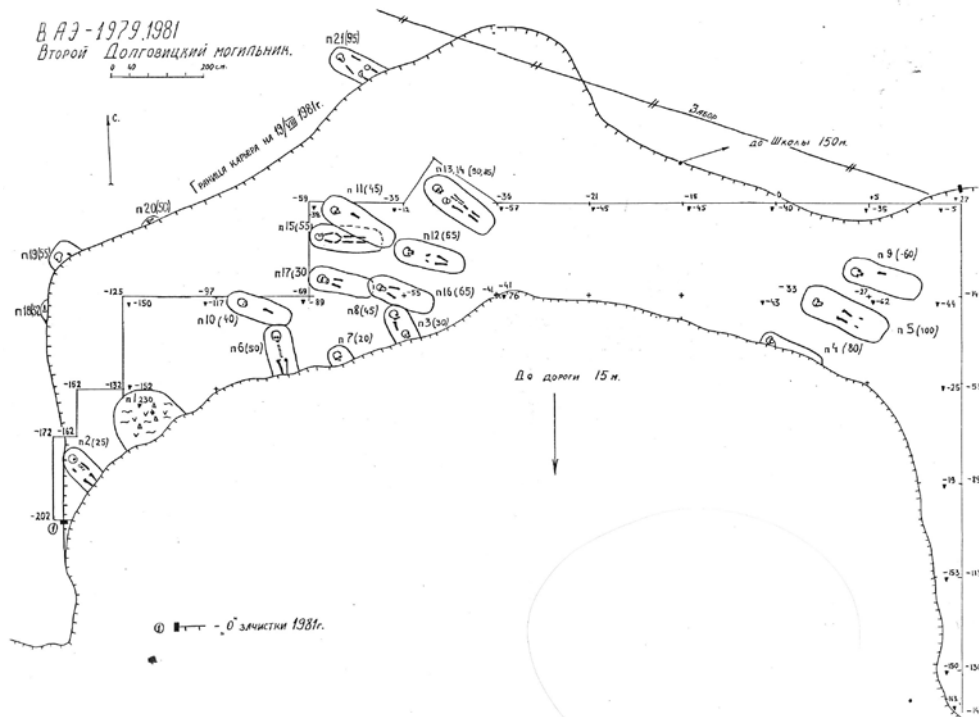

Рис. 3. План раскопа. Гуслистов Н. В., 1979; Никитинский И. Ф., 1981

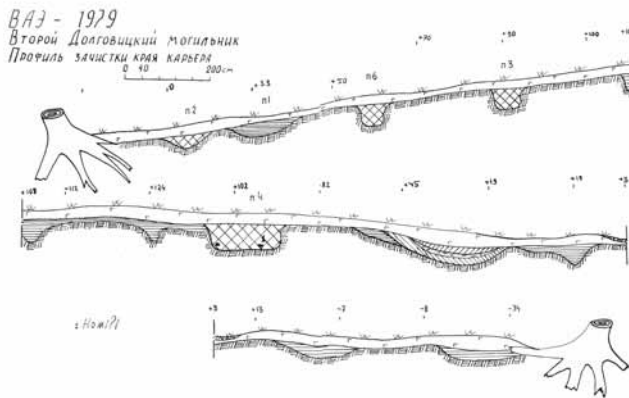

Рис. 4. Профиль зачистки края карьера.
Гуслистов Н. В., 1979

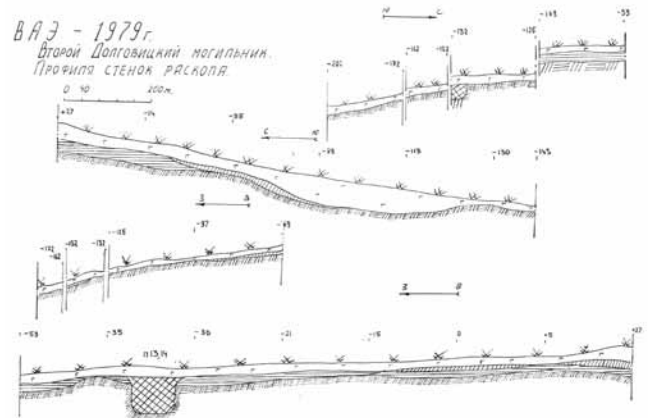

Рис. 5. Профили стенок раскопа.
Гуслистов Н. В., 1979

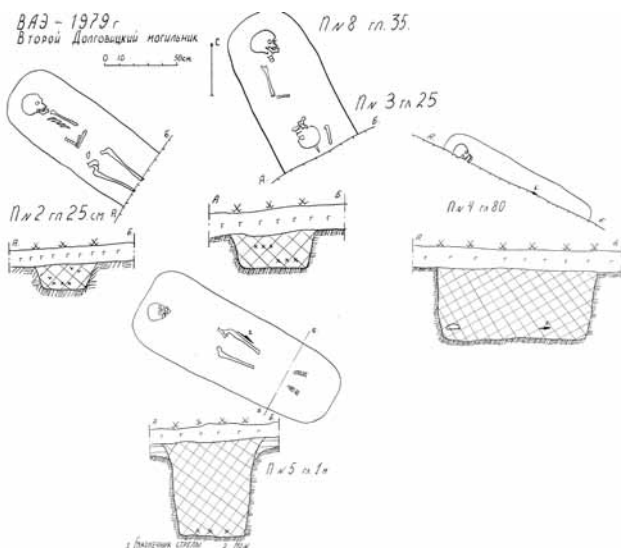

Рис. 6. Погребения 2, 3, 8, 4, 5. Гуслистов Н. В., 1979

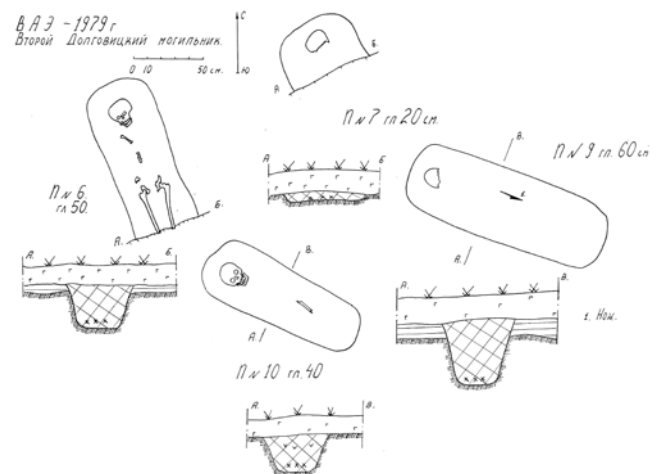

Рис. 7. Погребения 6, 7, 9, 10. Гуслистов Н. В., 1979

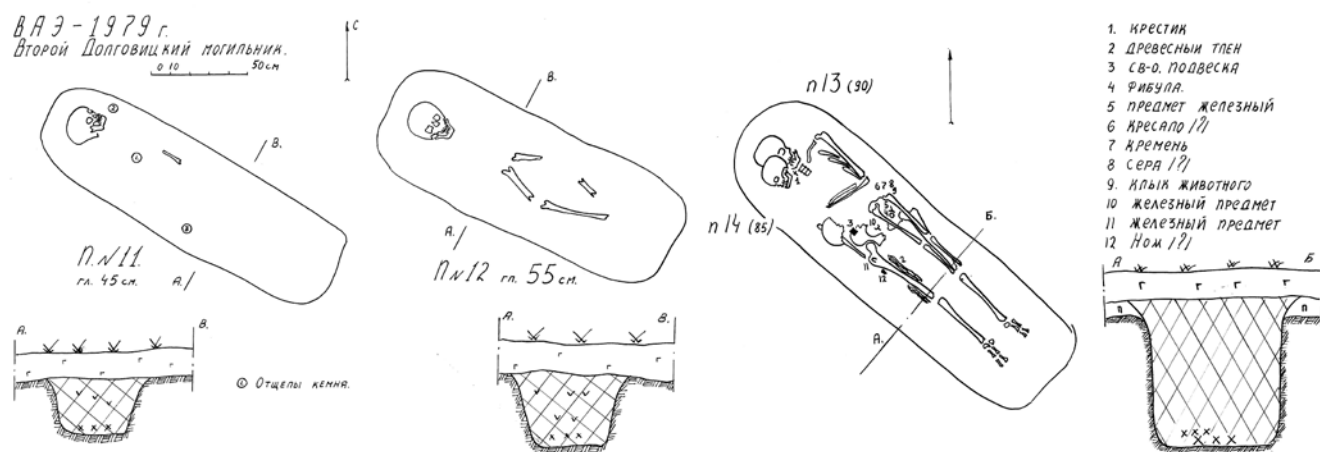

Рис. 8. Погребения 11, 12, 13, 14. Гуслистов Н. В., 1979

«куст» (рис. 13). Он был документирован в 1991 г.¹⁹, вторично осмотрен в 1997 г.²⁰ В 1989 г. материалы Второго Долговицкого могильника (рис. 14) были частично опубликованы в статье, посвящённой грунтовым могильникам в священных рощах – «кустах» Кокшеньги XIV–XV вв. этнографической группой русского населения – летописными кокшарами²¹.

В 1991 г. автором предпринята ещё одна попытка локализовать место разведочных работ Н. А. Черницина²². По сведениям жителя д. Проневской Сергея Степановича Парфеньева (1906 г. р.), «конёчки» и другие бронзовые «вещицы» находили у д. Проневской «на песках». Основные находки сделал крестьянин Яков Фёдорович Вячеславов²³. На краю первой над-

пойменной террасы был заложен шурф 2 x 2 м. Под слоем мусора и серо-жёлтого песка на глубине около 30 см встречен слой серого с примесью гумуса песка мощностью 12–42 см. В этом слое встречены мелкие фрагменты гончарной керамики и среди них один, вероятно, лепной. Этот слой переотложен рекой. Ниже шёл слой жёлтого песка мощностью 10–16 см. В нём встречено несколько кремнёвых отщепов и пластинка эпохи мезолита. Этот слой, как и предыдущий, увеличивается в сторону реки по склону древнего берега. На глубине 44–104 см прослежен материк бурой глины. Возможно, серый гумусированный слой с фрагментами керамики относится к тому памятнику, из которого происходили бронзовые и серебряные вещи, т. е. к XII–XIV вв.²⁴ Мезолитический материал в количестве трёх десятков предметов был собран автором в том же 1991 г. на песчаной дюне выше шурфа. Эта стоянка получила название Долговицы IV. Материалы мезолитических стоянок Долговицы III и Долговицы IV опубликованы²⁵ и интерпретированы как памятники, относящиеся к сухонской мезолитической культуре²⁶.

В 1991 г. удалось локализовать место, из которого происходит выше упомянутый клад сельскохозяй-

¹⁹ Грудков А. Б. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в Тарногском районе в 1991 г. Вологда, 1992 // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 4.

²⁰ Недомолкина Н. Г. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в Вологодском и Тарногском районах Вологодской области в 1997 г. // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 15.

²¹ Никитинский И. Ф. Исследования археологических памятников XIV–XV вв. на Верхней Кокшеньге // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 217; Никитинский И. Ф. Тиуновское святилище – школа кокшаров XV века? Вологда, 2007. С. 13.

²² Никитинский И. Ф. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции за 1991 г. // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 24.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Недомолкина Н. Г. Мезолитические стоянки реки Кокшеньги // Послужить Северу. Вологда, 1995. С. 5–8.

²⁶ Недомолкина Н. Г. Археологические исследования Тарногского района... С. 103.

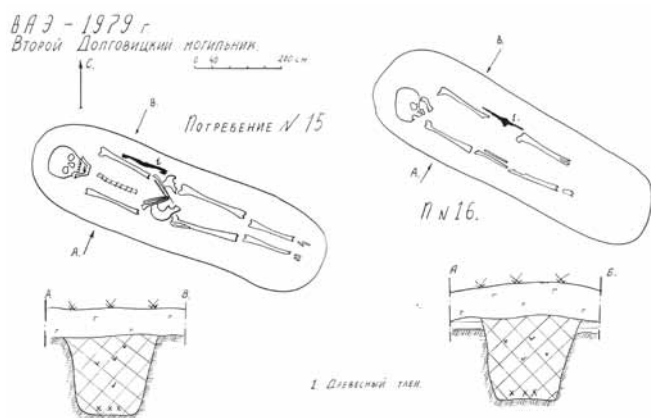

Рис. 9. Погребения 15, 16. Гуслистов Н. В., 1979

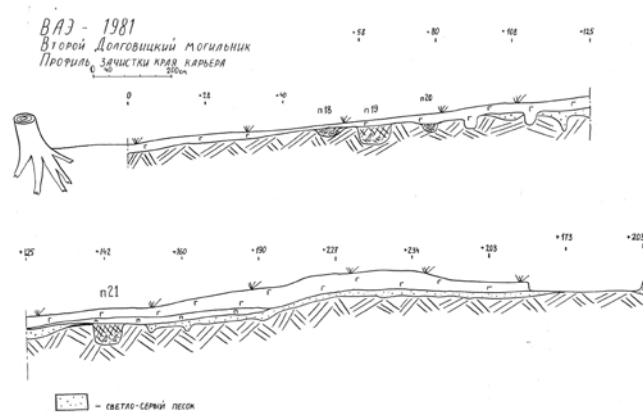

Рис. 10. Профиль зачистки края карьера. Никитинский И. Ф., 1981

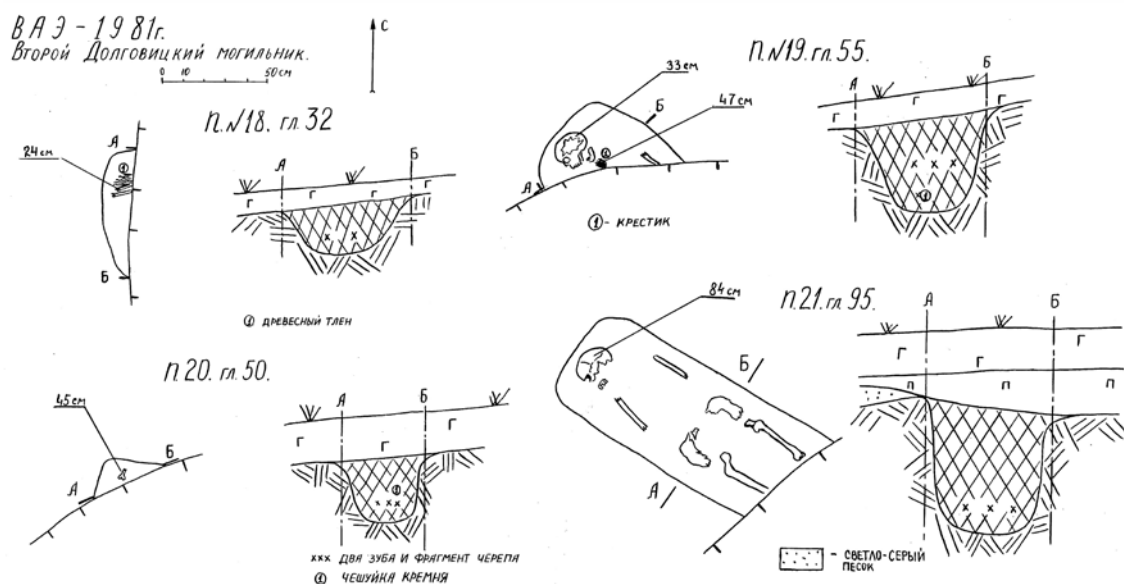

Рис. 11. Погребения 18, 19, 20, 21. Никитинский И. Ф., 1981

ственных орудий²⁷. По сведениям С. С. Парфеньева, клад был найден «на горке», в поле, в 200–300 м северо-восточнее д. Проневской. В настоящее время местонахождение клада разрушено, в местности «горка» разрабатывается довольно большой гравийный карьер. С местом находки клада связана легенда о неоднократных попытках построить там церковь. Но сколько бы ни возили брёвна для её строительства, они всегда через ночь оказывались в другом месте, где и был построен храм²⁸. В составе клада имеются четыре пашенных орудия: 3 наральника и втульчатое чересло, 2 мотыги, коса-горбуша и 6 предметов производственного и бытового назначения (рис. 15). Клад был помещён в специальное хранилище в конце XIII в. или на самом рубеже XIII–XIV вв. Интересно, что все три рала клада, судя по их конструктивным особенностям, предназначены были для работы в положении, близком к горизонтальному. Эти рала применялись на старопашотных, пойменных или луговых землях, а не в условиях лесной подсеки, где их применение крайне затруднено из-за наличия в

грунте корней деревьев. В этой связи ещё раз отметим, что останцы обтекания в пойме р. Кокшеньги периодически запахиваются и в наше время. Вероятно, довольно широкому распространению пашенного земледелия в первые века II тыс. н. э., в числе других причин, способствовали и климатические условия. По данным климатологии, во второй половине I тыс. н. э. наступает период так называемого «малого климатического оптимума»²⁹. Не случайно на этот период в бассейнах рек Ваги и Сухоны приходится обнаружение семи пашенных и ряда других орудий, связанных с земледелием³⁰. «Малый климатический оптимум» продолжается до рубежа XII–XIII вв. Складывающиеся климатические условия способствовали продвижению пашенного земледелия далеко на север в бассейны Сухоны и Ваги, а также в некоторые другие регионы, входящие в подзону южной тайги – Старая Ладога, Новгород. Позже к таким же выводам о развитии земледелия на Русском Севере в средневековый период приходят

²⁷ Никитинский И. Ф. Ранние земледельческие орудия бассейнов Ваги и Сухоны // Археологические вести. № 11. СПб., 2004. С. 190–195.

²⁸ Никитинский И. Ф. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции за 1991 г. С. 24.

²⁹ Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека. М.: Наука, 1982. С. 23; Борисенков Е. П., Пасецкий М. В. Экстремальные природные явления в русских летописях XII–XIII вв. М., 1983. С. 23; Манин А. С., Шишков Ю. А. История климата. Л.: Гидрометеиздат, 1979. С. 34.

³⁰ Никитинский И. Ф. Ранние земледельческие орудия... С. 193.

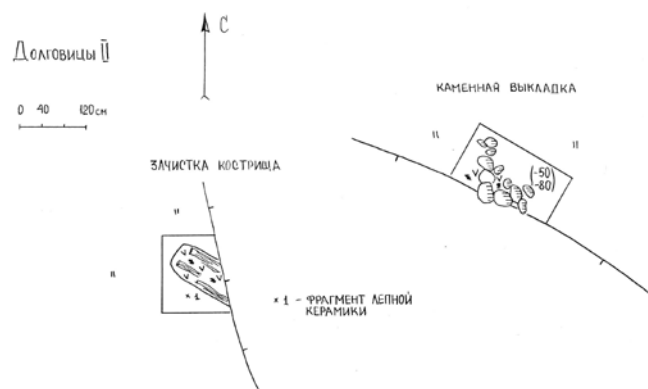

Рис. 12. Зачистка кострища и каменной выкладки. Никитинский И. Ф., 1984

Рис. 13. Вид на Второй Долговицкий «куст» с юго-запада. Фото Никитинского И. Ф. и Тарасовского А. В., 2003

Н. А. Макаров и С. Д. Захаров. Опираясь на свои исследования сельских поселений X–XIII вв. и данные палинологии, Н. А. Макаров, отмечает, что «устройство крупных поселений на Кубенском озере стало возможным в условиях климатического оптимума, при общем потеплении климата, благоприятствовавшем земледелию и сделавшем возможным устройство полей на низких приозёрных террасах, где риск вымерзания посевов был особенно велик». Он считает, что крупнейшее поселение Кубенского озера Минино запустело «в начале XIII в. в условиях неблагоприятных климатических изменений и кризиса пушной торговли»³¹. Другой исследователь Русского Севера С. Д. Захаров отмечает, что в Белозерье «в конце XIII–XIV в. значительная часть населения перемещается с побережий озёр и рек на более возвышенные водораздельные участки, где формируется сеть малодворных деревень»³².

Таким образом, в районе Долговиц зафиксировано несколько различных по характеру историко-культурных памятников: 1) археологические: средневековые клад и могильники, а также мезолитические стоянки; 2) этнографические: священные рожи – «кусты»; 3) фольклорные: легенды о том, что здесь жила и была погребена чудь. На наш взгляд, между средневековыми памятниками существует определённая связь. Можно предположить, что какие-то события вызвали как прекращение функционирования Первого Проневского могильника, так и сокрытие клада. Археоло-

³¹ Макаров Н. А. Неизвестное Средневековье: сельские поселения и могильники на Кубенском озере // АО, 1991–2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 428.

³² Захаров С. Д. Исследования средневекового Белоозера // АО, 1991–2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 412.

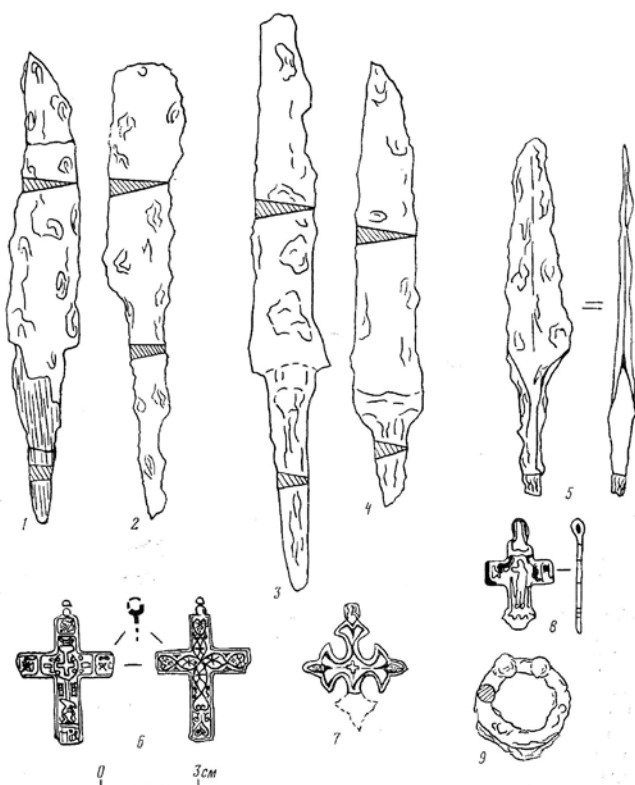

Рис. 14. Вещи из Второго Долговицкого и Тиуновского могильников

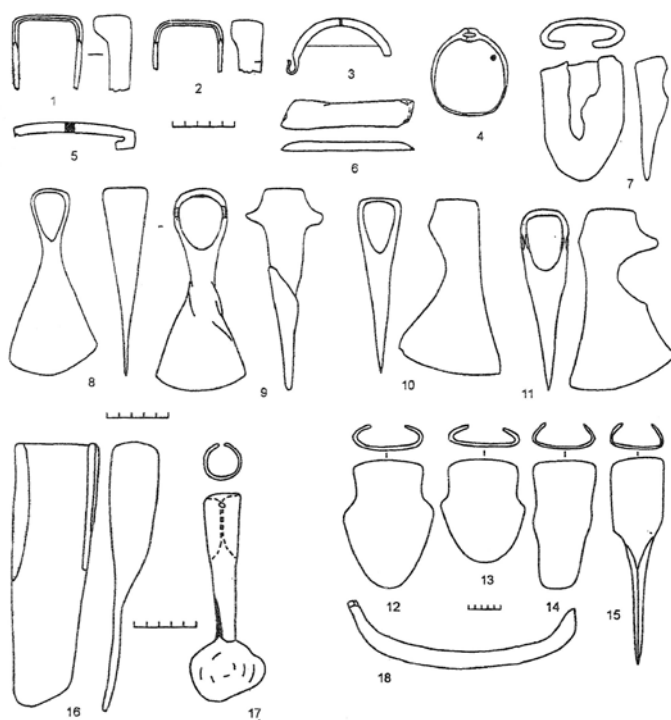

Рис. 15. Находки пашенных орудий и сопутствующих вещей с территории бассейнов рек Ваги и Сухоны (в том числе Долговицкий клад)

гические объекты: клад конца XIII – рубежа XIII–XIV вв. и могильник XII–XIV вв. свидетельствуют о том, что здесь находился родовой центр финно-угорской общины. Земледелие в Долговицах XII–XIII вв., надо полагать, было родовым, а поля распахивались на удобных прирусовых землях – останцах обтекания, о которых упоминалось выше. Позже, в XIV–XV вв. в Долговицах живёт формирующееся русское население – кокшары, оставившие Второй Долговицкий могильник. Это население, по сути своей, оставалось языческим, хотя и было подвергнуто христианизации. Более полно христианизация достигает Долговиц во второй половине XVI в., со времени появления Савватьево-Зосимовской (Дружининской) пустыни, следы которой были зафиксированы в 2000 г.³³ Тогда же неподалёку от могильника Долговицы II на прирусовой террасе Н. Г. Недомолкиной обнаружено селище Лодейное, предварительно датированное XV–XVII вв. В условиях ухудшения климата и межсезонных колебаний уровня воды в это время, существование селища на прирусовой террасе проблематично. Для поселений в данной местности было достаточно более безопасных мест. Возможно, с местностью Лодейное связан какой-то специфический археологический памятник. В том же 2000 г. Н. Г. Недомолкиной была предпринята безуспешная попытка найти мезолитическую стоянку на месте Проневского (Долговицкого I) могильника. Как уже упоминалось, первые письменные свидетельства о деревнях местности Долговицы относятся к 1623 г. Территория этих деревень археологически не исследована. Возможно, они возникли раньше.

³³ Недомолкина Н. Г. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в Вологодском и Тарногском районах Вологодской области в 2000 г. // ВГИАХМЗ. Б/н. С. 5. Илл. 23–27.

В ПОИСКАХ ЧУДИ ЗАВОЛОЧСКОЙ: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ТОТЕМСКОГО КРАЯ

Основной сферой научных интересов Н. В. Гуслистова была проблематика чуди заволочской. Чудь заволочская – население северо-восточной части Древней Руси, впервые упоминаемое в XII веке «Повестью временных лет» в числе неславянских народов.

«Изучение упоминаемой летописями чуди заволочской заметно отстало от изучения соседей – предков коми-зырян и мари, мери, веси и карел. Ответы на важнейшие вопросы социально-экономической и этнической истории дославянского населения Русского Севера могут быть получены только при комплексном анализе письменных, лингвистических и этнографических источников с опорой на материалы археологии». Так Николаем Васильевичем Гуслистовым были поставлены задачи исследования чуди заволочской в 1979 г. По его данным, в бассейне Сухоны и Ваги с 1869 по 1977 г. было выявлено свыше 20 памятников и групп вещей финно-угорского характера¹.

В ходе целенаправленных поисков памятников этого загадочного населения Н. В. Гуслистовым были осмотрены средневековые городки в бассейне Юга² и Сухоны³, произведены раскопки городища «Чудин вал»⁴, проверены данные Н. А. Черницына о могильниках и местонахождениях финно-угорских древностей на Сухоне и Кокшеньге. В ходе работ 1977–1979 гг. были прошурфованы и осмотрены места предполагаемого расположения могильников: Круглецкого, Старототемского, Пустошинского, Большеноренгского, Кудринского в Тотемском районе, Новгородовского, Ульяновского, Долговицкого в Тарногском районе. Ко времени обследования большинство из них уже были уничтожены. Небольшим раскопом на Старототемском городище частично было исследовано раннехристианское кладбище XV–XVI вв.⁵ Лишь на Сондуге в верховьях бассейна Ваги были выявлены полноценные материалы – найден Марьинский могильник, исследовавшийся в 1920-х гг. Н. А. Черницыным (рис. 1). В 1979 г. предприняты широкомасштабные работы по исследованию Марьинского и открытого в том же году Семёновского могильников⁶ (рис. 2). Полу-

ченные материалы позволили уточнить датировку памятников, был собран многочисленный вещевой инвентарь. Однако обобщить накопленный материал Николай Васильевич не успел. Из работ, посвящённых проблеме чуди заволочской, опубликованы доклад на конференции в г. Кирове в 1978 г., тезисы доклада на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов в Сыктывкаре в 1979 году по результатам работ на Марьинском могильнике⁷. Уже после смерти Николая Васильевича его женой и учениками опубликованы результаты исследований 1978–1979 гг.⁸

Археологические материалы, полученные Николаем Васильевичем, до сих пор привлекаются исследователями для решения вопросов о характере и времени древнерусской колонизации Русского Севера. Однако единого мнения по основным проблемам у исследователей нет и сегодня.

Более-менее общим представляется мнение о локализации Заволочья к востоку от озёр Белого и Онежского в левобережье Северодвинского бассейна. Предполагается, что по Северной Двине проходило пограничье с территорией обитания населения, именуемого летописями пермь, а с запада на территории Белозерья обитала летописная весь.

Оценка археологических материалов и этническая атрибуция чуди заволочской также неоднозначны.

Николай Васильевич, так же как и Н. А. Черницын, полагал, что исследованные могильники оставлены местным финно-угорским населением, подвергшимся влиянию древнерусской колонизации. Он отмечал близость выявленных материалов памятникам лузской пермцы, считая, что на водоразделах слияния местного финно-угорского и славянского населения произошло на 2–3 столетия позднее, чем по крупным путям сообщения, какими являются Сухона и Вага⁹.

Другая точка зрения на чудские древности Заволочья в целом высказана Н. А. Макаровым. В 1980-х гг., занимаясь проблемами древнерусской колонизации Русского Севера, Николай Андреевич продолжил поиски средневековых памятников, в том числе в бассейне Сухоны, Ваги и Северной Двины. В пределах Тотемского района им была проведена шурфовка поселения в устье Царевы, где в ходе раскопок 1920-х гг. Н. А. Черницыным были обнаружены материалы второй половины I тыс. н. э. Большинство из добытых Н. А. Черницыным металлических вещей, в числе которых часть бантовидной накладки из бронзы, серебряная фибула с эмалью, железные нож и инструмент, находят аналогии в дьяковских древностях, связываемых с поволжскими финнами. К особенностям материальной культуры населения середины – третьей четверти

¹ Гуслистов Н. В. Марьинский могильник // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов XVI ВКФУ. Ч. II. Сыктывкар, 1979. С. 7.

² Никитин А. В., Гуслистов Н. В. Вологодская экспедиция // АО, 1975. М., 1976. С. 13–14.

³ Там же. С. 13.

⁴ Гуслистов Н. В. Вологодская экспедиция // АО, 1976. М., 1977. С. 13–14.

⁵ Гончарова Н. Н. 1995. Новые антропологические материалы к вопросу о колонизации Русского Севера // Послужить Северу. Вологда, 1995. С. 15–26.

⁶ Гуслистов Н. В. Марьинский могильник... С. 7.

© Иванищева М. В., 2012

⁷ Гуслистов Н. В. Марьинский могильник... С. 7.

⁸ Гуслистов Н. В. Материалы раскопок на реке Сондуге Тотемского района // Послужить Северу. Вологда, 1995. С. 48–74.

⁹ Гуслистов Н. В. Марьинский могильник... С. 7.

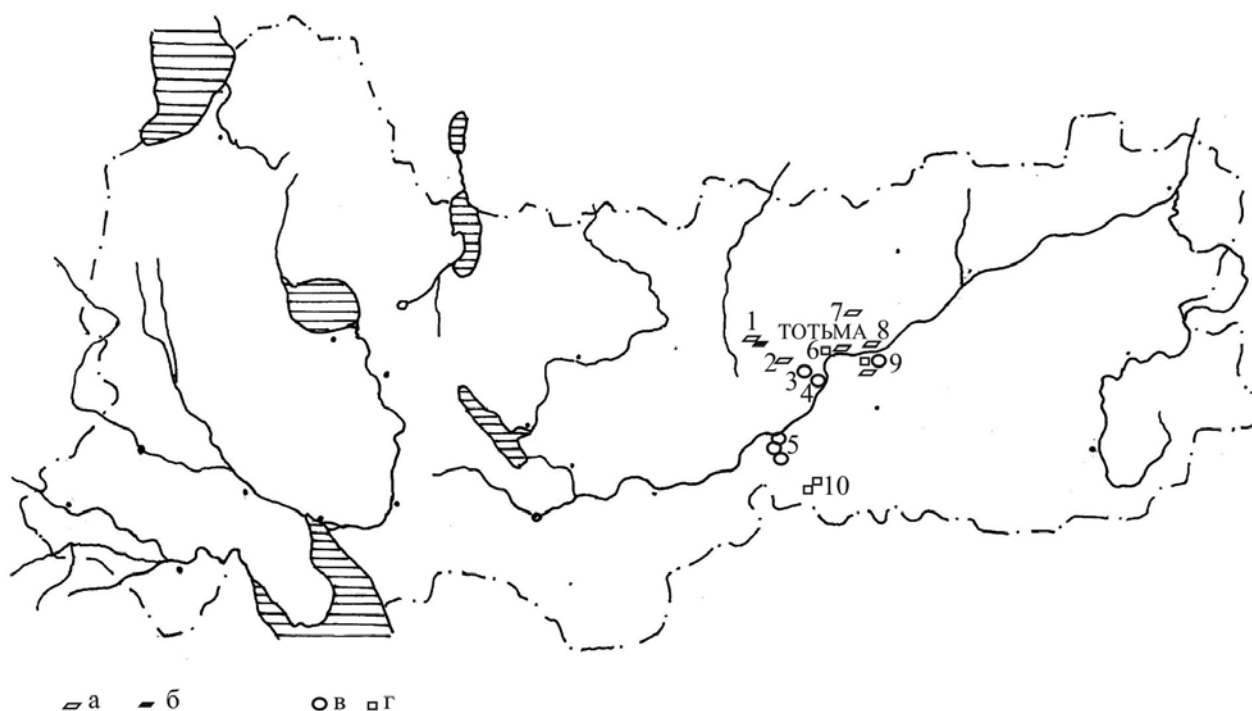

Рис. 1. Средневековые памятники Тотемского района:

а – обследованные Н. В. Гуслистовым, б – выявленные (могильники); в – поселения, селища, г – городища.

1 – могильники Марьинский и Семёновский на Сондуге, XIII–XIV вв.;

2 – могильник Кудринский на Возболе, XIII в.;

3 – поселение Царева I (Задняя), XI–XII вв.;

4 – поселение Усть-Царевская II (Левобережная), V–VIII вв.;

5 – селище Красное IV (Красное) на Толшме, первая половина I тыс. н. э., VI–VIII вв., начало II тыс. н. э.;

селище Красное II а, Средневековье; селище Красное III (Семь сосен), РЖВ – Средневековье;

6 – городище Тотемское, XVI в.; могильник Круглецкий (не обнаружен);

7 – могильник Пустошинский, XII–XIII вв. (разрушен);

8 – могильник Большеноренгский (разрушен);

9 – городище Старототемское, XIV–XVI вв.; поселение Старототемское, XII–XIII вв.;

могильник Старототемский, XIV–XVI вв.;

10 – городище Успенское (Верхне-Толшемское), XVI–XVII вв.; городище Боярское, начало XVII в.

I тыс. до н. э. юго-восточного Прионежья Н. А. Макаров отнёс своеобразие керамики, имеющей аналогии в прибалтийско-финских древностях. Исследователь также указал на отсутствие преемственности между комплексами раннего Средневековья и более поздними, существовавшими в начале II тыс. н. э.¹⁰ Шурфовкой в районе Старототемского городища было выявлено поселение с лепной и гончарной керамикой. Однако яркого, самобытного материала не обнаружено. Всё это привело исследователя к определённым выводам.

По мнению Н. А. Макарова, этноним «чудь заволочская» является собирательным, относящимся к различным, не совсем единым в этническом отношении группам финно-угорского населения, обитавшего на обширной территории. Все памятники, связываемые с чудью заволочской, относятся к периоду активной колонизации Севера древнерусским населением. В составе колонистов, устремившихся в За-

волочье с промыслово-охотничьими целями, были и отдельные группы финно-угорского населения. Среди них белозерская весь, выходцы из Приладжья, меря Верхнего Поволжья и другие, принёсшие в Заволочье разнородные финно-угорские элементы, отразившиеся в материалах известных могильников. Местное же население было малочисленным и быстро смешалось с пришельцами, восприняв их культуру¹¹.

Данное мнение отразило, прежде всего, слабость источниковой базы: малочисленность памятников, достаточно узкий хронологический диапазон и односторонность материалов. Не были известны поселенческие комплексы.

В 1991 г. в ходе археологических разведок по сплошному обследованию территории района нами было открыто, а в 1993–1994 гг. раскопано широкой площадью поселение Царева I (Задняя)¹².

¹¹ Макаров Н. А. Русский Север. Таинственное Средневековье. М., 1993. С. 101–104.

¹² Иванищева М. В. Поселение Царева-I в южном Заволочье // Известия ВОИСК. Вып. V. Вологда, 1996. С. 29–40.

¹⁰ Макаров Н. А. О некоторых комплексах середины – 3 четверти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. Вып. 183. М., 1986. С. 23–32.

Оно расположено в 12 км выше устья реки Царевы на левом берегу в 6,5 км к юго-западу от д. Задняя Тотемского района. Выявлены остатки небольшого промыслового поселения площадью около 2000 кв. м, возникшего на месте предшествовавшего ему поселения раннего железного века, с которым связаны находки двушипного наконечника стрелы и миниатюрного сосуда с «ушками», аналогии которому известны в гряденовских древностях. С культурным слоем средневекового поселения связаны несколько объектов. В их числе 2 постройки, скорее всего, срубной конструкции: одна жилая, другая жилищно-производственная. Пол построек слегка заглублён в материк, обе обогревались печами-каменками. Размеры одной, полностью исследованной, 16 кв. м. Выявлены также очаги в корытообразных ямах, являвшиеся, по-видимому, обогревательными устройствами для другого типа построек.

Инвентарь поселения характеризуется наличием вещей, традиционно связываемых с финно-угорским миром и изделиями общеевропейских типов. Финно-угорский характер поселения не вызывает сомнения по находкам специфических бронзовых украшений (привески-лапки и спиралевидного украшения на шерстяном шнуре), лепной керамики, глиняного пряслица с орнаментом. Из хозяйственно-бытового инвентаря представлены оселки, каменное рыболовное грузило, нож и обломки ножей, выполненных в технике трёхслойного пакета (определение Л. С. Розановой). Производственный инвентарь включает фрагмент льячки и тигелёк-игрушку, промысловый – ромбовидные наконечники стрел.

По углю из очагов получены даты 850 ± 40 (ГИН 8048) и 880 ± 40 (ГИН 8047), что позволяет определить время функционирования поселения XI – началом XII вв., что не противоречит датировке по инвентарю.

В материальной культуре населения прослеживаются в большей степени восточно-финские черты, которые можно определить как смешанные. Они проявляются в особенностях домостроительства и традиции изготовления керамики. Особенности домостроительства: сооружение хозяйственных и околоочажных ям в пределах постройки, наличие глубоких ям-хранилищ связывает данный комплекс с материалами Верхнего Прикамья. Сооружение очагов в глубоких корытообразных ямах, близких по традиции мерянским каменным очагам, является, по-видимому, особенностью материальной культуры местного населения. Аналогии этим сооружениям ограничиваются территорией юго-западного Белозерья и бассейном Шексны.

В изготовлении лепной керамики также прослеживается сочетание поволжско-финских и пермско-финских традиций. Первые выразились в преобладании плоскодонности посуды. Традиции прикамского региона отразились в орнаментации сосудов специфическими узорами из сочетаний гребенчатого штампа и линейной верёвочки, трилистника, характерных для населения Камско-Вычегодской области. В целом, в насельниках царевского поселения можно видеть местное финно-угорское население, сложившееся в своеобразной контактной зоне Посухонья, в материальной культуре которого наиболее ярко проступают восточно-финские черты. Наличие в инвентаре населения ножей, выполненных в технике трёхслойного пакета, свидетельствует о включении территории Посухонья в зону древнерусской колонизации уже в XI–XII вв. Наиболее вероятно распространение этого влияния с запада, через верховья Сухоны, с территории веси.

В последнее время на территории Тотемского района начаты исследования памятников позднего

Рис. 2. Раскопки Марьинского могильника в 1978 г.

железного века или раннего Средневековья, связанных с пермско-финской группой населения. Селище Красное (Санное) открыто в 2002 г. Л. С. Андриановой. Расположено оно на левом берегу р. Толшмы, в 2,5 км от её устья. В 2006–2008 гг. нами проведены раскопки памятника, вскрыто 110 кв. м. На поселении выявлены остатки очага, функционировавшего в наземной постройке, и производственная площадка, связанная с обработкой металла. В комплекс последней входит плавильная яма с окружавшими её небольшими кострищами и хозяйственными ямами. В них обнаружены фрагменты железных окалин, фрагменты тиглей и литейной формы. Железные изделия местного производства представлены ножом в костяной рукояти, шилом с округлым сечением. На площадке обнаружены также фрагменты оплавленных бронзовых украшений. В их числе бляшки, пронизь, возможно, фрагмент круглой бляхи. Встречены также оплавленные стеклянные бусы. Небольшой обломок костяного изделия являлся, скорее всего, частью наконечника стрелы с линзовидным сечением (см. приложение, рис. 17). Часть инвентаря связана с ямками, заглублёнными в материк, серийно выявленными к югу от производственной площадки, что, по нашему мнению, не исключает возможности их связи с погребальными сооружениями. Керамический материал представлен фрагментами не менее чем от 45 сосудов. Округлодонная посуда орнаментирована в верхней

части разнообразными зубчато-ямчатыми узорами и близка материалам памятников западного варианта ванвиздинской археологической культуры (бассейна средней Вычегды и Мезени). Наличие в орнаментации сосудов двузубого штампа позволяет датировать комплекс не позднее VI–VII вв. Наконечник стрелы ромбовидной формы и фрагменты грубой лепной керамики, обнаруженные в верхнем переотложенном уровне слоя, связаны, по-видимому, с существовавшим здесь более поздним поселением. Несомненно, что селище оставлено группировкой пермско-финского населения, проживавшего или продвинувшегося на территорию края. В ванвиздинских памятниках исследователи видят предшественников летописной перми вычегодской, отождествляемой с более поздней вымской археологической культурой¹³. Детальное сопоставление материалов с известными на Европейском Северо-Востоке, скорее всего, может выявить особенности толшемской группы населения.

В целом, можно сказать, что исследование поселений Царева I и Красное IV (Санное) значительно расширило наши представления о культурно-исторических процессах, происходивших на территории края в середине I тыс. – начале II тыс. н. э. Поиски чуди заволочской продолжаются.

¹³ Королёв К. С., Мурыгин А. М., Савельева Э. Ф. Ванвиздинская культура (VI–X вв. н. э.) // Археология республики Коми. М., 1997. С. 442.

Рис. 3. Развал печи-каменки в жилищно-производственной постройке поселения Царева I (Задняя)

НЕКРОПОЛЬ ВОЛОГОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Некрополь Софийского собора – погребальный комплекс XVI–XIX веков епархиального кафедрального собора г. Вологды. Он включает погребения, совершённые внутри собора и у его стен, а также перезахоронения, возникшие при возведении Софийского собора и Архиерейского двора (рис. 1). Внутрихрамовая часть некрополя включает погребения вологодских епископов и архиепископов, совершённые с 1587 по 1894 г. Их местоположение и «список погребённых в соборе архиереев, с кратким указанием на главные обстоятельства их жизни» изложены в публикациях Н. И. Суворова¹. В конце 70-х гг. XX – начале XXI столетий представилась возможность их археологического изучения, также была выявлена «внешняя часть» некрополя – погребение «настоятеля» и массовые перезахоронения.

Поводом для первого археологического обследования погребений послужили ремонтно-реставрационные работы, проводимые в Софийском соборе в 1979 г. Реставраторами был снят пол, осуществлена выемка грунта, при этом были обнажены кирпичные погребальные камеры. Благодаря усилиям руководителя Вологодской археологической экспедиции

Н. В. Гуслистова удалось исследовать захоронения. Их описание представлено в публикуемых выдержках из «Отчёта о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 году», составленного Н. В. Гуслистовым и хранящегося в Вологодском государственном музее-заповеднике². Фотографии находок предоставлены участником работ М. В. Иванищевой.

«Погребение I – (первое от южного входа) архиепископа Гавриила (умер в 1707 г.). Погребальная камера разрушена проломом сверху и засыпана строительным мусором. Свод погребальной камеры полукруглый, в наивысшей точке высота камеры 0,85 м... Длина камеры 2,1 м, ширина 0,85 м. От следующей II камеры отделена перемычкой в 1 кирпич. Остатки костяка и фрагменты тканей перемешаны со строительным мусором. ... В смятом состоянии найден кафтан светло-зелёного цвета с шаровидными металлическими пуговицами. Кафтан светского покроя.

Погребение II – епископа Павла (умер в 1725 г.). Камера с полукруглым сводом, высотой 140 см. Размеры камеры 175 x 70 см. ...Камера заполнена строительным мусором, среди которого встречены деревянные доски гроба с сохранившейся обивкой. Костяк

¹ Суворов Н. И. Описание Вологодского кафедрального Софийского собора. М.: тип. Бахметева, 1863. С. 60–73; Он же. Вологодский архиерейский дом. Вологда, 1898. С. 52.

² Автором в публикуемый текст внесены незначительные поправки и сокращения, не снижающие содержательные характеристики отчёта.

в переотложенном состоянии, череп не потревожен. Из инвентаря обнаружены: крест-мошевик наперсный со сканью; шарообразные бронзовые пуговицы. При зачистке головной части обнаружена митра из коричневой ткани, шитая золотой канителью, украшенная серебряными накладками-дробницами с эмалевыми изображениями.

Погребение III – епископа Пимена II (умер в 1753 г.). Погребальная камера с ненарушенным верхним сводом, разрушены перемычки в один кирпич с примыкающими камерами. Внешне камера представляет прямоугольную площадку 200 x 75 см, ступенчато спускающуюся к чёрному полу. В сечении виден полукруглый кирпичный свод. Высота камеры 85 см, размеры 258 x 100 см. ... Обращает на себя внимание тот факт, что свод камеры сложен из кирпича меньшего размера и скреплён цементным раствором (следы ремонта?). При зачистке камеры встречены доски и ручки от гроба. Останки сохранились в переотложенном состоянии. ... Из инвентаря: в головах митра матерчатая с гладным золотым шитьём. В центральной части камеры фрагменты евангелия: накладки медные, чеканные с изображениями евангелистов и распятия, корочки деревянные, обтянутые материей, следы кожаных застёжек, бумажный тлен. Встречены фрагменты кожаной обуви.

Погребение IV – епископа Серапиона Лятушевича (умер в 1762 г.). Погребальная камера с полукруглым сводом, размеры 200 x 90 см, глубина 80 см ... от погребения III и V отделена кирпичными перемычками.

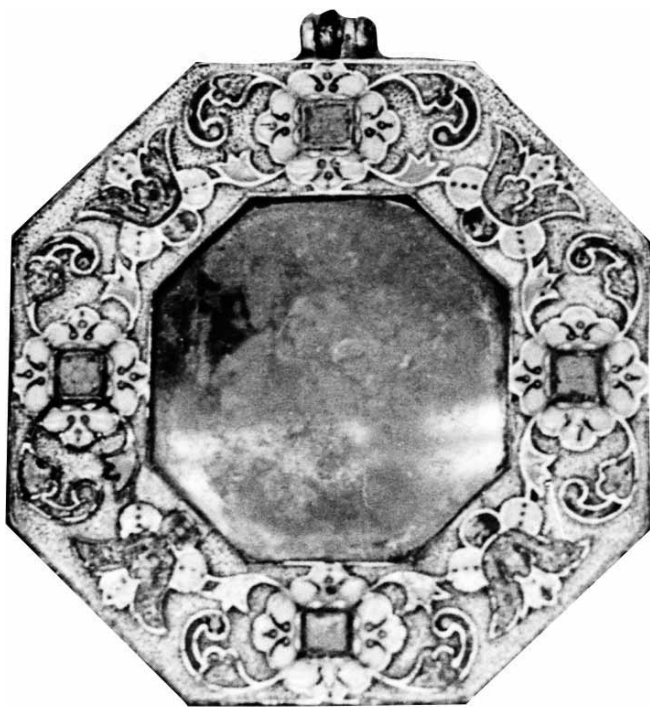

Рис. 2. Панагия из погребения Иосифа Золотого

Рис. 3 Чётки из погребения святителя Антония

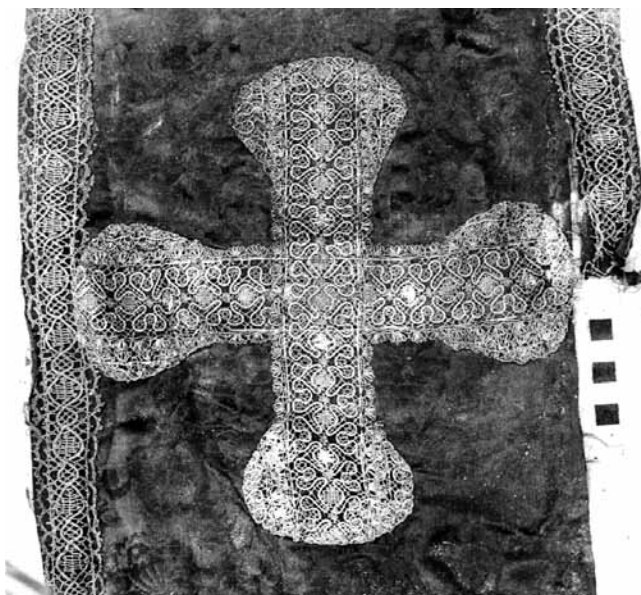

Рис. 4. Омофор из погребения Иринея Братановича

Рис. 5. Янтарные чётки и крестик из погребения Иосифа Золотого

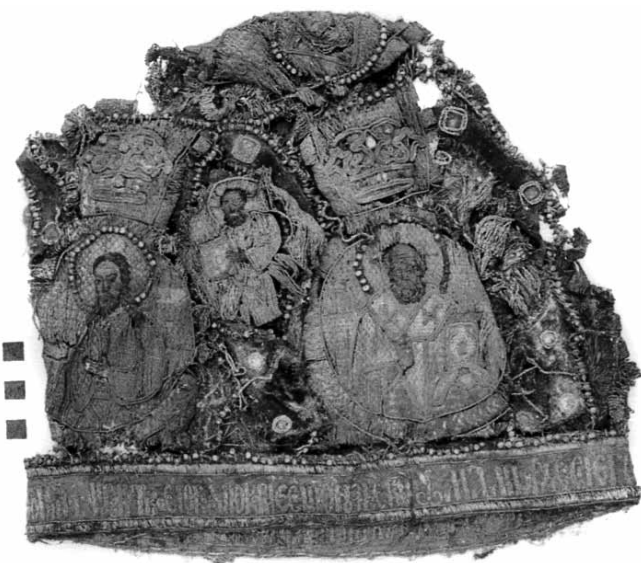

Рис. 6. Митра из погребения Иосифа Золотого

Рис. 7. Митра из погребения Серапиона Лятушевича

Сохранились доски гроба. Костяк в переотложенном состоянии... В центральной части камеры две накладки евангелия – медные со следами позолоты. В южной части камеры – митра с шитыми изображениями серафимов и херувимов по зелёному фону; в верхней части митры изображение Богоматери Знамения (рис. 7).

Погребение V – захоронение епископа Иосифа Золотого (умер в 1774 г.). Погребальная камера с полукруглым сводом, размеры 200 x 100 см, высота по стене 85 см, до верхней точки свода 120 см. Вместе со строительным мусором доски гроба с железной ручкой и следами обивки материей, остатки одежды. Костяк в переотложенном состоянии. ... Из инвентаря найдены: цепочка с ладаницей (?) с изображением Спаса, панagia из непробного серебра, позолочена, с перегородчатой эмалью, по боковой грани надпись гравированная «божья ради благодати архиепископа Симона Вологодского и Белозерского году 1664. 0. 23» (рис. 2); митра шитая с изображениями Спаса, Николы, Богоматери, исполненные гладью (рис. 6); корочки Евангелия, деревянные, обтянутые материей, пелена с шитым изображением «Софии Премудрости Слова Божья», по кругу – изображение Троицы и избранных святых, по углам – символы евангелистов; янтарные четки с крестиком (рис. 5); фрагменты кожаной обуви.

Погребение VI – епископа Ириней Братановича (умер в 1796 г.). Верхний свод камеры не разрушен, но нарушены перемычки с V и VII погребениями. Высота камеры ... в высшей точке свода 90 см. Сохранились доски гроба. Костяк нарушен. ... Из вещей обнаружены: медный с позолотой наперсный крест на шнурке; медная овальная панagia с изображением Богоматери; скорлупообразный медальон с гравированными изображениями распятия; клобук чёрного сукна; омофор с изображением четырёхконечного креста и каймой, выполненными из золотного кружева XVIII в. (рис. 4).

Погребение VII (последнее по южной стене) – епископа Арсения Тодорского (умер в 1802 г.). Погребальная камера высотой 90 см, с полукруглым сводом, размеры 200 x 75 см, завалена строительным мусором. Сохранились доски гроба. Костяк в переотложенном состоянии. ... Найдены фрагменты одежды.

Погребение VIII (второе от северного входа) – архиепископа Антония (умер в 1587 г.). Погребальной камеры не выявлено. Под нарушенной кирпичной

кладкой, возвышающейся на 30 см над чёрным полом, глинистая засыпка, нарушенная перекопом. В перекопе найдены звенья чётки (рис. 3). Верхняя часть костяка разрушена...

В результате проведённой работы можно сказать, что все вскрытые в 1979 г. погребения были потревожены ранее, по-видимому, во время замены пола и разборки надгробий в 30-х гг. XX в.

По окончании археологических работ погребальные камеры были вычищены, сохранившиеся останки погребённых сложены обратно, вещи, представляющие художественную и историческую ценность, переданы в фонды Вологодского областного краеведческого музея³.

Таким образом, Н. В. Гуслистовым было исследовано 8 внутрихрамовых погребений, произведена их идентификация.

В 2001 г. в ВХНРЦ имени академика И. Э. Грабаря отреставрирована уникальная находка из захоронения епископа Иосифа Золотого – «древний памятник декоративно-прикладного искусства – пелена XVI в., с редко встречающимся в древнерусском шитье иконографическим сюжетом «София Премудрость Слова Божия» (см. приложение, рис. 37)⁴. Ряд найденных предметов, хранящихся в фондах музея, ещё нуждается в дополнительной атрибуции и реставрации.

В 1998 г. И. П. Кукушкиным проведено повторное археологическое исследование останков святителя Антония. Работы осуществлялись по благословлению епископа Вологодского и Великоустюгского Максимилиана, под контролем комиссии Вологодского епархиального управления.

В ходе археологических изысканий была осуществлена расчистка и выемка фрагментов погребения. Найдены плетёные шерстяные шнурки, кованые гвозди от гроба. Сделано предположение, что основанием (площадкой) для установки гроба являлась верхняя плоскость белокаменных известняковых блоков, служащая основанием кирпичного цоколя стены. Был проведён антропологический анализ костей скелета, который показал, что святитель Антоний имел рост более 180 см, его лоб был невысокий, средней ширины, голова в целом небольшая, нос выдающийся вперёд, надбровные дуги развиты слабо. Возможно, имело место прижизненное заболевание позвоночника⁵.

Мощи святителя Антония, а также вещи, найденные в погребении, в установленном порядке были переданы в Вологодское епархиальное управление и в настоящее время покоятся в церкви Св. Николая во Владычной слободе г. Вологды.

В 2003–2004 гг. в Софийском соборе выполнялись реставрационные и инженерные работы, были отремонтированы и погребальные камеры вологодских архиереев. Одновременно осуществлялись охранные археологические исследования под руко-

³ Гуслистов Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 году // ВГИАХМЗ. Б/н.

⁴ Семечкина Е. В. Реставрация пелены XVI в. «София Премудрость Божия» из собрания Вологодского музея-заповедника // VI Грабаревские чтения: доклады, сообщения. М.: Сканрус, 2005. С. 75–83.

⁵ Кукушкин И. П. Археологические исследования в Вологодском кремле в 1997–2000 годах // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Легия, 2003. С. 9.

Рис. 8. Верхний ярус перезахоронений, совершённых в XVII – нач. XIX в. у стены Софийского собора

Рис. 9. Нижний ярус перезахоронений, предположительно, совершённых во время строительства Софийского собора

водством И. В. Папина, в ходе которых «на глубине 20–30 см от уровня кирпичного пола был обнаружен кирпичный склеп с цилиндрическим сводом, сложенный на цементном растворе. На своде склепа снаружи кирпичом выложен четырёхконечный крест». По предположению исследователя, указанное погребение могло принадлежать архиепископу Вологодскому и Тотемскому Израилу (Никулицкому), скончавшемуся в 1894 г.⁶

«Внешняя» часть некрополя была обнаружена в 2000–2001 гг. И. П. Кукушкиным в ходе археологических исследований в связи с разработкой проекта устройства дренажа собора.

В 2000 г. в разведочном шурфе близ внешней, северной стены собора, на глубине 1,05 м от дневной поверхности была обнаружена кирпичная погребальная камера. Её меридиональная ось проходит в 5,5 м к северу от приапсидной лопатки, параллельно стене храма. Полуциркульный свод погребальной камеры выполнен из кирпича на цементно-известковом растворе. Длина сооружения 2,8 м, оно расчищено от уровня верхней точки свода на глубину 0,2 м, на которой зафиксирована её ширина – 1,4 м⁷. Заслуженный реставратор, краевед Н. И. Федышин предположил, что погребение может принадлежать одному из настоятелей Софийского собора. Возможно, это захоронение протоиерея кафедрального собора Василия Ивановича Нордова, умершего в 1883 г. По воспоминаниям Николая Ивановича Федышина, три надгробных плиты находились у «северной» стены храма до середины XX века.

В 2001 г. проведены археологические раскопки у южной стены Софийского собора⁸. В раскопе площадью 60 кв. м было зафиксировано 2 яруса разновременных перезахоронений. Первый (верхний) ярус залегает на глубине от 0,47 м до 1 м (при отметке уровня дневной поверхности 116.70), он образован шестью скоплениями (перезахоронения № 1–6), каждое из которых составляли останки нескольких (от двух до шести) индивидов. По стратиграфии строительных напластований, перезахоронения верхнего горизонта совершены в XVII–XIX веках (рис. 8). Можно предположить, что в этот период, когда велись

застройка и благоустройство Архиерейского двора, близрасположенных территорий, было затронуто ранее существовавшее кладбище, а извлечённые человеческие останки в разное время перезахоранивались у Софийского собора.

Нижний ярус перезахоронений (№ 7, 8) залегает на глубине от 1,33 м до 1,85 м от уровня дневной поверхности (рис. 9). В перезахоронении № 7 останки сосредоточены на площади 2,5 x 1,76 м. Кости залегают в несколько рядов, расположены в анатомическом порядке. Череп сложены в юго-западной части; большеберцовые, крупные трубчатые кости – в северо-восточной, прочие кости посткраниальных скелетов рассредоточены хаотично на площади перезахоронения. По количеству костей черепов в перезахоронении останки более 100 индивидов. Они залегают на платформе, составленной из пяти деревянных плах. Среди костей найден фрагмент створки бронзового креста-энколпиона.

Перезахоронение № 8 примыкает к перезахоронению № 7 с северо-запада. Останки сосредоточены на площади 2,5 x 1,47 м. Кости залегают на грунте в несколько рядов. Их расположению придано подобие анатомической последовательности, но по сравнению с перезахоронением № 7 с большей долей «небрежности». По количеству костей черепов перезахоронение содержит останки приблизительно 100 индивидов. По зафиксированным фрагментам древесного тлена можно предположить, что перезахоронение было совершено в деревянном коробе.

Судя по разнице уровней залегания, перезахоронения № 7 и № 8 близки по времени совершения, но не одновременны. Перекрывающий их строительный горизонт относится к периоду сооружения кирпичных стен храма. Есть основания полагать, что останки из перезахоронений нижнего яруса происходят с кладбища, располагавшегося на территории Соборной горки, возможно, на месте заложения фундамента Софийского собора.

Таким образом, некрополь Софийского собора формировался с начала возведения храма до конца XIX века. Он включает традиционные погребения архиереев и настоятелей, перезахоронения с кладбищ, располагавшихся на месте и близ комплекса Архиерейского двора, возможно, и на участке, занятом зданием собора. По своей историко-культурной, мемориальной значимости некрополь Софийского собора представляет значительный интерес для исследований.

⁶ Папин И. В. Тайны главного здания Вологды: археологические исследования Софийского собора // Археология Вологды: история и современность: сб. статей. Вологда, 2007. С. 74–75.

⁷ Кукушкин И. П. Археологические исследования... С. 11.

⁸ Кукушкин И. П. Отчёт о проведении археологических раскопок в зоне охраны Софийского собора в городе Вологде в 2001 году // ИА РАН.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГУСЛИСТОВ – СОСТАВИТЕЛЬ КАТАЛОГА «ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ»

Одной из важнейших в деятельности Николая Васильевича Гуслистова была работа по сбору и систематизации сведений о памятниках археологии Вологодской области. Она велась по нескольким направлениям: обобщение имеющихся библиографических материалов о памятниках археологии по архивным и литературным источникам, проверка данных о местоположении памятников в ходе полевых исследований, картографирование памятников по районам. К этой работе были привлечены студенты исторического факультета ВГПИ, входившие в состав археологического кружка при Вологодском областном краеведческом музее.

Создание каталога продолжало работу по учёту памятников, а сам каталог должен был стать наиболее полным информативным собранием сведений о памятниках археологии Вологодской области.

Каталог «Археологические памятники Вологодской области» создавался Николаем Васильевичем в 70-е гг. и к 1980 г. практически был готов.

Он начинался введением, представлявшим собой вступительную статью под заголовком «Выявление, исследование и охрана археологических памятников на территории Вологодской области». Статья объёмом 7 машинописных листов сопровождалась библиографией из 45 источников. К статье прилагались 16 иллюстраций. Далее следовал каталог «Археологические памятники Вологодской области». Его открывал «Список районов области», включавший перечень районов в алфавитном порядке с указанием общего количества и нумерации памятников в районе. Например: «Бабаевский район, 1–59» – то есть памятники под номерами с 1 по 59 располагались на территории Бабаевского района. Далее номер, который начинал нумерацию в следующем районе: «Белозерский 60–127». Цифра «67» после этого диапазона обозначала общее количество памятников в районе. В списке не было Бабушкинского и Харовского районов, так как на конец 70-х гг. памятников археологии в этих районах выявлено не было. Каталог состоял из описания 700 памятников в 24 районах.

Приведём ниже таблицу со списком районов Вологодской области. Данные о количестве памятников на 1980 г. приводятся по каталогу Н.В. Гуслистова, а данные на 2009 г. – по сведениям архива ГУК «Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области».

районы	номера памятников	число памятников	
	1980 год	1980 год	2009 год
Бабаевский	1–59	59	172
Бабушкинский	–	0	6
Белозерский	60–127	67	345
Вашкинский	128–170	43	116
Великоустюгский	171–190	21	62
Верховажский	191–195	5	20
Вожегодский	196–213	18	29
Вологодский	214–260	48	157
Вытегорский	261–320	60	115
Грязовецкий	321–324	4	14
Кадуйский	325–338	14	65
Кирилловский	339–404	67	175
Кич.-Городецкий	405–408	4	19
Междуреченский	409–417	9	86
Никольский	418–424	7	10
Нюксенский	425–451	22	48
Сокольский	452–468	17	124
Сямженский	469–471	3	20
Тарногский	472–504	33	27
Тотемский	505–571	67	81
Усть-Кубинский	572–587	14	77
Устюженский	588–625	38	77
Харовский	–	0	26
Чагодощенский	626–666	41	128
Череповецкий	667–692	26	133
Шекснинский	693–700	7	69
ВСЕГО		700	2201

Каталог завершал список литературы и список принятых сокращений.

В мае–июне 1980 г. Николаем Васильевичем был завершён «Список археологических памятников Вологодской области, рекомендуемых на государственную охрану». Список состоял из памятников как республиканского, так и местного значения. К памят-

никам республиканского значения были отнесены 9 объектов и 173 рекомендовались на местную охрану. По районам это выглядело так:

районы	памятники республиканского значения	памятники местного значения
Бабаевский	4	21
Белозерский	1	31
Вашкинский		7
Вологодский	1	2
Вытегорский		1
Кадуйский		6
Кирилловский	2	13
Кич-Городецкий		2
Междуреченский		8
Никольский		1
Нюксенский		7
Сокольский		8
Сямженский	1	
Тарногский		2
Тотемский		23
Усть-Кубинский		8
Устюженский		15
Чагодощенский		25
Череповецкий		1
Великоустюгский		2

Все сведения из «Списка археологических памятников Вологодской области, рекомендуемых на государственную охрану» были включены в каталог, а список был передан для работы в производственную группу управления культуры Вологодского облисполкома.

Одновременно с работой над каталогом велись работы по созданию «Свода памятников археологии Вологодской области», материалы которого ныне хранятся в ГУК «Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области». Свод представлял собою таблицу, состоявшую из 9 пунктов по каждому памятнику: 1 – порядковый номер, 2 – название (имя) памятника, 3 – местоположение, 4 – год открытия, 5 – автор открытия или первого сообщения, 6 – источник, 7 – датировка, 8 – научная значимость (например, «для изучения эпохи Средневековья»), 9 – задачи для дальнейшего обследования (например, «требует паспортизации»). Все эти материалы вошли в окончательный вариант каталога. К своду памятников прилагался список источников, состоявший из 291 наименования. Библиографические и архивные материалы, а также указания на место хранения коллекций по каждому памятнику были приведены в графе 6 под порядковыми номерами, соответствовавшими номерам «Списка источников к своду археологических памятников Вологодской области». Таким образом, без прилагаемого списка

источников нельзя было получить наиболее важную и ценную информацию об исследованиях памятника, полученных находках и атрибуции материалов памятника исследователями. Сам «Список источников к своду археологических памятников Вологодской области» был на то время наиболее полным сводом библиографических и архивных данных по памятникам археологии Вологодской области. Важным являлось указание на хранение архивных материалов не только в главных хранилищах отчётов исследователей: ЛОИА (ныне архив Института истории материальной культуры РАН) и ИА АН СССР (ныне архив Института археологии РАН), но и в местных краеведческих музеях, что значительно расширяло возможности использования базы источников краеведами, сотрудниками музеев, студентами.

Создание каталога отражало новый уровень работы по систематизации памятников археологии области. После гибели Николая Васильевича его женой и учениками предпринималось несколько попыток опубликовать каталог, но все они не увенчались успехом, о чём остаётся только сожалеть. Несмотря на это, обобщённые Николаем Васильевичем материалы явились основой для дальнейших полевых работ его учеников, учёта памятников и библиографических изысканий.

Список литературы по археологии Вологодской области, составленный Н. В. Гуслистым при работе над каталогом памятников области

1. Алешковский Л. Х. Отчёт об археологической разведке в 1968 году на территории Кирилло-Белозерского монастыря // ИА Р-1/3675.
2. Арсакова М. Е. Разведки в Устюженском уезде в 1926 году // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. №117/17; ЧКМ; УКМ.
3. Арсакова М. Е. О раскопках в Вологодской губернии // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. № 176; ЧКМ.
4. Арсакова М. Е. О раскопках курганов Кемской группы, расположенных на левом берегу реки Кемы около д. Болтинской Кемского района Череповецкого округа, произведённых летом 1927 года // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 168; ЧКМ.
5. Арсакова М. Е. Дневник раскопок Водобской стоянки близ хутора Гришичева Вашкинского района Череповецкого округа, июль, сентябрь 1927 г. // ЧКМ.
6. Арсакова М. Е. Раскопки в пределах Череповецкого округа 1929 г. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 141; Дневник в УКМ, ЧКМ.
7. Арсакова М. Е. Археологические раскопки и разведки в Вологодском уезде // Север. 1928. № 7–8. С. 288–291.
8. Арсакова М. Е. Древнейший человек и население края // Череповецкий округ. Череповец, 1929. С. 344–348.
9. Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 115–119.
10. Бухарина К. М. Список археологических памятников, учтённых Череповецким музеем. 1941 // ЧКМ, ВОКМ.
11. Беляев Ал. Памятники древности в Верховажье // ВЕВ. 1898. № 20. С. 507–510.

12. Брюсов А. Я. Отчёт по археологической экспедиции в Вытегорском районе Ленинградской области и Карельской автономной области летом 1932 г. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. № 11; ВКМ.
13. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в 1937 г. в Чарозерском районе Вологодской области // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. № 197; ВОКМ.
14. Брюсов А. Я. Краткий отчёт за 1938 г. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1938. № 137, № 206. [Отчёт о работах Чарозерской экспедиции.]
15. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в 1939 г. // ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. № 7; ЧКМ; ВОКМ. [Отчёт о работах Чарозерской экспедиции]
16. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в Чарозерском районе Вологодской области в 1940 г. // ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1940. № 12; ВОКМ.
17. Брюсов А. Я. Раскопки в Чарозерском районе в 1938–1940 гг. // ЧКМ.
18. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в Чарозерском районе Вологодской области с чертежами, фотографиями и описью, 1940 // ВОКМ.
19. Брюсов А. Я. Список археологических памятников Вологодской области, 1941 г. // ВОКМ.
20. Брюсов А. Я. Отчёт о работе Северной (Чарозерской) экспедиции в 1945 г. // ИА Р-1/ 15.
21. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в Чарозерском районе Вологодской области, произведённых в 1946 г. Вологодской экспедицией // ИА Р-1/ 48; ЧКМ; ВОКМ.
22. Брюсов А. Я. Отчёт о работе Северной археологической экспедиции в 1947 г. в Вологодской области и КФСР // ИА Р-1/ 125.
23. Брюсов А. Я. Древнейший этап в истории населения Вологодской области (неоконченная рукопись), 1947 // ВОКМ.
24. Брюсов А. Я. Отчёт о работе Северной археологической экспедиции в 1948 г. // ВОКМ.
25. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках Караваевской стоянки и могильника в Чарозерском районе Вологодской области в 1951 г. // ИА Р-1/586.
26. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в Вологодской области в 1951 г. // ВОКМ.
27. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках 1952 г. в местности Караваиха на р. Елома Чарозерского района Вологодской области // ИА Р-1/ 705.
28. Брюсов А. Я. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1953 г. // ИА Р-1/ 872.
29. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в Чарозерском (ныне Кирилловском) районе Вологодской области в 1955 г., производившихся Северной археологической экспедицией ИИМК АН СССР и ГИМ // ИА Р-1/ 1125.
30. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках Вологодской археологической экспедиции ИИМК АН СССР за 1956 г. // ИА Р-1/ 1220; ККМ; ВОКМ.
31. Брюсов А. Я. Отчёт Вологодской археологической экспедиции ИИМК за 1957 г. // ИА Р-1/ 1562; ВОКМ.
32. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках Вологодской археологической экспедиции за 1959 г. // ИА Р-1/ 2066; ВОКМ.
33. Брюсов А. Я. Отчёт о раскопках в 1938–1939 гг. // Труды ГИМ. Вып. 12. М., 1941. С. 17–18.
34. Брюсов А. Я. Археологические работы в Вологодской области в 1937–1940 гг. // КСИИМК. Вып. X. М., 1941.
35. Брюсов А. Я. Краткий отчёт Северной археологической экспедиции в 1945 г. в Чарозерском районе Вологодской области // КСИИМК. Вып. XVII. М.; Л., 1947. С. 58–68.
36. Брюсов А. Я. Результаты Вологодской археологической экспедиции в Чарозерском районе Вологодской области (тезисы доклада) // КСИИМК. Вып. XXI. М.; Л., 1947. С. 45.
37. Брюсов А. Я. Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г. // КСИИМК. Вып. XX. М.; Л., 1948. С. 45–49.
38. Брюсов А. Я. Краткий отчёт Северной археологической экспедиции в 1945 г. в Чарозерском районе Вологодской области // КСИИМК. Вып. XVII. М.; Л., 1947. С. 58–68.
39. Брюсов А. Я. К вопросу о заселении севера европейской части СССР в эпоху неолита // КСИИМК. Вып. XLIX. М., 1953. С. 8–12.
40. Брюсов А. Я. Северная археологическая экспедиция в 1947 г. // КСИИМК. Вып. XXVI. М.; Л., 1949. С. 27–33.
41. Брюсов А. Я. «Сетчатая керамика» // СА. № 14. 1950. С. 287–305.
42. Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР. М.; Л., 1951. С. 7–76. (МИА; № 20).
43. Брюсов А. Я. О целях и задачах археологии и о состоянии и перспективах археологического обследования Вологодской области // Труды научной конференции по изучению Вологодской области. Вологда, 1956. С. 43–53.
44. Брюсов А. Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 72–162.
45. Брюсов А. Я. Неолитические жилища лесной зоны европейской части СССР // Вологодский край. Вып. I. Вологда, 1959. С. 133–141.
46. Брюсов А. Я. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР // СА. № 4. 1968. С. 3–16.
47. Брюсов А. Я. Финское погребение X–XI вв. в дер. Погостище Кирилло-Белозерского района Вологодской области // КСИИМК. Вып. 120. М., 1969. С. 81–83.
48. Буров Г. М. Археологическое изучение торфяников в Северо-Двинском бассейне // АО, 1966. М., 1967. С. 6–7.
49. Буров Г. М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИИМК. Вып. 117. М., 1968. С. 130–131.
50. Виноградов Г. И. Об обнаружении кладбища близ Череповца Новгородской губернии // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1924. № 133.
51. Воеводский М. В., Збруева А. В. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции // ИГА ИИМК. Вып. 109. М., 1935.
52. Гарновский В. В. Материалы переписки с ВОКМ. 1941 // ВОКМ.
53. Гарновский В. В. Отчёт об обследовании памятников материальной культуры в Шольском районе Вологодской области в 1953 г. // ИА Р-1/ 783; ЧКМ.
54. Гарновский В. В. Отчёт о проведении разведочных работ в Шольском районе Вологодской области в 1954 // ИА Р-1/ 939.
55. Гарновский В. В. Стоянка «Взвоз на р. Шоле». Дек. 1957 г. Рукопись // ЧКМ.
56. Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949. С. 88–89.

57. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 334–365.
58. Глазов В. Н. Заметки о древностях Вологодской губернии по Вельскому и Тотемскому уездам // Отчёт Императорской археологической комиссии за 1911 год. СПб., 1914. С. 69–70.
59. Голубева Л. А. Отчёт о раскопках Белозерской археологической экспедиции в 1949. Вологодская область // ИА Р- I / 371, 373; ВОКМ; ЧКМ.
60. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции в 1950 г. Вологодская область // ИА Р- I/ 510, 511, 512.
61. Голубева Л. А. Отчёт о раскопках на Белоозере в 1951 г. Вологодская область // ИА Р- I/ 621, 620.
62. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции, 1952 г. // ИА Р- I/ 1379, 1379а.
63. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1957 // ИА Р- I/ 1505, 1506.
64. Голубева Л. А. Отчёт об археологических раскопках на территории «Старого города» Белоозера (правый берег реки Шексны), 1958 г. // ИА Р- I/ 1795.
65. Голубева Л. А. Отчёт об археологических раскопках на «Белом озере» в 1959 г. // ИА Р- I/ 2016.
66. Голубева Л. А. Отчёт об археологических работах Белозерской экспедиции в 1960 г. // ИА Р- I/ 2138.
67. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции в 1961 г. // ИА Р- I/ 2334.
68. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции за 1962 г. // ИА Р- I/ 2572.
69. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции за 1963 г. // ИА Р- I/ 2945.
70. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1965 г. // ИА Р- I/ 5708.
71. Голубева Л. А. Отчёт о командировке в Белозерск и Череповец в 1966 г. // ИА Р- I/ 3215.
72. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции в 1974 г. // ИА Р- I/ 5896.
73. Голубева Л. А. Отчёт о работе Белозерской археологической экспедиции в 1975 г. // ИА Р- I/ 6002.
74. Голубева Л. А. Древнее Белоозеро // КСИИМК. Вып. ХLI. М., 1951. С. 37–40.
75. Голубева Л. А. Белозерская экспедиция за 1957 г. // КСИИМК. Вып. 79. М., 1960. С. 35–42.
76. Голубева Л. А. Белозерская экспедиция // КСИА. Вып. 81. М., 1960. С. 77–85.
77. Голубева Л. А. Надпись на корчаге из Белоозера // СА. № 3. 1960. С. 321–323.
78. Голубева Л. А. Славянские памятники на Белом озере // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 25–46.
79. Голубева Л. А. Могильник X–XI вв. на Белом озере // СА. № 1. 1961. С. 201–215.
80. Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3. М., 1962.
81. Голубева Л. А. Раскопки древнего Белоозера в 1959–1960 гг. // КСИА. Вып. 96. М., 1963. С. 64–71.
82. Голубева Л. А. Белозерская весь и её северные соседи в X – нач. XI в. // Скандинавский сборник. VIII. Таллин, 1964. С. 285–296.
83. Голубева Л. А. О дате поселения веси на Белом озере // КСИА. Вып. 104. М., 1965. С. 12–17.
84. Голубева Л. А. Раскопки в Белоозере // АО, 1965. М., 1966. С. 174–176.
85. Голубева Л. А. Белоозеро и волжские болгары // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 40–43. (МИА; № 169).
86. Голубева Л. А. К проблеме этногенеза веси // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 142–146. (МИА; № 176).
87. Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973.
88. Голубева Л. А., Тухтина Н. В. Работа Белозерской экспедиции // АО, 1974. М., 1975. С. 12.
89. Голубева Л. А., Тухтина Н. В. Работа Белозерской экспедиции // АО, 1975. М., 1976. С. 10–11.
90. Голубева Л. А., Равдина Т. В., Тухтина Н. В. Работа Белозерской экспедиции // АО, 1976. М., 1977. С. 11.
91. Голубева Л. А. Кемские курганы // СА. № 3. 1969. С. 261–262.
92. Гроздилов Г. П. Отчёт о летних работах в Череповецком округе в 1929 году // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. № 126.
93. Гроздилов Г. П. Археологические памятники IX–XIII вв. в Белозерье. Рукопись // УМК. Ф. 7. Д. 5. ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 11. 1933. № 225.
94. Гуслистов Н. В. Отчёт о работе на территории Вологодской области. 1975 // ВОКМ; [ИА Р- I/ 5338]
95. Гуслистов Н. В. Отчёт о работах на территории Вологодской области. 1976 // ВОКМ; [ИА Р- I/ 5844].
96. Гуслистов Н. В. Отчёт о работах на территории Вологодской области. 1977 // ВОКМ; [ИА Р- I/ 6767].
97. Гуслистов Н. В. Отчёт Вологодской археологической экспедиции за 1978 о работах в Сямженском и Тотемском районах Вологодской области // ВОКМ; [ИА Р- I/ 7152].
98. Гуслистов Н. В., Никитин А. В. Вологодская экспедиция // АО, 1975. М., 1976. С. 13–14.
99. Гуслистов Н. В. Вологодская экспедиция // АО, 1976. М., 1977. С. 13.
100. Гуслистов Н. В. Вологодская экспедиция // АО, 1977. М., 1978. С. 13–14.
101. Гуслистов Н. В. Развитие археологических исследований на территории Вологодской области // Историография и источниковедение северного крестьянства. САС. Вып. VI. Вологда, 1978. С. 13–23.
102. Едемский М. Б. Кокшеньгская старина // ЗРО ИРАО, Т. VII. В. I–III. СПб, 1906.
103. Едемский М. Б. Остатки культуры доисторического человека // Природа № 7–12, 1924. С. 62–71.
104. Засецкий А. А. Исторические и топографические известия по древности о России и частно о городе Вологде и его уездах... 2-е изд. М., 1782.
105. Засурцев П. И. Об археологических раскопках в Вологде в 1947 году // ИА Р- I/ 252.
106. Ивановский К. С. Городецко-Николаевский погост Палемской волости Устюгского уезда (Этнографический очерк) // ВГВ. 1880. № 11–12.
107. Ивановский К. С. Археологическая заметка // ВГВ. 1880. № 30.
108. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и её вооружение в XVI–XVIII вв. // Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М., 1958. С. 143–199. (МИА; № 77).
109. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре // АО, 1971. М., 1972. С. 45.
110. Кичин Е. Соборная гора в гор. Тотьме // ВГВ. 1847. № 52.
111. Кичин Е. Основание Тотьмы, или Переселение тотьмичей // ВГВ. 1847. № 46.

112. Козырева Р. В. Отчёт о работе Череповецкого неолитического отряда ЛОИА АН СССР за 1965 г. // ИА Р-1 / 3144.
113. Козырева Р. В. Отчёт о работе Северного неолитического отряда ЛОИА в 1970 г. // ИА Р-1/ 4324.
114. Козырева Р. В. Изучение неолита на Севере // АО, 1965. М., 1966. С. 62–63.
115. Козырева Р. В. Исследование неолитических стоянок в районе озера Белого в 1965 г. // КСИА. Вып. 117. М., 1969. С. 69–75.
116. Коллекции Белозерского краеведческого музея.
117. Коллекции Великоустюгского краеведческого музея.
118. Коллекции Вологодского областного краеведческого музея.
119. Коллекции Вытегорского краеведческого музея.
120. Коллекции Государственного исторического музея.
121. Коллекции Государственного Эрмитажа.
122. Коллекции Кирилловского краеведческого музея.
123. Коллекции Тотемского краеведческого музея.
124. Коллекции Устюженского краеведческого музея.
125. Коллекции Череповецкого краеведческого музея.
126. Колчин Б. А., Черных Б. Н. Дендрохронология Восточной Европы. Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 по 1970 г. М., 1977.
127. Лавров Н. Ф. // ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 89/1911.
128. Лавров Н. Ф. Исследования Н. Ф. Лаврова в Череповецком уезде // Отчёт Императорской археологической комиссии за 1911 г. СПб., 1914. С. 68–69.
129. Лазаревский Я. М. Отчёт Императорской археологической комиссии за 1860 г. СПб., 1862. Ст. XII.
130. Лазаревский Я. М. Об археологических разысканиях в окрестностях Белозерска // ИИМК РАН. Ф. I. Оп. 1. № 15/ 1860.
131. Лисицына Г. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 163–224.
132. Максименков Г. А., Хлопин И. Н. Археологические раскопки в Устюжне и прилегающих районах // СА. № 4. 1958. С. 187–193.
133. Марков К. В. План озера Воже. 1919 г. // ВОКМ.
134. Материалы паспортизации археологических памятников 1949–1957 гг. // ВОКМ, ТКМ, УКМ, ВУКМ, производственная группа по охране памятников управления культуры Вологодского облисполкома.
135. Миров А. А. Дневник археологических раскопок в Чарозерском районе Вологодской области, август 1949 г. // ВОКМ.
136. Миров А. А. Дневник раскопок в г. Вологде, июль–август 1947 г. // ВОКМ.
137. Миров А. А. О работе Белозерской археологической экспедиции // Сборник межвузовской конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1963 г. Вологда, 1964. С. 108–110.
138. Миров А. А. О полевой археологической практике студентов // Материалы межвузовской конференции по итогам научно-исследовательской работы в 1964 г. Сев.-Зап. кн. изд.-во, 1965. С. 52–53.
139. Муромцев И. Н. Городок Рахлей // ВГВ. 1843. № 23.
140. Муромцев И. Н. Древние исторические места Кадниковского уезда // ВГВ. 1844. № 26.
141. Никитин А. В. Археологический отчёт о раскопках в г. Вологде в 1948 г. // ИА Р-1/ 222; ВОКМ.
142. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в г. Вологде в 1955 г. // ИА Р-1/ 1192; ВОКМ.
143. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в г. Вологде в 1956 г. // ИА Р-1/ 1299; ВОКМ.
144. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в г. Вологде в 1957 г. // ИА Р-1/ 1662; ВОКМ.
145. Никитин А. В. Отчёт об археологической разведке по р. Сухоне в 1958 г. // ИА Р-1/ 1728; ВОКМ.
146. Никитин А. В. Отчёт о раскопках в Великом Устюге в 1959 г. // ИА Р-1/ 1966; ВОКМ; ВУКМ.
147. Никитин А. В. Отчёт о раскопках в Великом Устюге в 1960 г. // ИА Р-1/ 2324.
148. Никитин А. В. Отчёт о раскопках городища Халезец в Никольском районе в 1961 г. // ИА Р-1/ 2321.
149. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в Вологодской области в 1962 г. // ИА Р-1/ 2479; ВОКМ.
150. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в г. Устюжне в 1963 г. // ИА Р-1/ 2680; ВОКМ.
151. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках у д. Крестцы на р. Кать Устюженского района в 1964 г. // ИА Р-1/ 2922; ВОКМ.
152. Никитин А. В. Отчёт о раскопках у д. Крестцы Вологодской области и в Новгородской области 1965 г. // ИА Р-1/ 3143; ВОКМ.
153. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках поселения и курганной группы у д. Куреваниха Устюженского района в 1966 г. // ИА Р-1/ 3342; ВОКМ.
154. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в Вологодской области в 1967 г. // ИА Р-1/ 3530; ВОКМ.
155. Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в Вологодской области и разведках в Архангельской области за 1968 г. // ИА Р-1/ 4061; ВОКМ.
156. Никитин А. В. Отчёт о раскопках Вологодской экспедиции в 1969 г. // ИА Р-1/ 3982.
157. Никитин А. В. Отчёт о раскопках курганов у д. Новинка Вологодской области. Разведки в Архангельской области и раскопки у д. Таврово Воронежской области // ИА Р-1/ 4110; ВОКМ.
158. Никитин А. В. Археологический отчёт о раскопках 1971 г. // ИА Р-1/ 5299; ВОКМ.
159. Никитин А. В. Археологический отчёт о раскопках 1972 г. // ИА Р-1/ 5300; ВОКМ.
160. Никитин А. В. Археологический отчёт о раскопках 1973 г. // ИА Р-1/ 5427; ВОКМ.
161. Никитин А. В. Археологический отчёт о раскопках 1974 г. // ИА Р-1/ 5413; ВОКМ.
162. Никитин А. В. Археологический отчёт о раскопках 1975 г. // ИА Р-1/ 5773; ВОКМ.
163. Никитин А. В. Раскопки в Вологде в 1948 г. // КСИИМК. Вып. 52. 1953. С. 99–105.
164. Никитин А. В. О начальном периоде истории г. Вологды // КСИА. Вып. 81. М., 1960. С. 31–37.
165. Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 6–24.
166. Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге в 1959–1960 гг. // КСИА. Вып. 96. М., 1963. С. 79–85.
167. Никитин А. В. Крепость Халезец и Кич-Городок // КСИА. Вып. 104. М., 1965. С. 139–144.
168. Никитин А. В. Городище в г. Устюжне Вологодской области // КСИИМК. Вып. 110. М., 1967. С. 114–118.
169. Никитин А. В. Раскопки в Вологодской области // АО, 1966. М., 1967. С. 13–14.
170. Никитин А. В. Раскопки курганов в Вологодской области // АО, 1967. М., 1968. С. 16–17.
171. Никитин А. В. Работы в Вологодской области //

- АО, 1968. М., 1969. С. 22–23.
172. Никитин А. В. Раскопки в Вологодской области // АО, 1969. М., 1970. С. 18–19.
173. Никитин А. В. Раскопки в Вологодской области // АО, 1970. М., 1971. С. 21–22.
174. Никитин А. В. Вологодская и Турчасовская экспедиции // АО, 1971. М., 1972. С. 38–39.
175. Никитин А. В. Вологодская экспедиция // АО, 1972. М., 1973. С. 28.
176. Никитин А. В. Археологические исследования в Вологодской области // Материалы по истории Европейского Севера. Северный археологический сборник. Вып. 3. Вологда, 1973. С. 439–441.
177. Никитин А. В. Вологодская экспедиция // АО, 1973. М., 1974. С. 22–23.
178. Никитин А. В. Городище и могильник у д. Крестцы // КСИА. Вып. 139. М., 1974. С. 100–105.
179. Никитин А. В. Вологодская и Каргопольская экспедиции // АО, 1974. М., 1975. С. 27–28.
180. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Череповецкого отряда в Вологодской области 1968 г. // ИА Р-1/3663.
181. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Череповецкого отряда в Вологодской области в 1969 г. // ИА Р-1/3863.
182. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Северного отряда в Вологодской области в 1970 г. // ИА Р-1/4268.
183. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Северного отряда в Вологодской области в 1971 г. // ИА Р-1/4512.
184. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Вятской и Северной экспедиций в 1973 г. // ИА Р-1/4978.
185. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Вятской и Северной экспедиции в 1975 г. // ИА Р-1/6010.
186. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Вятской и Северной экспедиции в 1976 г. // ИА Р-1/6390.
187. Ошибкина С. В. Стоянка Модлона, её происхождение и отношение к каргопольской культуре // СА. № 4. М., 1966. С. 27–37.
188. Ошибкина С. В. Стоянка Яковлево Вологодской области // СА. № 1. М., 1966. С. 265–269.
189. Ошибкина С. В. Костяные рукоятки из позднекаргопольских стоянок // СА. № 4. М., 1968. С. 249–253.
190. Ошибкина С. В. Неолитические памятники Вологодской области // АО, 1968. М., 1969. С. 10–11.
191. Ошибкина С. В. Неолитические памятники Вологодской области // АО, 1969. М., 1970. С. 12.
192. Ошибкина С. В. Памятники Вологодской области // АО, 1971. М., 1972. С. 9–10.
193. Ошибкина С. В. Могильник Пески в Вологодской области // КСИА. Вып. 129. М., 1972. С. 65–69.
194. Ошибкина С. В. Неолитические стоянки запада Вологодской области // КСИА. Вып. 141. М., 1975. С. 84–90.
195. Ошибкина С. В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. Вып. 142. М., 1975. С. 18–24.
196. Ошибкина С. В. Работа в Вологодской и Кировской областях // АО, 1974. М., 1975. С. 30–31.
197. Ошибкина С. В. Мезолитические стоянки бассейна р. Сухоны // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 72–78.
198. Ошибкина С. В. О работе Вятской и Северной экспедиций // АО, 1975. М., 1976. С. 33–34.
199. Ошибкина С. В. О работе Вятской и Северной экспедиций // АО, 1976. М., 1977. С. 27–28.
200. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья // КСИА. Вып. 153. М., 1978. С. 77–80.
201. Ордин Н. Е. Заметка о Кокшеньге и городке на р. Сямже // ВГВ. 1887. № 23.
202. Ордин Н. Е. Описание городка, находящегося в Никольском Кадниковском уезде Вологодской губернии // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. III. М., 1892. С. 13–14.
203. Ордин Н. Е. Краткие сведения о земляных сооружениях (курганах), находящихся в Соль-Вычегодском уезде Вологодской губернии // Труды VII археологического съезда. Т. III. М., 1892.
204. Панкрушев Г. А. Отчёт об археологических разведках по берегам озера Онежского. 1973 // ВКМ.
205. Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии: [В 2 ч.]. [Ч.] 2. Неолит. Л., 1978.
206. Паспорта на археологические памятники, составленные в 1974–1978 гг. Голубевой Л. А., Гуслистовым Н. В., Никитиным А. В., Ошибкиной С. В., Тухтиной Н. В. Хранятся в архиве производственной группы по охране памятников управления культуры Вологодского облисполкома.
207. Полиевктов Н. А. Сведения о городках и городищах, находящихся в Вологодской губернии // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. III. М., 1892. С. 4–12.
208. Полиевктов Н. А. Отчёт о действиях и занятиях Вологодского губернского статистического комитета за 1887 г. // ВГВ. 1889. № 3, 4, 5.
209. Поляков И. С. Каменный век России // Живописная Россия. Т. 2. СПб., 1902.
210. Попов В. Г. Город Тотьма. Вологда, 1887.
211. Порошин И. И. Вокруг Белого озера // Живописная Россия. Т. 2. СПб., 1902.
212. Праведников Е. И. Находки каменного периода близ гор. Тотьмы (поздний неолит) // Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного края. Вологда, 1922. С. 197–198.
213. Прозоровский Д. И. Древние вещи, найденные в Белозерском уезде // Известия Императорского русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1877. С. 64–66.
214. Равдоникас В. И. О раскопках в Свири, в верховьях Ояти и в Белозерье в 1928 и 1929 гг. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. № 134.
215. Раевский К. А. Отчёт о разведках на территории Кирилло-Белозерского монастыря в 1953 г. // ИА Р-1/807.
216. Раевский К. А. О работе в Устюженском районе в 1954 г. // ИА Р-1/1003.
217. Репников Н. И. Жальники Новгородской земли // Изв. ГАИМК. 1931. Т. IX. Вып. 5.
218. Романцев И. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911.
219. Рудинский М. Я. Инвентарная опись археологических материалов, собранных Рудинским М. Я. во время экспедиции в Нюксенский, Великоустюгский и Усть-Алексеевский районы в 1941 г. // ВОКМ, опись 1944.
220. Рудинский М. Я. Краткий отчёт об экспедиции в Междуреченском районе Вологодской области в июле–августе 1943 г. // ВОКМ. Д. 28. С. 18–21.
221. Сабурова М. А. Женский головной убор у славян // СА. № 2. М., 1974. С. 85–97.
222. Свистунов К. Тарножский городок // ВГВ. 1847. № 37. С. 366–368.
223. Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1971.
224. Селиванов А. Ф. Курганы в Кокшеньге Тотемского уезда и вал в Тотьме // Приложение к протоколу № 6 предварительной комиссии VII археологического

- съезда в Ярославле. 1887.
225. Сорокин П. Об укрепленных местах Сольвычегодского уезда Вологодской губернии // ВГВ. 1853. № 25, 26.
226. Спицын А. А. Архив // ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 381. 1896.
227. Спицын А. А. Сведения о древностях Вологодской губернии // ЗИРАО. Т. VII. Вып. 2. С. 253–277.
228. Спицын А. А. Курганы Белозерского уезда // ЗИРАО. Новая серия. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб., 1896. С. 160.
229. Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний в археологическом отношении // ЗИРАО. Новая серия. Т. IX. Вып. 1–2. СПб., 1887. С. 237–293.
230. Спицын А. А. Древности Севера: Вологодской, Архангельской, Северодвинской губерний и области Коми // Доклады научного общества по изучению местного края при Тотемском музее. Вып. IV. Тотьма, 1926.
231. Степановский И. К. Вологодская старина: историко-археологический сборник. Вологда, 1890.
232. Суворов Н. И. О соборной горе в г. Вологде // ВЕВ. 1866. № 15, 16.
233. Сухов П. А. Отчёт о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском районе в 1939 г. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 16. № 41/1939.
234. Сухов П. А. Славянские городища IX–X вв. в южном Белозерье // Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. С. 89–92. (МИА; № 6).
235. Тетерев Л. Стоянка Селище // Тезисы докладов на 4-й Всесоюзной археологической конференции. М., 1958. С. 18–19.
236. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Белозерской экспедиции ГИМ в Вологодской области в 1959 г. // ИА Р-1/1933; ЧКМ.
237. Тухтина Н. В. Отчёт Вологодской археологической экспедиции по р. Модлоне и разведке в Бабаевском, Кирилловском, Кадуйском, Шольском районах в 1960 г. // ИА Р-1/2180; ЧКМ.
238. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ в 1961 г. // ИА Р-1/2346; ЧКМ.
239. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ в 1962 г. // ИА Р-1/2505; ЧКМ.
240. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ в 1963 г. // ИА Р-1/2787; ЧКМ.
241. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ в 1964 г. // ИА Р-1/2981; ЧКМ.
242. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ в 1965 г. // ИА Р-1/3093; ЧКМ.
243. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ в 1966 год // ИА Р-1/3857; ЧКМ.
244. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Чагодощенского отряда Белозерской экспедиции ИА АН СССР в 1974 году // ИА Р-1/5320.
245. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Устюженского отряда Белозерской экспедиции ИА АН СССР в 1975 г. // ИА Р-1/5839.
246. Тухтина Н. В. Отчёт о работе Бабаевского отряда Белозерской экспедиции в 1976 г. // ИА Р-1/6110.
247. Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Археологический сборник. Л., 1966. С. 120–140. (Труды ГИМ. Вып. 40).
248. Тухтина Н. В. Новый памятник веси на р. Суде // Ежегодник ГИМ за 1965–1966 гг. М., 1970.
249. Тухтина Н. В. Этнические особенности веси в X–XII вв. // Автореферат диссертации на соискание степени канд. ист. наук. М., 1976.
250. Фехнер М. В. Отчёт об археологических работах в Белозерском и Кирилловском районах Вологодской области в 1950 г. // ИА Р-1/440.
251. Фехнер М. В. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской области // Труды ГИМ. Вып. 22. М., 1953. С. 125–140.
252. Фехнер М. В., Успенская А. В. Поселения, курганы и могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XII вв. // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1956. (Труды ГИМ. Вып. 32).
253. Фосс М. Е. Краткий отчёт о работах на р. Сухоне и Юг в 1937 г. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. № 258/1937.
254. Фосс М. Е. Древнейшая история европейской части СССР. М., 1952. (МИА. № 29).
255. Хлопин И. Н. Археологические разведки в Устюженском и прилегающих районах (Вологодская область) // СА. № 4. М., 1958. С. 187–193.
256. Хлопин И. Н. Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре // АО, 1972. М., 1973. С. 43.
257. Ходаковский З. Д. Донесение о первых успехах путешествия по Руси Ходаковского З. Д. // Русский исторический сборник. Т. VII. М., 1844. С. 87–88.
258. Цветкова И. К. Отчёт о работе Череповецкой археологической экспедиции в 1955 г. О раскопках и разведках в Вашкинском районе // ИА Р-1/1119; ЧКМ.
259. Цветкова И. К. Отчёт о работе Череповецкой археологической экспедиции в 1956 г. // ИА Р-1/1271; ЧКМ.
260. Цветкова И. К. Отчёт о работе Череповецкой археологической экспедиции в 1957 г. // ИА Р-1/1486; ЧКМ.
261. Цветкова И. К. Неолитические поселения в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 47–71.
262. Черницын Н. А. Отчёт о раскопках в Вологодской губернии // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1923. № 112.
263. Черницын Н. А. Отчёт о раскопках в Тотемском уезде Вологодской губернии // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1924. № 168.
264. Черницын Н. А. Отчёт о раскопках в Тотемском уезде Вологодской губернии // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1925. № 190/125.
265. Черницын Н. А. Отчёт о раскопках в Тотемском уезде Вологодской губернии // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1926. № 129.
266. Черницын Н. А. Отчёт с чертежами о раскопках в Тотемском уезде // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1928. № 127.
267. Черницын Н. А. Отчёт с чертежами о раскопках в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1929 году.
268. Черницын Н. А. Отчёт о раскопках Кудринского могильника Вологодской области // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1930. № 138.
269. Черницын Н. А. Отчёт о работе близ д. Черепаниха и гор. Тотьма Вологодской области в 1936 г. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1936. № 102–107, 257.
270. Черницын Н. А. Отчёт о раскопках в Тотемском районе Вологодской области в 1939 г. // ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. I. 1939. № 26.
271. Черницын Н. А. Список археологических памятников в Тотемском и Тарногском районах, открытых Черницыным Н. А. 15. 03. 1941. Рукопись // ТМО.
272. Черницын Н. А. Тотемский государственный музей местного края // Север. 1924. № 1. С. 159–160.

273. Черницын Н. А. Следы неолитических стоянок по Кокшеньге // Север. 1928. № 7–8. С. 283–285.
274. Черницын Н. А. Черняковская стоянка поздней поры неолита. Тотма, 1928.
275. Черницын Н. А. Археологическая карта Тотемского района Вологодской области // КСИИМК. Вып. XXXV. М., 1950. С. 146–148.
276. Черницын Н. А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области // СА. № 4. М., 1966. С. 196–201.
277. Черницын Н. А. Тотемный знак на гальке // СА. № 2. М., 1970. С. 216.
278. Черницын Н. А. Из исторического прошлого Кокшеньги. Рукопись. 1929 // ТКМ.
279. Черных Н. Б. Абсолютная дендрохронологическая шкала Белоозера // Археология и естественные науки. М., 1965.
280. Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки // Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941. (МИА. № 6).
281. Черняев М. И. Кичменгский Городок // ВГВ. 1848. № 36. С. 406–408.
282. Шевырев С. П. Поездка в Кирилово-Белозерский монастырь в 1847. Ч. 2. М., 1850.
283. Яковцевский Б. М. Отчёт – полевой дневник экспедиции Устюженского музея местного края в Дубровском с/с Устюженского района Вологодской области в 1955 г. // ИА Р-І/1080; УКМ.
284. Гуслистов Н. В. Отчёт о работе Вологодской археологической экспедиции в 1979 г. // [ИА-Р/ 8623]; ВОКМ.
285. Гуслистов Н. В. Раскопки и разведки в Вологодской области // АО, 1979. М., 1980. С. 7.
286. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Северной экспедиции в 1977 г. // ИА Р-І/6828.
287. Ошибкина С. В. Отчёт о работе Вятской и Северной экспедиции в 1978 г. // ИА Р-І/ 8615.

ТОРФЯНИКОВАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПОГОСТИЩЕ XIV В БАСЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2005, 2008, 2009 гг.)

Стоянка Погостище XIV находится в Кирилловском районе Вологодской области, на берегу р. Модлоны в бассейне озера Воже, неподалеку от бывшей деревни Погостище, в которой когда-то было 70 дворов. В настоящее время деревня нежилая, сохранился всего один дом. Место деревни представляет собой большой открытый, удалённый от леса участок со следами домов (развалы печей, стены домов и амбаров), зарастающий летом высокой густой травой в рост человека. Деревня располагалась на надпойменной террасе высотой около 2 м над уровнем воды в реке. Терраса удалена от края берега на расстоянии 130–200 м и более, имеет пологий плавный склон, который, несомненно, был также занят постройками во время существования деревни. Между берегом реки и надпойменной террасой расположена болотистая низина.

Стоянка Погостище XIV была открыта объединённой археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета под руководством Н. В. Косоруковой в 2005 г.¹ К 2005 г. в районе дер. Погостище было известно 12 памятников, которые были открыты и частично исследованы в разные годы А. Я. Брюсовым, С. В. Ошибкиной и Н. А. Макаровым. Сведения об этих памятниках обобщены в монографии Н. А. Макарова, С. Д. Захарова и А. П. Бужиловой «Средневековое расселение на Белом озере»². Памятники датируются от эпохи мезолита до Средневековья. Абсолютное большинство данных памятников являются сухоходными, торфяниковая стоянка только одна – это стоянка Погостище I, её исследованием занимался А. Я. Брюсов. К материалам памятника обращались также С. В. Ошибкина и Н. А. Макаров. Сведения об этом памятнике в публикациях и полевых отчётах А. Я. Брюсова крайне скупы; имеются также некоторые противоречия в публикациях всех указанных исследователей.

В отчёте о полевых работах в 1938 г. А. Я. Брюсов сообщает, что поводом для проведения раскопок в Погостище послужило сообщение одного из местных колхозников, который при рытье ямы (видимо, в болотистой низине около начала деревни, т. е. около подошвы надпойменной террасы) обнаружил большое костяное полированное орудие³. В отчёте А. Я. Брю-

сов пишет, что через заболоченную низину местными жителями были прокопаны т. н. «копанцы», или канавы от берега реки к деревне, чтобы лодки могли подъезжать к самой деревне – к амбарам, стоявшим на краю деревни, так как передвигаться через низину было сложно: она представляла собой «глубокое топкое болото, в котором вязли лошади». Также была канава, которая шла вдоль деревни (видимо, по краю болотистой низины у подошвы надпойменной террасы). Далее А. Я. Брюсов сообщает, что в 1937 г., когда он узнал от колхозника об упомянутой находке, он заложил шурф, который подтвердил наличие культурного слоя. Согласно отчёту, в 1938 г. А. Я. Брюсовым была исследована площадь 40 кв. м, а также заложено несколько шурфов⁴. В статье «Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области», опубликованной в 1951 г., А. Я. Брюсов пишет, что раскопками исследовано более 60 кв. м⁵. Нет информации о методике раскопок, за исключением краткого упоминания в отчёте, что раскопанная площадь была разделена на небольшие участки размерами 2 x 1 м. Нет чертежей раскопок, представлен только весьма схематичный план расположения раскопа и нескольких шурфов, опубликованный впоследствии С. В. Ошибкиной⁶. В настоящее время сориентироваться по этому плану можно с большим трудом, так как указанных на плане строений уже не существует. В статье А. Я. Брюсов упоминает, что стоянка Погостище I находится напротив впадения в Модлону речки Ухтомки⁷; в отчёте указывает, что она находится на довольно значительном расстоянии от берега (Модлоны), у самого края деревни, и далее, под постройками, распространяется на территорию деревни. А. Я. Брюсов пишет, что раскоп расположен на окраине стоянки, большая часть которой находится на территории деревни⁸. Если соединить все сведения и упомянутый план, можно предположить, что раскоп А. Я. Брюсова располагался слева от «дороги», шедшей от края берега Модлоны напротив устья Ухтомки к деревне, у самого края деревни, около построек. Но в настоящее время нет ни «дороги» (где она проходила, можно установить только предположительно), ни построек. Поэтому локализовать место расположения раскопа А. Я. Брюсова можно лишь приблизительно. С. В. Ошибкина

¹ Косорукова Н. В. Новые памятники каменного века в бассейне р. Модлоны // Археология Севера. Вып. 2. Череповец, 2007. С. 10–24.

² Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 325–328.

³ Брюсов А. Я. Отчёт об археологических раскопках в 1938 г. стоянки у слияния рр. Перешной и Модлоны и стоянки Караваяевской у с. Погостище. 1938 год // ИИМК РАН. Ф. 35. Д. 104. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20. М.; Л., 1951. С. 46.

⁶ Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006. С. 265.

⁷ Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне... С. 46.

⁸ Брюсов А. Я. Отчёт об археологических раскопках... С. 36, 38.

считает, что стоянка находится только в низине, у подошвы надпойменной террасы, а на самой террасе культурного слоя мезолитической стоянки уже нет⁹.

Сомнение вызывает стратиграфия и характер культурного слоя. Общее представление о стратиграфии сложилось следующее: под мощным пластом торфа, достигающим местами 1 м толщины, залегает слой песка толщиной 12–15 см, подстилаемый глиной¹⁰. В статье А. Я. Брюсов отмечает, что находки залегали в песке, об этом же пишет С. В. Ошибкина, проводившая проверку стратиграфии памятника¹¹. В отчёте же А. Я. Брюсов указывает, что находки встречались в торфе, преимущественно в самом низу его, а в песке находок уже не было¹².

Описание находок также вызывает вопросы. А. Я. Брюсов сообщает, что находки были немногочисленны: в раскопе найдены орудия из кости и камня, в т.ч. 6 скребков из крупных отщепов, обломок листовидного кремнёвого наконечника дротика, обломок ножевидной пластины, 2 кремнёвых ретушёра, 4 нуклеуса, половина каменного дисковидного навершия палицы с отверстием посередине, костяное шило длиной 16,5 см (очевидно, кочедык), обломок второго шила, обломок костяного гарпуна, обломок большого костяного орудия, фрагментированная роговая муфта топора, костяной наконечник стрелы с биконической головкой¹³. Также найдены кости животных, отщепы и обломки из кремня, сланца и кварца. По мнению А. Я. Брюсова, эта стоянка должна датироваться ранним временем, как и стоянка Нижнее Веретье в бассейне озера Лаче, которая в то время исследовалась М. Е. Фосс. А. Я. Брюсов предполагал,

что стоянку надо датировать временем не позднее конца IV тыс. до н.э. и что она должна предшествовать таким памятникам на р. Модлоне, как свайное поселение и стоянка на «Вшивой тоне», исследованная на которых также проводились А. Я. Брюсовым¹⁴. По мнению С. В. Ошибкиной, стоянку Погостище I по условиям залегания культурного слоя, а также по характеру находок можно сопоставить со стоянкой Нижнее Веретье I и следует датировать бореальным периодом¹⁵. Но не все находки из Погостища I отражены в приведённых иллюстрациях. Так, сомнение вызывает обломок листовидного кремнёвого наконечника дротика. Как выглядит данное изделие, что оно собой представляет? Обычно понятие «листовидный наконечник» и тем более наконечник дротика применяется для описания наконечников с двусторонней обработкой ретушью эпохи неолита – раннего металла. Иллюстрации наконечника нет, а найти коллекцию памятника у автора статьи пока не было возможности. По описанию стратиграфии и характера залегания находок, по описанию самих находок создаётся впечатление, что мы имеем здесь смешанный комплекс, несмотря на отсутствие керамики в материалах А. Я. Брюсова. Следовательно, данный памятник не может быть использован в качестве опорного или эталонного; несомненно, что с материалами данного памятника надо ещё разбираться.

В 1995 г. в бассейне р. Модлоны разведочные работы проводились Н. А. Макаровым¹⁶, который сообщает, что обследовал памятник Погостище I, произвёл шурфовку и снял инструментальный план. По мнению Н. А. Макарова, стоянка располагается у основания террасы и частично на краю самой террасы, площадь памятника составляет около

⁹ Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья... С. 64.

¹⁰ Брюсов А. Я. Отчёт об археологических раскопках... С. 36; Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне... С. 46.

¹¹ Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья... С. 63.

¹² Брюсов А. Я. Отчёт об археологических раскопках... С. 37.

¹³ Брюсов А. Я. Отчёт об археологических раскопках... С. 38; Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне... С. 46.

¹⁴ Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне... С. 47.

¹⁵ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М, 1983. С. 169–170.

¹⁶ Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Указ. соч. С. 325–331.

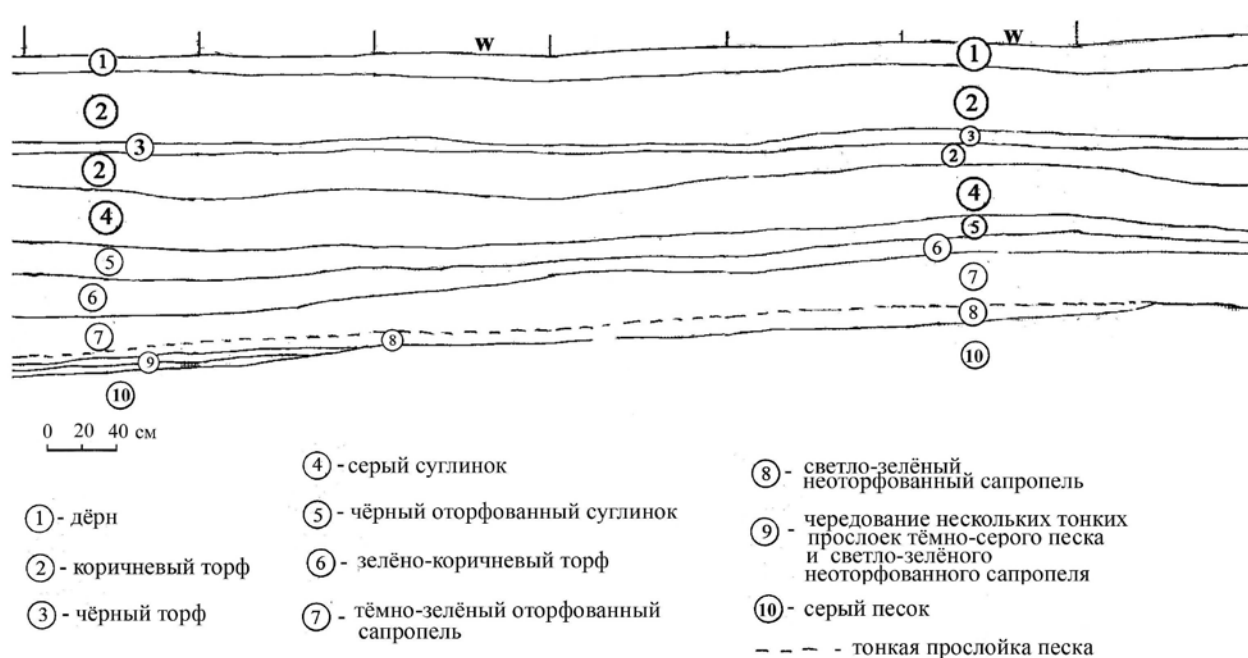

Рис. 1. Погостище XIV. Стратиграфия участка южной стенки раскопа

10000 кв. м. Стоянка Погостище I вплотную примыкает к неолитической стоянке Погостище IV, находящейся на юго-восточной окраине деревни. Стоянка Погостище IV была открыта А. Я. Брюсовым в 1959 г. и обследована Н. А. Макаровым в 1995 г. Граница между памятниками Погостище I и IV, пишет Н. А. Макаров¹⁷, может быть намечена лишь условно. Мощность культурного слоя на стоянке Погостище I колеблется от 0,3 м в северной части до 1 м в южной части стоянки. Культурный слой представляет собой тёмно-серую супесь, заторфованную в средней части. По мнению Н. А. Макарова, стоянка Погостище I не представляет чистый мезолитический комплекс, так как в верхнем слое в шурфах были найдены ямочно-гребенчатая керамика и гладкостенная керамика эпохи железа.

По мнению автора статьи, на надпойменной террасе, где располагалась деревня, несомненно, будут находки «всех времен и народов», так как это относительно высокое и сухое место, а такие места в бассейне озера Воже единичны. Также об этом говорит и само название деревни – Погостище. Поэтому только проведение раскопок широкой площадью может выявить в плане наличие небольших относительно чистых хронологических комплексов. Стоянка Погостище 1 по материалам А. Я. Брюсова пока не может быть чётко локализована; её место в мезолите Русского Севера, по мнению автора, не может быть определено.

В 2005 г. автором статьи проводились разведки в бассейне р. Модлоны, в том числе и у дер. Погостище. Целью работ был поиск новых торфяниковых памятников каменного века, прежде всего, эпох мезолита и раннего неолита. В 2002 г. автором статьи было открыто несколько новых торфяниковых памятников на р. Еломе (рукав Модлоны) в местности Караваиха; с 2002 г. автор ведёт раскопки торфяниковой раннеолитической стоянки Караваиха IV¹⁸. Предполагалось, что около деревни с таким знаменитым названием, где уже известно несколько суходольных памятников разных эпох, должна быть хорошая торфяниковая стоянка. В наших поисках мы отталкивались не от стоянки Погостище I, а от общей ситуации и опыта предыдущих работ.

В 2005 году во время разведок у дер. Погостище нами были открыты две торфяниковые стоянки По-

¹⁷ Там же. С. 325.

¹⁸ Косорукова Н. В. Памятники каменного века в местечке Караваиха на реке Еломе (бассейн озера Воже) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. Вологда, 2005. С. 33–40; Косорукова Н. В. Исследование раннеолитического поселения Караваиха 4 в бассейне озера Воже в 2005 году // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Вологда – Молочное, 2006. С. 17–25; Косорукова Н. В. Переход от мезолита к неолиту в бассейне озера Воже (новые материалы) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 41–52; Косорукова Н. В. Исследование раннеолитического поселения Караваиха IV в бассейне озера Воже в 2006 // Историческая наука в контексте социогуманитарного знания: традиции и современные подходы. Ч. 1. Череповец, 2007. С. 16–23; Косорукова Н. В. Исследование раннеолитического поселения Караваиха IV в бассейне озера Воже в 2007 // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления. Вологда, 2008. С. 13–20.

гостище XIII и XIV¹⁹. Наибольший интерес представляла стоянка Погостище XIV. Стоянка расположена на левом берегу Модлоны, ниже по течению от устья речки Ухтомки, примерно в 100–200 м от бывшего юго-восточного конца деревни и в 250–300 м к юго-юго-востоку от единственного сохранившегося дома на месте деревни Погостище. Памятник был открыт методом бурения с последующей закладкой разведочных шурфов. Открытие его явилось итогом длительных поисков, так как расположение памятника не традиционно. Стоянка расположена не на краю надпойменной террасы и не на краю современного берега реки; она расположена посреди болотистой низины, где в древности, вероятно, небольшая протока, вытекавшая из Модлоны, впадала в озеро. В высокую воду здесь и сейчас образуются озёрко и протоки. Стоянка Погостище XIV удалена от памятника Погостище I приблизительно на расстояние 200–400 м. В разведочном шурфе в 2005 г. были обнаружены архаичные костяные изделия: две широкие и длинные пешни (одна длиной 23,5 см, вторая – 32 см), изделие типа лопатки, а также заготовки пешней из крупных расколотых пополам вдоль трубчатых костей со следами обработки в виде срезов²⁰.

В 2008–2009 гг. на стоянке проводились раскопки, было заложено 6 раскопов, причём шурф 2005 г. был включён в раскоп №1; общая вскрытая площадь составила 264 кв. м. Стратиграфия в общих чертах следующая (рис. 1):

1) Сверху залегает пачка разных по цвету слоёв торфа, суглинка и оторфованного суглинка, мощность её составляет от 0,85 м до 1,4 м; мощность пачки увеличивается в направлении с запада на восток (от края древней озёрной котловины к её центру).

2) Оторфованный сапропель, цвет которого меняется от зеленовато-коричневатого до зелёного. Зелёный цвет фиксируется уже в 6 м от западной границы и далее в восточном направлении. Мощность сапропеля увеличивается в том же направлении от 0,05 м до 0,4 м. В восточной половине сапропель уже представлен двумя слоями: сначала залегает тёмно-зелёный оторфованный сапропель, имеющий большую мощность, под ним – небольшая прослойка светло-зелёного неотторфованного сапропеля.

3) Песок, верхний уровень которого начинается на глубине 0,9 м у западной границы раскопанного участка. Далее также фиксируется его понижение, у восточной границы верхний уровень песка залегает на глубине 1,8 м от верхней поверхности. Песок прослежен на глубину его залегания до 20–50 см, других слоев ниже не выявлено (вспомним, что на стоянке Погостище I, по сообщению А. Я. Брюсова, мощность песка составляла 13–15 см, под ним залегала глина²¹). Песок представляет собой речной песок-плавун, поэтому устройство в нём колодца для откачивания воды из раскопов оказалось довольно трудным делом. Во время раскопок происходило обрушение стенок, так как песок очень быстро вымывается. Верхние 10 см песка имеют тёмно-серый цвет, ниже песок становится светлым.

У восточной границы раскопа стратиграфия становится более сложной, между сапропелем и песком были зафиксированы ещё очень тонкие (2 мм) пере-

¹⁹ Косорукова Н. В. Новые памятники каменного века... С. 10.

²⁰ Там же. С. 23–24.

²¹ Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне... С. 46.

межающиеся прослойки: песка с камнями и сапропеля с ракушками.

Находки залегают на контакте сапропеля и песка, также встречаются в слое сапропеля и реже в верхней части песка. Уровень залегания находок понижается от 0,9 м у западной границы раскопанного участка до 1,8 м у восточного края. Таким образом, несомненно, это новый памятник. Здесь наблюдается другая стратиграфия, находки залегают глубоко; в перекрывающем слое торфа и суглинка никаких находок не обнаружено. Это в чистом виде торфяниковая стоянка, которую от расположенных поблизости суходольных памятников Погостище I, III и IV²² отделяет участок без культурного слоя, что было подтверждено разведочными работами автора статьи.

²² Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение... С. 325–326.

Рис. 2. Погостище XIV. Изделия из кости и камня.

- 1 – кинжал с вкладышами,
2 – вкладыш-микропластинка из кинжала,
3 – острие (наконечник копья или остроги),
4 – заготовка орудия.
1, 3, 4 – кость; 2 – кремнь

Раскопанный участок слабо насыщен находками. На стоянке найдены предметы из кремня, сланца, кости, дерева, коры, бересты, а также кости животных. Встречены единичные деревянные предметы или просто палки со следами незначительной обработки и обычные деревянные палки, найден фрагмент деревянной обожжённой рогатины, напоминающей современные рогатины для костра. Каких-либо объектов в слое не зафиксировано.

Общее количество индивидуальных находок составляет 79 экз. (в это количество включены только находки из раскопок 2008–2009 гг. и не вошли находки 2005 г., уже отражённые в публикациях). В их числе: изделия из кости – 15 экз., изделия из кремня – 56 экз. (в это количество входят 3 микропластинки-вкладыша, вставленные в паз костяного орудия), изделия из сланца – 6 экз., изделие из бересты – 1 экз., изделие из коры – 1 экз.

Изделия из кости: наконечники стрел (3 экз.), кинжал с вкладышами, проколка или шило, рыболовный крючок, подвеска, острие (наконечник копья или остроги или кинжал), инструменты для плетения сетей (2 экз.), ложило, заготовка орудия из длинной трубчатой кости, прочие изделия или обломки орудий (3 экз.).

Наконечники стрел имеют биконическую головку, но внешне все три изделия отличаются друг от друга по ряду особенностей, в т. ч. по величине головки и самого изделия. Один наконечник целый, длиной 12 см, с крупной головкой длиной 3,7 см, выделенным рельефным ободком в наиболее выступающей части головки и оттянутым острым концом; в нижней части стержня с круглым сечением выделен приострѐнный насад (рис. 3: 2). Второй наконечник найден в виде двух несоединяющихся обломков, соответственно, его длина превышала 16 см, головка короткая, длиной 1,3 см, в её нижней части выделен широкий рельефный ободок, занимающий треть длины головки, нижний конец наконечника обломан, как выглядел насад, не известно (рис. 3: 1). Третий наконечник представлен коротким обломком, длина сохранившейся части составляет 4,2 см, длина головки – 2,6 см, рельефного ободка здесь нет, но нижняя половина головки более широкая, она выступает над верхней половиной, т. е. в средней части головки имеется выступ (рис. 3: 4).

Большой интерес представляет кинжал (или нож) с вкладышами из микропластин. Это орудие найдено в виде двух частей, оно было сломано в древности; основная часть орудия была найдена в 2008 г., а обломок от него найден в 2009 г. Обе части залежали недалеко друг от друга. Тем не менее, изделие не целое, нижняя часть его не найдена. Несомненно, изделие было более длинным, неизвестно, каков был его нижний конец. Орудие сделано из трубчатой кости, распиленной пополам вдоль. Длина сохранившейся части составляет 16,4 см. Изделие великолепно отшлифовано, выделен приострѐнный рабочий конец, по одному боковому краю имеется паз, в котором сохранилось три вкладыша из микропластин и остатки закрепляющего вещества (рис. 2: 1). Внутренний край микропластин не имеет вторичной обработки, на наружном крае присутствуют интенсивные следы срабатанности в виде крупных фасеток и выщербин, напоминающие преднамеренную ретушь (рис. 2: 2).

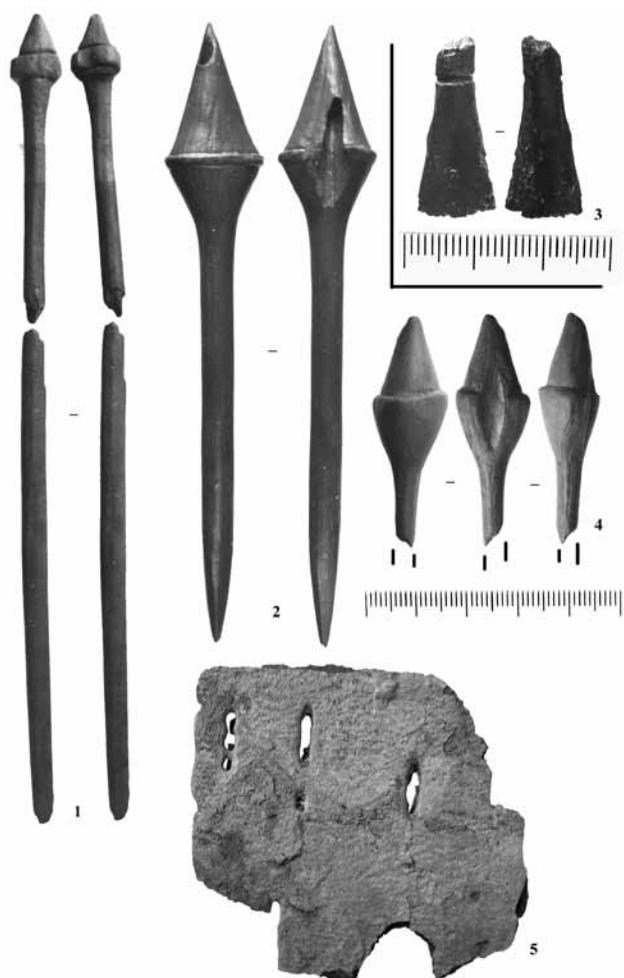

Рис. 3. Погостище XIV. Изделия из кости и бересты.

1, 2, 4 – наконечники стрел, 3 – подвеска,
5 – изделие из бересты. 1–4 – кость

Проколка, или шило изготовлена из небольшого куса тонкой трубчатой кости, расколотой вдоль, выделен длинный узкий заточенный конец (рис. 4: 5). Подвеска сделана из небольшого кусочка кости, имеет подтреугольно-трапецевидную форму, на узком конце с одной стороны сделана нарезка (рис. 3: 3). Рыболовный крючок имеет длину 4,5 см (рис. 4: 6). Одно изделие предварительно названо «острие», возможно, оно использовалось как наконечник копья или остроги или как кинжал, это длинное узкое изделие (напоминает стилет), длина его составляет 23,5 см, максимальная ширина 1,3 см, оно отшлифовано, выделен узкий приострѐнный колющий конец (рис. 2: 3). Лощило сделано на крупном фрагменте расколотой трубчатой кости, его рабочий конец узкий, скруглѐнный, сглаженный (рис. 4: 4).

Два изделия определены как инструменты для плетения сетей. Один из них представляет собой заточенную обработанную палочку длиной 10,8 см; центральная часть её оформлена в виде стержня с круглым сечением. Концы изделия приострѐнные, участки около концов уплощѐнные, причѐм около одного конца на месте уплощения имеется небольшое расширение (на рисунке это верхний конец). Уплощѐнные участки находятся под углом друг к другу, т. е. развёрнуты друг относительно друга;

возможно, что оба конца были рабочими и данный предмет использовался в качестве инструмента для плетения сетей, хотя один конец, более узкий, напоминает насад, а само изделие похоже также на игловидный наконечник (рис. 4: 1). Второй инструмент для плетения сетей представляет «палочку» квадратного сечения со скруглѐнными углами и приострѐнным концом (рис. 4: 3).

В коллекции есть ещё одно интересное изделие. Оно также представляет собой «палочку» овального сечения с сужающимся и обломанным концом. Возможно, данный конец имел колюще-режущее назначение и, может быть, имел паз (рис. 4: 2).

Изделия из кремня: нуклеусы (2 экз.), технологические сколы (2 экз.), обломки кремня со следами снятий (9 экз.), пластинки и их обломки (21 экз.), пластинки с ретушью (3 экз.), скребки (6 экз.), скобель (1 экз.), обломки наконечников стрел (2 экз.), обломки орудий и отщепы с ретушью (10 экз.). Кремень в основном чѐрного и серого цвета, относительно хорошего качества, встречен также цветной кремень. Нуклеусы остаточные, представлены обломками. Среди пластинок есть узкие, средней ширины и широкие. Обломки наконечников стрел имеют небольшие размеры, представляют обломки острых концов или насадов наконечников стрел на пластинах пост-

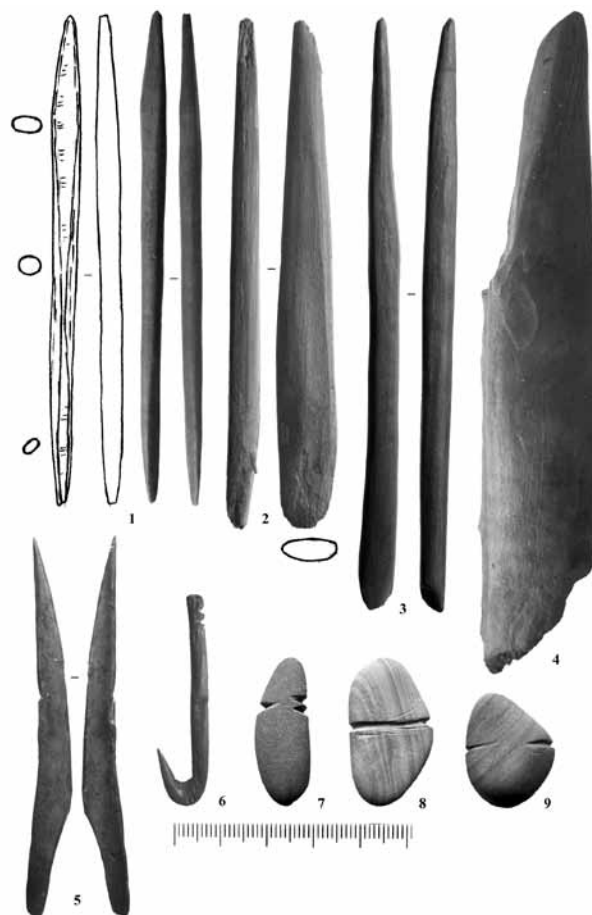

Рис. 4. Погостище XIV. Изделия из кости и камня.

1–3 – инструменты, 4 – лощило, 5 – проколка,
6 – рыболовный крючок, 7–9 – грузила.
1–5 – кость, 7–9 – сланец.

свидерского типа. В числе пластин с ретушью 2 экз. представлены очень короткими обломками, одно изделие – это обломок микропластины с притуплённым концом (рис. 5: 2), второе – обломок пластинки с вогнутым ретушью концом (рис. 5: 3). Третье изделие более длинное, оба конца обломаны, краевая ретушь расположена на отдельных участках правильной пластины; не исключено, что изделие представляло наконечник стрелы (рис. 5: 4). Скобель сделан на правильной узкой пластине, где ретушью на спинке оформлена небольшая выемка (рис. 5: 1). Скребки представлены орудиями на пластинах и отщепках, преобладают последние (рис. 5: 9–11).

Изделия из сланца: грузила (3 экз.), обломки шлифованных орудий (2 экз.), шлифовальная плитка. Грузила сделаны на небольших гальках овальной формы с расширяющейся средней частью, имеют нарезки в центральной части (рис. 4: 7–9).

В коллекции представлены: фрагмент изделия из бересты с узкими сквозными отверстиями овальной формы (рис. 3: 5) и фрагмент изделия из коры со сквозным небольшим круглым отверстием (вероятно, фрагмент поплавка). Есть ещё несколько фрагментов коры без отверстий. В 2008 г. в верхней части песка была найдена деревянная обожжённая

рогатина длиной 50 см, по которой сделан радиоуглеродный анализ: 8340 ± 35 (ЛЕ-8540). Также были определены кости животных, найденные в 2008 г. Из 18 костей определяемыми оказались 13, в т. ч. 8 костей бобра, 2 кости лося, 1 кость куницы, 2 кости птицы²³. Многочисленны также кости и позвонки рыб.

Находки стоянки Погостище XIV имеют широкий круг аналогий среди памятников эпохи мезолита лесной зоны²⁴. Наиболее близкие территориально и хронологически аналогии представлены в материалах стоянки Нижнее Веретье I в бассейне озера Лаче²⁵ (Ошибкина, 1983; 1997; 2006). Обе стоянки имеют почти одинаковый возраст, расположены в центре Русского Севера в одной водной системе (озера Лаче и Воже соединяются рекой Свидь).

²³ Определение костей производилось сотрудником Зоологического института РАН М. В. Саблиным.

²⁴ Жилин М. Г. 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

²⁵ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны...; Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997; Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья...

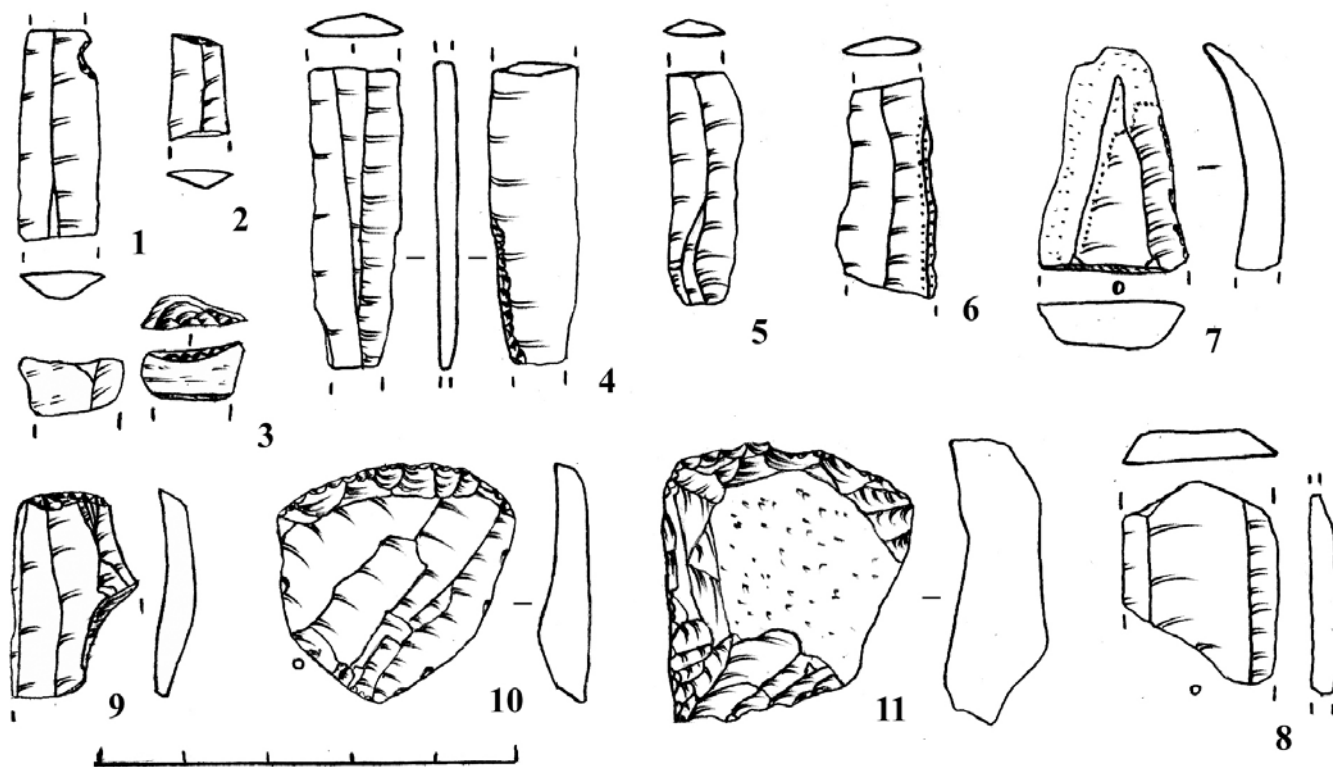

Рис. 5. Погостище XIV. Изделия из кремня: 1 – скобель на пластине, 2 – пластина с притуплённым концом, 3 – обломок пластины с вогнутым ретушью концом, 4 – пластина с ретушью, 5–8 – ножевидные пластины, 9–11 – скребки

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЗУБОВ И КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ ПОСЕЛЕНИЯ ВОДЫШ

Поселение Водыш, открытое в 1970 г. И. В. Гавриловой, находится в Костромской области на излучине левого берега реки Водыш, в 1 км от её впадения в р. Шача¹. Богатый археологический материал памятника включает артефакты эпохи неолита, ранней и развитой бронзы, представленные многочисленными находками керамики, орудиями труда из кремня и камня, а также разнообразными изделиями из рога, кости и зубов животных.

Выразительную коллекцию составляют предметы раннего бронзового времени из зубов и костей таких животных, как кабан, корова, бобр, барсук, выдра, дикий кот, лось, собака, волк, лиса (определение выполнено к. и. н. Каспаровым А. К.).

Из зубов изготовлены многочисленные подвески, по форме близкие аналогичным материалам волосовской культуры (см. приложение, рис. 18)². Среди них обнаружены предметы на различных стадиях изготовления и износа: заготовки в начальной стадии обработки, экземпляры со следами, отражающими различные этапы изготовления, а также полностью завершённые и изношенные вещи. Изучение данной категории находок с помощью экспериментально-трассологического метода позволило выявить несколько этапов их обработки, установить последовательность операций, экспериментальным путём определить типы орудий, наиболее удобные для данного вида работ.

Основным видом обработки подвесок являлось уменьшение объёма зуба в прикорневой части и подготовка небольшой плоской площадки для просверливания отверстия. Вначале место площадки намечалось процарапыванием, затем металлическим орудием с тонким рабочим краем (ножом) производился уплотняющий срез, чаще с обеих сторон у основания корня (см. приложение, рис. 19, 20, 21). Этот технологический приём прослежен на поверхностях большинства подвесок. Для их привязывания к шнуру на подготовленной площадке проделывалось сквозное отверстие, которое намечалось и сверлилось с двух сторон зуба, о чём говорит чётко прослеживаемое смещение оснований воронковидных отверстий (см. приложение, рис. 20, 21). Далее площадки с отверстиями подвергались лёгкой шлифовке, о чём свидетельствуют хорошо различи-

мые линейные признаки, затем они полировались с помощью мягкого материала (см. приложение, рис. 22). Обнаружение данной заполированности и на мало использованных предметах указывает на то, что это не результат использования, а завершающий этап обработки. Обработке подвергалась и верхняя торцовая часть основания корня зуба. Сначала производился поперечный срез, а затем место среза шлифовывалось и полировалось (см. приложение, рис. 23, 24, 25). Большинство подвесок находилось в длительном употреблении, в процессе которого края их отверстий закруглились и заполировались от ношения на шнуру (см. приложение, рис. 26, 27).

Одна из подвесок не имеет отверстия, но в её прикорневой части по периметру зуба прорезан неглубокий каналец для привязывания шнура (см. приложение, рис. 28, 29, 30). Место расположения канальца было предварительно намечено, о чём говорят нескольких сохранившихся поверхностных надпилов. Вероятно, эта подвеска использовалась недолго, так как края сделанного пропила-канальца несут следы незначительной истёртости.

Сделанные наблюдения о процессе изготовления подвесок были подтверждены в ходе экспериментов. В качестве заготовки использовался коренной зуб свиньи. Для размягчения его замочили в воде, затем процарапали контуры площадки для отверстия, произвели срез металлическим ножом и шлифовали этот участок на мелком абразиве. Место отверстия с обеих сторон зуба было предварительно намечено, сверление производилось с помощью кремнёвого ручного сверла с тонким жалыцем.

Несколько предметов неизвестного назначения представляют интерес с точки зрения технологии их изготовления.

Подтреугольный обломок (длина 4,3 см, ширина 1,5 см) зашлифованной пластины из клыка кабана имеет четыре надреза разной глубины, расположенных попарно с двух сторон острого конца (см. приложение, рис. 31). Места надрезов вначале процарапывались, а затем прорезались металлическим орудием. Края прорезей округлы, а на прилегающих участках заметен яркий блеск, вероятно, прорезы предназначались для привязывания предмета к шнуру (см. приложение, рис. 31).

Другой предмет дисковидной формы диаметром 2,3 см вырезан из кости (см. приложение, рис. 32). На его поверхности имеется прочерченная окружность с углублением, слегка смещённым от её центра. Поверхность и края изделия шлифованы на абразиве (см. приложение, рис. 32). Можно предположить, что этот предмет являлся заготовкой для пуговицы.

Прямоугольное изделие длиной 3 см и шириной 0,5 см имеет потриасимметричные надпила по двум сторонам (рис. 33), сделанных металлическим орудием.

¹ Гаврилова И. В. О работе Костромского неолитического отряда // АО, 1970. М., 1971. С. 50–52; Она же. О работе Костромского отряда // АО, 1980. М., 1981. С. 46; Она же. О работе Костромского неолитического отряда // АО, 1981. М., 1982. С. 52.

² Гадзяцкая О. С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106. М., 1966. Рис. 8: 9, 10, 14, 18, 25, 26; Крайнов Д. А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 22, 23.

Рис. 1. Отпечаток экспериментального штампа

Рис. 2. Образцы волосовской керамики из поселения Водыш

Предмет сломан в древности, подработан на абразиве и пришлифован.

Обращает на себя внимание обломок костяного изделия длиной 2,2 см и шириной 2,7 см с орнаментом, нанесённым на обе его поверхности (см. приложение, рис. 34, 35). На одной стороне рисунок имитирует украшение керамики. Орнамент состоит из пяти параллельных слегка изогнутых линий длиной 3 см, из которых три внутренних линии образованы мелкими углублениями, а крайние – прорезаны. Под острым углом к ним расположено тринадцать параллельных линий длиной 1,2 см, заканчивающихся на краю изделия шестью невысокими зубчиками с плоскими вершинами. На другой стороне предмета прорезано пятнадцать параллельных линий.

Особый интерес представляет изделие (длина 2,1 см, ширина 0,7 см) с хорошо зашлифованной и заполированной поверхностью, с симметрично вырезанными зубчиками по боковым сторонам (см. приложение, рис. 35, 36). На одной стороне их насчитывается восемь, на другой – девять, последний сломан. По высоте зубчики близки друг другу, большинство имеет плоские вершины, лишь три из них с острыми вершинами меньших размеров (см. приложение, рис. 36). Сохранившиеся следы позволяют считать, что заготовка этого предмета вначале подверглась шлифовке и полировке со всех сторон, а

затем металлическим орудием были вырезаны зубчики. Изделие могло служить орнаметиром для нанесения узора на керамику, основными элементами украшения которой являлись отпечатки данного штампа. Сделанное предположение было проверено экспериментальным путём. Из пластины трубчатой кости козы с помощью металлического ножа был вырезан похожий штамп. Его оттиск на подсушенном глиняном тесте дал отпечаток, аналогичный орнаменту керамики волосовского типа, найденной на поселении (рис. 1, 2)³.

Описанный нами штамп был сломан в древности, вероятно, при вырезании зубцов. Аналогичные изделия известны в памятниках волосовской культуры⁴.

Таким образом, экспериментально-трассологическое изучение предметов из зубов и костей животных поселения ранней бронзы Водыш позволило описать технологию их изготовления, определить виды орудий, участвовавших в той или иной операции, а также выяснить назначение некоторых изделий и способы их утилизации, что позволяет более детально охарактеризовать уровень развития техники этого времени.

³ Гаврилова И. В. Об особенностях памятников волосовского типа в Костромском Поволжье // КСИА. Вып. 161. М., 1980. Рис. 2: 11.

⁴ Гадзяцкая О. С. Указ. соч. С. 21, рис. 8: 9, 10. С. 25–26.

АНАЛИЗ ГИГРОСКОПИЧНОСТИ КЕРАМИКИ ЖИЛИЩА № 2 ПОСЕЛЕНИЯ ПАВШИНО II

Поселение Павшино II находится на правом берегу р. Юг, в 0,5 км к юго-западу от деревни Павшино и представляет собой группу, по крайней мере, из пяти самостоятельных жилищ, близких культурно и хронологически. Памятник был открыт Югским археологическим отрядом под руководством С. Ю. Васильева в 1989 г.; раскопки проводились им же в 1990, 1994, 1995 гг.¹ Все исследованные раскопами жилища представляют собой полуземлянки.

Жилище № 2 исследовано в 1994 г. раскопом общей площадью 188 кв. м. Жилищный котлован до 30 см углублён в материк. Жилище, состоящее из двух камер, ориентировано главной осью на линии запад – восток. Размеры основного объёма жилища прямоугольной формы – 340 x 860 см. Вторая камера жилища, соединённая с первой, имеет площадь 7 кв. м.

Основная часть фрагментов керамики, как можно судить по плану², расположена у стенок жилища с внутренней стороны, в обоих очагах и в западной камере жилища. Общая численность керамики из жилища 2 составила 2661 фрагмент. Из этого числа 825 фрагментов удалось отнести к 44 сосудам. Взвешивание фрагментов на электронных весах (погрешность измерения 0,5 г) позволило детализировать распределение керамики внутри жилища. Проведено измерение площади всех информативных фрагментов при помощи палетки с размером сетки 1 мм. В результате измерений установлены вес и размеры сохранившихся частей сосудов, а также их плотность.

Керамика жилища № 2 светло-коричневого, реже серого цвета. Только несколько черепков имеют в изломе отличающуюся от цвета поверхности (более тёмную) окраску. Вся керамика жилища пористая, поверхность сосудов, как правило, тщательно заглаживалась и затем орнаментировалась. Все сосуды изготовлены ленточным способом³. Среди

форм сосудов преобладают слегка закрытые, реже встречаются открытые и прямостенные. Размеры сосудов – от крупных (диаметром по горлу более 350 мм) до миниатюрных (диаметром 100 мм). Преобладают средние сосуды диаметром 140–170 мм. Большинство сосудов орнаментировано оттисками различных зубчатых штампов, реже – оттисками узкого гладкого штампа, ногтевидными вдавлениями⁴. Орнамент располагается на внешней поверхности сосуда, в единичных случаях на торце венчика и на внутренней поверхности сосуда под венчиком. Плохая сохранность посуды жилища № 2 не позволяет сделать вывод о наличии целиком орнаментированных сосудов. Венчики сосудов разнообразны по форме: отогнутые наружу, прямые, приплюснутые Т-образные и Г-образные⁵. Имеется несколько фрагментов плоских днищ сосудов диаметром 140–180 мм.

Наиболее частые примеси к тесту из числа визуально определимых – отпечатки растительных остатков – обнаружены у 37 сосудов. Нередки также вкрапления мелкого песка и мелких комков глины. Значительно реже встречаются мелкая толчёная раковина и рыба чешуя (?); в единичных случаях отмечены вкрапления дресвы и железистых включений. Наличие подобных примесей к тесту позволяет сделать вывод об использовании илов в качестве материала для изготовления посуды. Исследователи поволжской керамики эпохи неолита–палеометалла убедительно доказывают, что именно илы являлись основным исходным сырьём для изготовления посуды⁶. Одной из особенностей посуды из илов является слоистость – наличие напластований органических отложений по вертикали⁷. Этот признак также выявлен на материале коллекции жилища № 2 Павшино II.

Сырьё, использовавшееся для изготовления сосудов, очевидно, было неравномерно перемешано, что подтверждается исследованием гигроскопичности черепков. Измерения проводились нами по внешней стороне черепка по способу, применявшемуся Д. А. Бутков-

¹ Васильев С. Ю. Отчёт об археологических исследованиях в Вологодской области в 1989 г. // ИА РАН. Р-И. № 14256, 14257, 14258; Васильев С. Ю. Отчёт о работе Югского археологического отряда в Вологодском и Великоустюгском районах Вологодской области в 1990 г. // ИА РАН. Р-И. № 15310, 15311, 15312; Васильев С. Ю. Отчёт об археологических исследованиях в Вологодской области в полевом сезоне 1994 г. // ИА РАН. Р-И; Васильев С. Ю. Древние стоянки местечка «Борок». Поселение Павшино-2 // Великий Устюг: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 43–56.

² Васильев С. Ю. Отчёт об археологических исследованиях в Вологодской области в полевом сезоне 1994 г. ... Рис. 51.

³ Васильев С. Ю. Древние стоянки местечка «Борок»... С. 54; Суворов А. В. Павшино II – памятник гаринского времени в долине реки Юг // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ. Вологда, 1993. С. 51–52.

⁴ Васильев С. Ю., Суворов А. В. Новые материалы к археологической карте долины р. Юг (по итогам работ Югского археологического отряда НПП «Древности Севера») // Великий Устюг: краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 2. С. 23.

⁵ Там же.

⁶ Петрова Н. Ю. Природная адаптация гончарного производства древних вологовцев // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 260.

⁷ Бобринский А. А., Васильева И. Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 100.

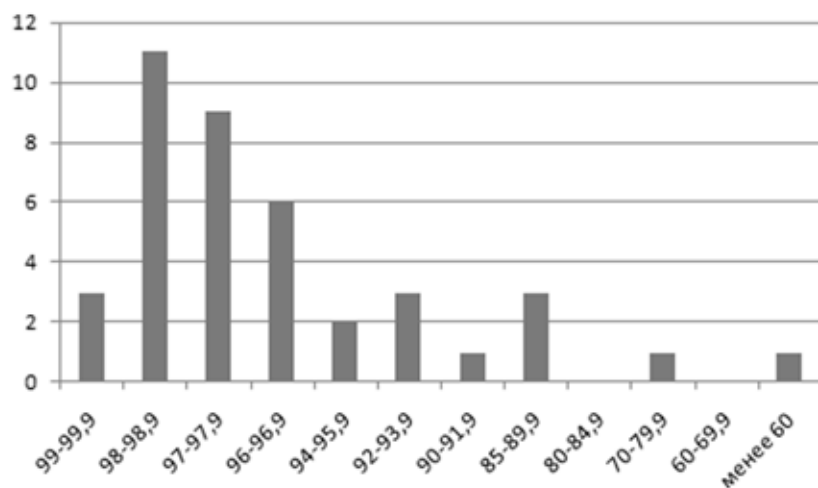

Рис. 1. Средние показатели гигроскопичности сосудов жилища №2: указано количество сосудов, распределённых по интервалам гигроскопичности (в %)

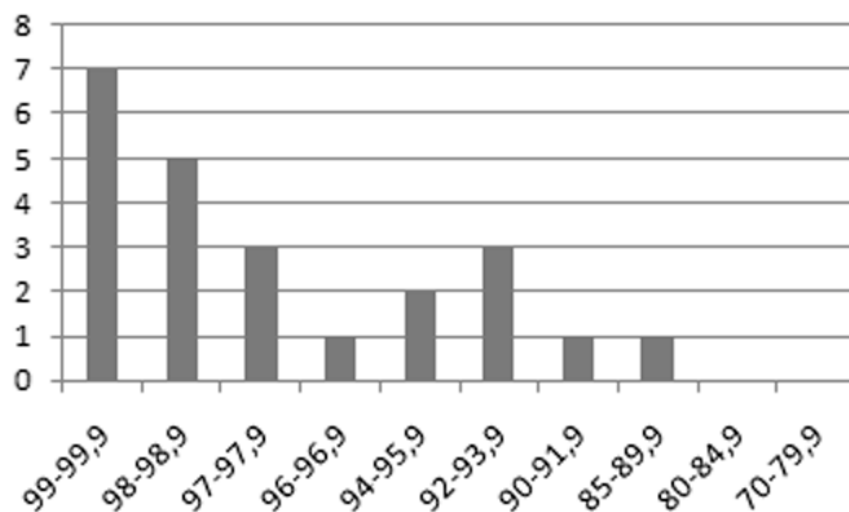

Рис. 2. Результаты измерения гигроскопичности фрагментов сосуда 2

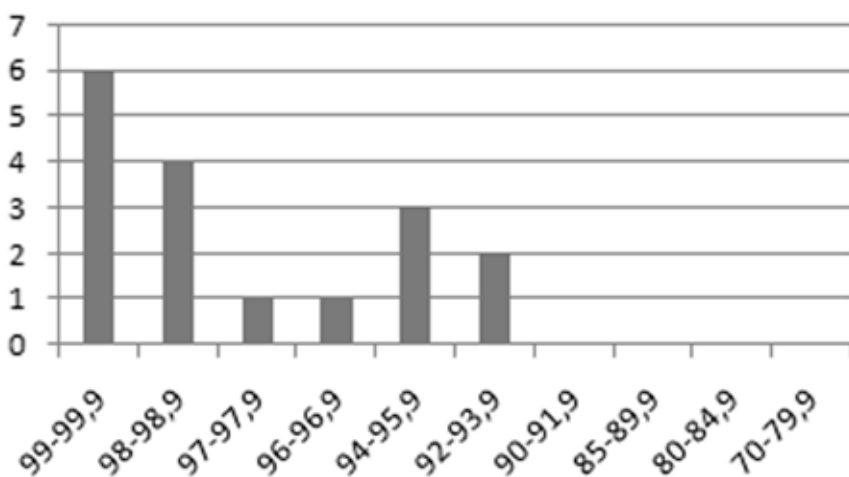

Рис. 4. Результаты измерения гигроскопичности фрагментов сосуда 20

ской⁸. Было проведено две серии опытов: определение гигроскопичности черепков всех сосудов – 179 измерений (рис. 2), определение гигроскопичности различных участков поверхности определённого черепка – 144 измерения. Расчёт осуществлялся по формуле:

$$\Gamma = (T_0 - T_n) / T_0 \times 100 \%,$$

где Γ – гигроскопичность материала (%); T_0 – время, за которое высыхает капля воды на стеклянной поверхности; T_n – время, в течение которого капля воды поглощается керамикой (до исчезновения характерного блеска на поверхности). Опыты проходили в помещении с температурой воздуха 20–22°C при относительной влажности воздуха 50–55 % и дневном освещении, доступ прямых солнечных лучей был ограничен.

Установлено, что параметры гигроскопичности варьируются даже в пределах одного сосуда, причём в ряде случаев отмечается достаточно широкий диапазон значений. Средние показатели гигроскопичности сосудов представлены на рис. 1.

В качестве примера достаточно широкого диапазона значений гигроскопичности в виде диаграмм представлены данные для сосудов 2, 4, 20, 22. Для сосуда 2 проведено 23 измерения, показавшие диапазон значений от 86,7 % до 99,9 % при среднем значении 96,6 % (рис. 2). Для сосуда 4 – 17 измерений, выявившие диапазон – 93,0–99,8 % при среднем значении 97,8 % (рис. 3). Для сосуда 20 – 49 измерений в диапазоне от 71,9 % до 99,9 % при среднем значении 96,2 % (рис. 4). Для сосуда 22 – 17 измерений, диапазон – 89,2–99,9 % при среднем значе-

нии 97,6 % (рис. 5). Для большинства сосудов (в том числе 2, 4 и 22) зафиксировано значительное изменение параметра гигроскопичности в пределах даже одного черепка. Это связано, видимо, с большим уплотнением теста в зоне венчика и на орнаментированных участках поверхности: в этих случаях показатель T_n значительно возрастает и, как следствие, существенно падает показатель гигроскопичности (ниже 95 %). В ряде случаев, напротив, не удалось проследить строгой зависимости показателей гигроскопичности от зоны сосуда. Скорее всего, разнообразие данных указывает на естественную неравномерность плотности использованного исходного сырья, а также неравномерность обжига.

Одним из своеобразных по ряду показателей является миниатюрный сосуд 34, который представлен семью небольшими черепками, по преимуществу относящимися к зоне венчика. Для данного сосуда получены самые малые в коллекции показатели гигроскопичности (53,1 % и 56,7 %), что уже не может объясняться только повышенной плотностью теста в зоне венчика. Полученные на материале сосуда 34 результаты позволяют наметить ещё одну зависимость: тонкостенные сосуды часто имеют большую плотность черепка. Вероятно, и само сырьё для изготовления тонкостенных сосудов содержало большее количество минеральных примесей. Это могло отражать либо особенности их назначения, либо характер их изготовления.

Комплекс керамики жилища-2 поселения Павшино II носит черты, характерные для керамики эпохи палеометалла с присущим ей своеобразием технологических приёмов. Изучение примесей к формовочным массам и гигроскопичности сосудов позволяет уточнить природу исходного сырья и выявить особенности технологии изготовления посуды.

⁸ Бутковская Д. А. Гигроскопический анализ керамических материалов пос. Кульки-сон // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: (материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Барнаул, 2001. С. 99.

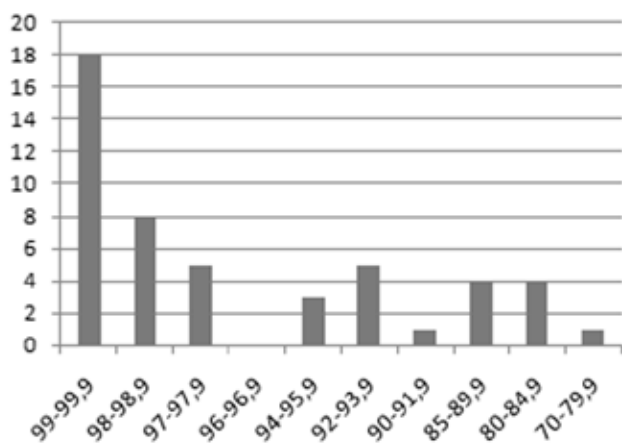

Рис. 3. Результаты измерения гигроскопичности фрагментов сосуда 4

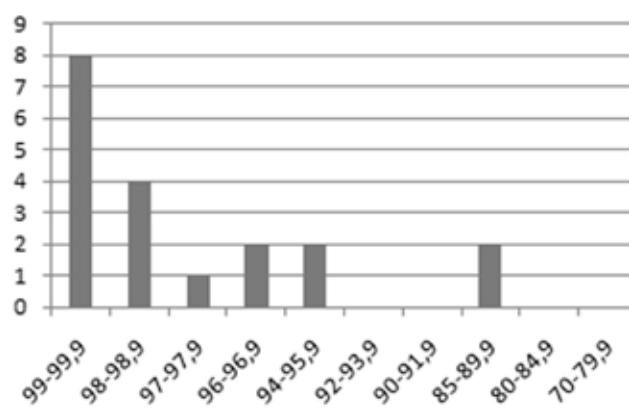

Рис. 5. Результаты измерения гигроскопичности фрагментов сосуда 22

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ФУНКЦИИ СКУЛЬПТУРНЫХ НАВЕРШИЙ ИЗ КАМНЯ

В настоящее время на территории Северной Европы известно более 50 каменных изделий в виде кирки, клевца, сверлёного топора с обухом, украшенным скульптурным изображением, иногда в виде головы животного. Эта категория изделий, объединяемая под общим термином «скульптурные наворачия», представляет интерес не только для установления характера взаимодействия древнего населения лесной полосы Европы, но и для реконструкции мировоззрения первобытных жителей Севера.

Вопросы, связанные с изучением каменных скульптурных наворачий, неоднократно затрагивались в работах ряда российских и зарубежных археологов¹. Исследователи отмечают трудности в установлении хронологии каменных фигурных наворачий, что связано со случайным характером большинства этих находок. Во многих работах определение функции каменных наворачий сводится чаще всего к констатации их ритуального назначения – в качестве церемониальных предметов.

По мнению А. Я. Брюсова, каменные фигурные наворачия, судя по их форме, не могли являться орудиями или оружием². По предположению исследователя, черты сходства «фигурных молотов» свидетельствуют «о том, что на довольно значительном пространстве не только совершался какой-то однородный обряд, но и сложилась относительно однообразная традиция в приёмах выделки предметов, используемых в этом культе»³. В отличие от зарубежных археологов, относивших каменные наворачия к узкому хронологическому периоду, А. Я. Брюсов предполагал длительность бытования традиции их изготовления⁴.

¹ Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. Вып. 9. М., 1940; Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М., 1961. (МИА. № 87); Студзицкая С. В. Фигурные топоры-молоты из новых поступлений Государственного исторического музея // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М., 1983; Жульников А. М. О находке в Прибеломорье фигурного топора-молота с обухом в виде головы медведя // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002; Шахнович М. М. Новые находки фигурных молотов на территории Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002; Nordman C. A. Die steinzeitlichen Tierskulpturen Finnlands // Jahrbuch für prähistorische & ethnographische Kunst 1936/1937. Berlin; Leipzig, 1937; Meinander C. F. Die Kiukaikskultur // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 1954. № 53; Carpelan C. Hirven- ja karhunpääesineitä Skandinaviasta Uralille // Suomen Museo 81. 1974.

² Брюсов А. Я. История древней Карелии... С. 86.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 91.

Д. А. Крайнов отнёс сверлёный топор с обухом в виде медведя, найденный в Ярославской области (Ростов), к фатьяновской культуре⁵. К сожалению, исследователь не представил каких-либо объяснений тому

⁵ Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э.). М., 1972. С. 199.

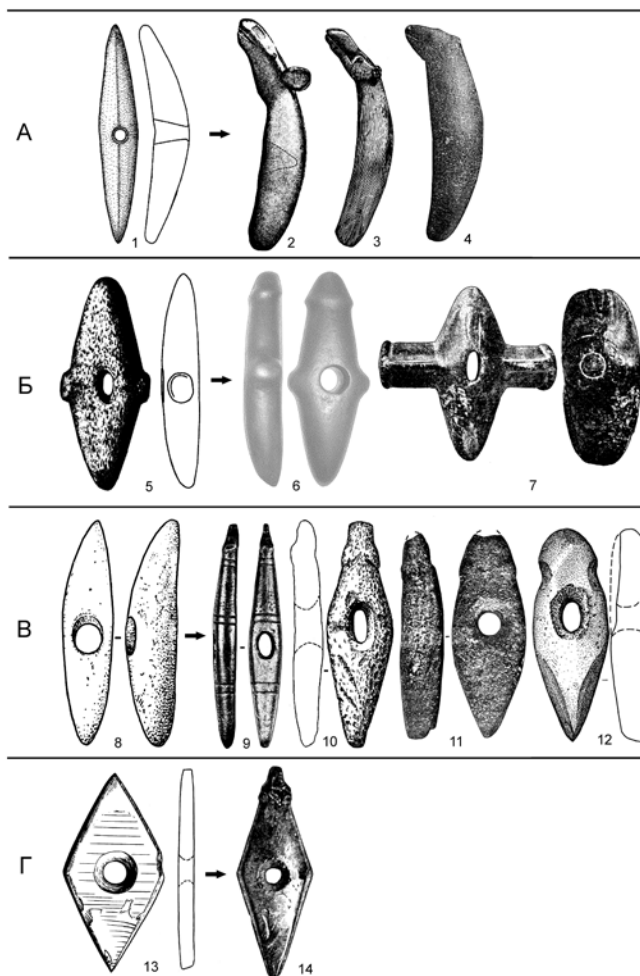

Рис. 1. Фигурные наворачия в виде кирки, кирки с цапфами, клевца и их прототипы.

А – наворачия в виде изогнутой кирки, Б – наворачия в виде кирки с цапфами, В – наворачия в виде клевца (кирки) удлинённых пропорций, Г – наворачия в виде клевца ромбической формы.

1 – Видостров IV, 2 – Алунда, 3 – Падозеро, 4 – Няшебожское, 5 – Икаалинен, 6 – Бережное, 7 – Якима, 8 – Илекса, 9 – Маанинка, 10 – Соломенное, 11 – Алахярмя, 12 – Телятниково, 13 – Пегрема I, 14 – окрестности Петрозаводска

факту, что подавляющая часть сверлёных наверхий с обухом в виде медведя, в том числе сходных по форме со сверлёными топорами, найдена далеко за пределами фатьяновско-балазовской общности.

Несомненный интерес для изучения каменных фигурных изделий Северной Европы представляют исследования В. А. Дергачева, посвятившего ряд трудов каменным энеолитическим наверхиям в виде головы лошади. Исследователь отмечает значение этой категории археологических объектов как источников по проблемам социальной истории Европы, в частности, возникновения вождеств и военных экспансий⁶.

Несмотря на относительную многочисленность работ, посвящённых каменным фигурным изделиям, по-прежнему актуальными остаются задачи определения их хронологии и функции.

На решение этих задач направлена применённая автором методика анализа каменных фигурных наверхий.

По форме выделяется три вида наверхий:

А – наверхия в виде кирки, клевца или боевого топора (40 экз.);

Б – наверхия в виде головы животного (с отверстием) (9 экз.);

В – наверхия в виде головы животного (без отверстия – с каменным стержнем) (1 экз.).

Наверхия группы А разделяются на две хронологические группы:

А:1 – наверхия в виде кирки или клевца без признаков сверлёных топоров;

А:2 – наверхия с признаками сверлёных топоров.

Наверхия группы А:1 разделены на две подгруппы:

А:1:1 – наверхие с овальным в плане отверстием;

А:1:2 – наверхие с округлым в плане отверстием или без отверстия.

Наверхия группы А:2 разделены на две подгруппы:

А:2:1 – наверхия с отчётливыми признаками сверлёных топоров, в том числе ладьевидных (хорда,

кольцевидный выступ вокруг отверстия – втулка, хорошо выраженный обух);

А:2:2 – наверхия с единичными признаками сверлёных топоров энеолита-бронзы (цилиндрическое или близкое к нему по форме отверстие, слабо выраженный обух, прямоугольное сечение лезвия).

В ходе морфологического анализа каменных наверхий и других сходных с ними по форме и материалу артефактов удалось выявить прототипы для изделий группы А:1 и отчасти подгруппы А:2:2 – это кирки изогнутой формы, кирки с цапфами, клевцы удлинённой формы и клевцы ромбической формы (рис. 1). Изделия в виде кирки с цапфами с овальным отверстием относятся К. Карпеланом к периоду не позднее среднего неолита⁷. Это даёт основание отнести подгруппу А:1:1 к раннему или среднему неолиту. Данная группа, видимо, является наиболее ранней. Большая часть наверхий подгруппы А:1:2 также относится к неолиту.

Наверхия группы А:2 изготавливались в эпоху боевых топоров – вторая половина III – первая четверть II тыс. до н. э. (в радиоуглеродных датах), а некоторые, возможно, в более позднее время.

Хронология большей части наверхий вида Б остаётся неясной.

Наверхия, относящиеся к разным группам, отличаются по составу образов, использованных для скульптурного оформления данных изделий (рис. 2). При создании неолитических наверхий в виде кирки/клевец использовался в основном образ медведя, но иногда встречаются изображения головы лося и рыбы. Энеолитические наверхия с признаками сверлёных топоров также украшаются преимущественно скульптурным изображением головы медведя. На наверхиях этой хронологической группы появляются новые образы: сверлёный топор с обухом в виде антропоморфной головы, кирка с цапфами в виде фаллоса, боевой топор с обухом в виде фаллоса, что косвенно указывает на изменения в мировоззрении жителей севера Европы, происходившие на рубеже энеолита-бронзы. Среди фигурных наверхий в виде головы животного преобладают изображения голов медведя, однако заметную долю составляет и образ лося (рис. 2). Некоторые различия в составе образов наверхий видов А и Б, вероятно, свидетельствуют о неодинаковой функции этих изделий.

Наиболее архаичные фигурные наверхия с овальным отверстием найдены на сравнительно компактной территории к западу от Онежского озера и севернее Ладожского озера (рис. 3). Можно предположить, что именно здесь возникла идея создания каменных кирок и клевцов, украшенных скульптурным изображением головы животного.

Полоса распространения находок неолитических изделий в виде фигурной кирки/клевец протянулась от берегов Ботнического залива на западе до бассейна Печоры на востоке (рис. 3). Наибольшая концентрация находок неолитических наверхий наблюдается на территории между восточным берегом Ботнического залива Балтийского моря и западным берегом Онежского озера. Единичные фигурные наверхия в виде кирки и головы животного, найденные на западном берегу Ботнического залива, располагаются неподалёку от пролива, через который на протяжении

⁷ Carpelan C. Über Ursprung, Alter und Verbreitung der steinernen Zapfenhauen // Suomen Museo 83. 1976.

⁶ Дергачев В. А. Типология и интерпретация зооморфных скипетров энеолита Восточной Европы // Степи Евразии в древности и Средневековье. Ч. 2. СПб., 2002; Дергачев В. А. Культурная функция скипетров и модель их возможной археологизации (по данным гомеровского эпоса) // Археолог: детектив и мыслитель. СПб., 2004.

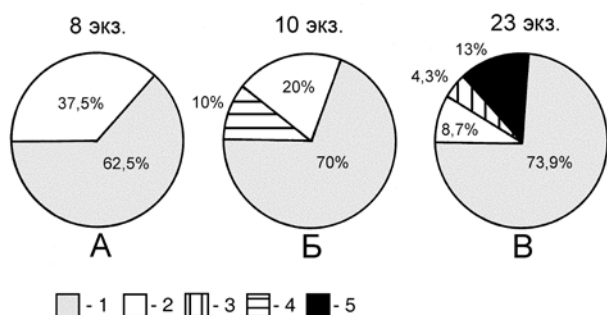

Рис. 2. Соотношение образов, использованных при изготовлении каменных фигурных наверхий.

А – наверхие в виде головы животного, Б – кирка или клевец с фигурным обухом, В – фигурное наверхие с признаками сверлёных топоров. 1 – медведь, 2 – лось, 3 – иное млекопитающее животное, 4 – рыба, 5 – антропоморф или фаллос

тысячелетий осуществлялись связи древнего населения Швеции и Финляндии. Такое пространственное распределение свидетельствует о том, что появление скульптурных наверший на территории Швеции связано с влиянием населения, проживавшего на восточном берегу Ботнического залива. Данный вывод подтверждается тем, что далее на запад и север – на основную территорию Скандинавии – фигурные кирки не распространяются.

Группа энеолитических сверлёных наверший представлена в основном на территории, находящейся вне зоны культур боевых топоров – в средней части Финляндии, южной части Карелии и Вологодской области. Единичные сверлёные топоры с обухом в виде головы медведя встречены лишь в северо-западной части ареала фатьяновско-балановской общности и северо-западной части ареала культуры боевых топоров Швеции (рис. 3). Эти данные дают основание утверждать, что возникновение фигурных наверший с признаками сверлёных топоров является результатом взаимодействия культурных традиций

охотничье-рыболовческого населения некоторых регионов Северной Европы (юго-западное Прибеломорье и северо-восточная Прибалтика) и ряда скотоводческих племён культур боевых топоров.

На большей части территории фатьяновско-балановской общности фигурные изделия из камня не получают распространения. Топоры со скульптурным обухом отсутствуют в фатьяновских погребениях. Следовательно, появление фигурных топоров на территории фатьяновской культуры связано не с распространением этой инновации среди скотоводческого населения, а с передвижками или военными экспедициями на часть территории Верхнего Поволжья северных групп охотников и рыболовов. Не исключено и сохранение на территории фатьяновско-балановской общности групп аборигенов, продолжавших поддерживать связи с родственными северными племенами.

Среди данных, позволяющих определить функцию фигурных наверший в виде кирки/клевца или сверлёного топора, можно выделить следующие:

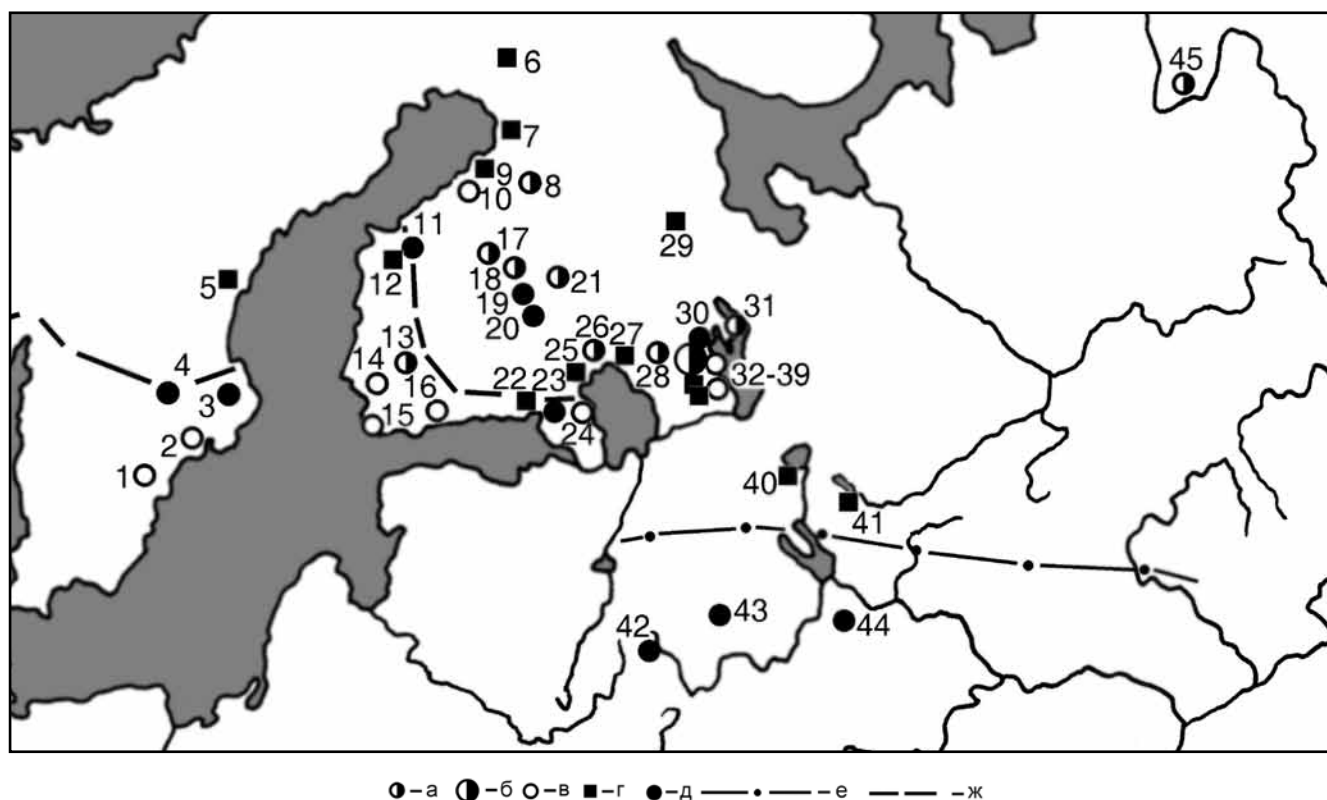

Рис. 3. Карта пунктов находок скульптурных наверший из камня.

а – пункт находки кирки или клевца с обухом в виде головы животного, б – группа пунктов находок кирки или клевца с обухом в виде головы животного, в – пункт находки навершия в виде скульптурного изображения головы животного (с отверстием), г – пункт находки фигурного навершия (с единичными признаками сверлёных боевых топоров), д – находки фигурных наверший с признаками сверлёных боевых топоров, е – северная граница фатьяновско-балановской общности (по Д. А. Крайнову), ж – северная граница культур шнуровой керамики Финляндии и Швеции (по Т. Эдгрену и Х. Линдквисту).

- 1 – Остра Рюд, 2 – Стура Вика, 3 – Алунда, 4 – Берга, 5 – Хельсингланд, 6 – Рованиеми, 7 – Ии, 8 – Палтамо, 9 – Руукки, 10 – Паавола, 11 – Юлистаро, 12 – Халикко, 13 – Алахярмя, 14 – Хуиттинен, 15 – Какскерта, 16 – Эсбо, 17 – Пихтипудас, 18 – Маанинка, 19 – Киурувези, 20 – Хейнявези, 21 – Пиэлисарви, 22 – Сяккиярви, 23 – Антреа, 24 – Пюхьярви, 25 – Куркийоки, 26 – Яккима, 27 – Салми, 28 – Соддер, 29 – Берёзово ХХІХ, 30 – Кондопога, 31 – Телятниково, 32–39 – Вороново, Тулгуба, окрестности Петрозаводска, Соломенное, Нелукса, Падозеро, Шуя, Немецкий Наволок, 40 – Бережное, 41 – Фетинино, 42 – Волго, 43 – Вышний Волочёк, 44 – Ростов, 45 – Няшебожское

1. Скульптурные навершия в виде кирки/клевца или сверлёного топора оружием не являются, однако имеют в качестве прототипов изделия, которые исследователи обычно определяют как оружие.

2. В отличие от лосиноголовых жезлов из кости, найденных в ряде могильников и на некоторых поселениях лесной полосы Европы, фигурные навершия из камня не встречены в погребениях, в большинстве случаев они представляют собой случайные находки, что указывает на различное предназначение этих внешне похожих изделий. Изучение лосиноголовых жезлов, проведённое автором данной работы совместно с Е. А. Кашиной, позволило сделать вывод об их предназначении, отличном от функции каменных наверший. Лосиноголовые жезлы на петроглифах, как и их скульптурные аналоги, во многом связаны с продуцирующей магией. Способность осуществлять магические операции лосиноголовыми жезлами тесно связана со способностями к подобным действиям конкретного человека, как правило, зрелого мужчины, поэтому резные фигурные изделия не передавались по наследству, а помещались в ряде случаев в погребения их владельцев. Каменные фигурные навершия, в отличие от лосиноголовых жезлов, видимо, не были в личной собственности членов древнего коллектива. За случайным характером находок каменных наверший, большей частью обнаруженных за пределами стоянок, просматривается некоторая закономерность, обусловленная, по-видимому, наличием в неолите–энеолите специального общественного ритуала, в ходе которого подобные изделия закапывались или прятались.

3. Среди образов, использованных для создания каменных фигурных наверший с признаками оружия, доминирует медведь. В других образцах первобытного изобразительного искусства, не связанных с оружием, образ медведя встречается сравнительно редко. Представляется, что образ медведя – крупного, сильного, опасного животного – был востребован, прежде всего, в ситуациях военных столкновений. Не исключается связь образа медведя и с почитанием предков.

4. Пункты находок фигурных наверший в виде кирки/клевца, в отличие от лосиноголовых жезлов, каменных наверший в виде кирки с цапфами, занимают сравнительно небольшой регион Северной Европы, что указывает на локальный характер этой традиции, её связь со сравнительно небольшими этнокультурными группами населения.

5. Фигурные навершия из камня, нередко в виде оружия, найдены и в других регионах Евразии, что косвенно свидетельствует о наличии в эпоху неолита–энеолита на данной территории сходных ритуалов, в которых использовались подобные изделия. Исследователи, изучавшие древние каменные навершия в южных регионах Европы, интерпретируют их в качестве скипетров – символов воинской власти⁸.

⁸ Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974; Дергачев В. А. Типология и интерпретация...

Скипетры как одна из разновидностей социальной символики были наиболее востребованы в ситуациях военных столкновений. Многие скипетры, известные в других регионах мира, как и каменные навершия Северной Европы, имеют вид парадного оружия, отличаются богатством отделки⁹.

6. Пространственное распространение каменных фигурных изделий свидетельствует, что их появление в отдельных регионах Севера, на пограничной территории между этнокультурными общностями, было связано с передвижками или военными экспедициями групп населения, проживавшего на территории юго-западного Прибеломорья и северо-восточной части бассейна Балтийского моря.

О функции каменных наверший косвенно свидетельствуют некоторые данные об особенностях военных действий и военных ритуалов современных жителей Севера Евразии и Северной Америки. Функции военных вождей в обществах охотников и рыболовов не передавались по наследству. Военный предводитель избирался общим собранием на период войны – часто это был наиболее умелый и смелый воин. В случае возобновления военных действий предводителем мог быть избран другой член племени¹⁰. Наличие системы выборности военных предводителей в обществах охотников и рыболовов объясняет тот факт, почему древние фигурные навершия, которые явно были знаками военной власти, не включались в состав погребального инвентаря. Скорее всего, при избрании нового военного вождя ему (от прежнего предводителя – ?) передавался и символ воинских полномочий.

Среди военных ритуалов современных жителей Севера Евразии и Северной Америки представляет интерес символическое заключение мира путём погребения или повреждения оружия¹¹. Выражение «закопать топор войны» как символический способ заключения мира у североамериканских индейцев широко вошло в современный язык. Не исключено, что некоторые каменные фигурные навершия Северной Европы, найденные за пределами стоянок, были в древности намеренно спрятаны или закопаны именно во время ритуала заключения мира.

Таким образом, каменные скульптурные навершия Северной Европы, сходные по форме с оружием, в отличие от резных лосиноголовых жезлов, связаны с войной и военными ритуалами. Такого типа изделия, видимо, являлись знаками военной власти – своего рода церемониальными скипетрами. Особенности распространения каменных наверший в эпоху энеолита на севере Европы указывают на военный характер взаимоотношений двух этнокультурных групп населения, относящихся к разным хозяйственно-культурным типам.

⁹ Дергачев В. А. Типология и интерпретация... С. 354–357.

¹⁰ Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб., 2003. С. 35–36.

¹¹ Там же. С. 137.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УСТЮЖНЕ И УСТЮЖЕНСКОМ РАЙОНЕ

Устюжна – один из древних городов Вологодской области. По летописным данным, он существовал уже в 1252 г. По археологическим данным – наличие городища в устье реки Ижины – его возникновение можно отнести к XI веку н. э. Интерес к археологии города проявляли многие исследователи. А. В. Никитин пишет: «Интерес к городу Устюжна может быть оправдан не только изучением формирования железоделательного производства на Руси, но и исследованием процессов возникновения города и городских поселений Севера»¹. Он же говорил о важности археологических исследований в городе: «История города полна значительных пробелов, восполнить которые может археология. Эти материалы могут установить не только дату возникновения города, но и определить, хотя бы в общих чертах, облик материальной культуры и этнические условия, в которых начала развиваться жизнь в этом отдалённом районе нашей страны»².

Целью нашей работы является выявление древних культурных слоёв Устюжны, выяснение его первоначальной территории, поиск новых археологических памятников.

Культурный слой на ул. Правая Набережная у д. 5–7

Культурные слои расположены в г. Устюжне на ул. Правая Набережная у д. 5–7 (рис. 1, 2: 6, 4). Это

¹ Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках в г. Устюжне в 1963 г. // УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21. С. 1.

² Там же. С. 3.

наиболее возвышенная часть правого берега реки Мологи. Высота берега в этом месте достигает 10 метров. С запада и востока участок ограничен оврагом. До 1939 г. здесь находилась церковь Великомученика Дмитрия Солунского. Е. Л. Хворостовой в 1991 г. у дома № 14 был заложен шурф № 11, но древние слои не были обнаружены³.

В августе этого года на этом месте при прокладке водопровода был разрушен культурный слой, из которого собран остеологический материал и фрагменты сетчатой керамики железного века. На территории памятника найдены крупное скребло, скребок, сколы, фрагменты сетчатой керамики, один фрагмент лепной неорнаментированной керамики конца I тыс. н. э., два фрагмента круговой с линейно-волнистым орнаментом XI–XII вв. и один фрагмент венчика с волнообразным орнаментом XIII–XIV вв.

На основании находок и топографии можно предполагать на этом месте наличие мезолитической стоянки, поселения железного века, культурных слоёв XI–XIII вв. и церкви с кладбищем позднесредневекового и нового времени.

В связи с открытием ранних культурных слоёв, возникает вопрос о месте первоначального появления города Устюжны. Предшествующие исследователи (А. В. Никитин, Е. Л. Хворостова и др.) считали, что первоначально появилось городище, а потом город

³ Хворостова Е. А. Отчёт об археологических исследованиях в г. Устюжне Вологодской области в 1991 г. // УКМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 52. С. 8.

Рис. 1. Ул. Правая Набережная у д. 5–7. Место расположение древних культурных слоёв. Вид с левого берега реки Мологи

«вышел» за пределы городища. Так, А. В. Никитин предполагал, что «Устюжна росла не вокруг древнего ядра раннего поселения, а быстро перешла на другой берег Ижины, начав застраиваться вдоль реки Мологи, так что древняя часть оказалась на окраине вплоть до настоящего времени»⁴. Он же в отчёте о раскопках в Устюжне в 1963 г. делает правильное предположение: «вероятнее всего, расположение древнего города совпадает с его современной топографией – вниз по течению Мологи»⁵, что подтверждается найденным автором археологическим материалом.

Культурный слой на ул. Правая Набережная у д. 18.

Мыс расположен у впадения реки Ворожи в Мологу (рис. 2: 7, 3). В 1955 г. экспедицией Артиллерийского исторического музея в устьевой части реки Ворожи на левом берегу было выявлено место выплавки и обработки железа⁶. В 1990 г. на этом же мысу Е. Л. Хворостовой был заложен шурф № 1. Культурный слой в нём не превышал 16 см. Слой, опираясь на находки, отнесён к XVIII веку. Исследователем было выдвинуто предположение, что культурный слой мог быть смещён смытием в сторону реки Ворожи. В 1991 г. ею же был заложен шурф № 14, но уже ближе к реке Вороже. Мощность культурного слоя здесь составила 2,7 м, были обнаружены остатки выплавки железа: шлак, трубки, крицы, керамика. Слои отнесены к XVII–XVIII векам⁷.

Автором с 2006 г. проводился сбор керамического материала с огородов, расположенных на мысу и в устьевой части реки Ворожа. Найдена орнаментированная круговая керамика XII–XIV вв., неорнаментированная лепная керамика XII в., поздняя керамика XVI–XIX вв. В 2009 г. автором на этом участке был

заложен разведочный шурф 1 x 1 м. Мощность культурного слоя составила 0,70–0,80 м. При проведении работ собрана коллекция керамики, кости животных и рыб, найден стеклянный шлак, обломок глиняной игрушки (собачка?). По археологическому материалу слою можно датировать поздним Средневековьем XIV–XV вв. Найденные древние культурные слои и керамика XII–XIII веков доказывают, что на мысу в устьевой части реки Ворожи в XII веке располагались городские постройки.

В археологическом плане интересен не только город, но и местность, окружающая Устюжну.

Памятники в урочище Подсосенье

Долина реки Ижины не менее интересна в археологическом плане. Интерес вызван тем, что в литературных источниках⁸ приводятся данные о расположении города по берегам реки Ижины. Так, у И. Ф. Токмакова читаем: «Два с половиной века назад, занимая нынешнее пространство, Устюжна сверх того уходила ещё на две версты вверх по Ижине и на полторы вверх по Мологе, так что представляла собой в то время фигуру продолговатого треугольника или ижицы»⁹. И. В. Пугач также приводит данные о расположении города по берегам реки Ижины: «В середине XVI века Устюжна Железнопольская занимала всю нынешнюю территорию по обоим берегам Мологи. Более того, часть городских дворов располагались в районе Городища и вверх от него, по Мологе и Ижине»¹⁰. Данные авторов археологически не были подтверждены.

Берега Ижины, помимо городища, исследовались А. Н. Башенькиным, Н. В. Косоруковой, Н. В. Гуслистым. В середине 1980-х гг. А. Н. Башенькин обследовал Цыганскую поляну, где была собрана сетчатая керамика. С этой же поляны происходит сверлёный каменный топор, находящийся в Устюженском краеведческом

⁴ Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках... С. 4.

⁵ Там же.

⁶ Пугач И. В. Устюжна Железнопольская в XVI–XVII веках // Устюжна : краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2002. С. 56.

⁷ Хворостова Е. А. Отчёт об археологических исследованиях... Л. 22–25.

⁸ Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии. М.: Издание П. Д. Иконникова, 1897; Пугач И. В. Указ. соч.

⁹ Токмаков И. Ф. Указ. соч. С. 3.

¹⁰ Пугач И. В. Указ. соч. С. 19.

Рис. 2. Известные и новые памятники на территории и в окрестностях г. Устюжна.

На карте отмечены: белыми кружками – известные памятники, чёрными – новые.

Цифрами отмечены: 1 – Устюженское городище в устье реки Ижины; 2 – Цыганская поляна; 3 – Игумновская поляна. Новые памятники: 4 – Заижинье I; 5 – группа памятников в урочище Подсосенье; 6 – культурный слой, ул. Правая Набережная, д. 5–7; 7 – Устье Ворожи I; 8 – Игумново IV

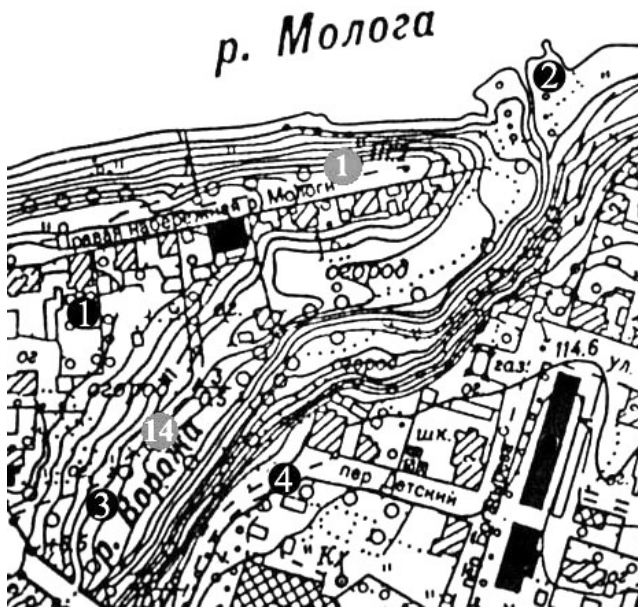

Рис. 3. Город Устюжна, ул. Правая Набережная. Устье Ворожи I, поселение. План.

Примечание: чёрными кружками отмечены места сбора подъёмного материала автором статьи; номера соответствуют описанию по тексту отчёта. Серыми – отмечены шурфы Е. Л. Хворостовой, цифры на них обозначают номера шурфов

музее. Н. В. Косорукова в 2004 г. также обследовала берега реки Ижины и нашла средневековое поселение.

При обследовании долины реки Ижины автором выявлено четыре памятника раннего и позднего Средневековья, один предположительно неолитического времени (рис. 2: 4, 5).

Селище Подсосенье I

Памятник находится на территории лыжной базы ДЮСШ г. Устюжна, в 20 метрах на север от промзоны МУП «Коммунальщик». В 60 метрах от памятника в восточном направлении протекает ручей Безымянный, который впадает в реку Ижину, её правый приток. Из подъёмного материала следует отметить четыре венчика круговой сероглиняной керамики, один из них орнаментирован волной. Из металлических предметов найдены два ножа, бронзовый ложно-витой перстень, топорик-привеска. Предположительно датировать памятник можно в широком временном диапазоне: по ложно-витому перстню и топорiku-привеске XII–XIV вв., по керамике и ножу XIV–XV вв.

Селище Подсосенье II

Памятник находится на левом берегу Безымянного ручья в 300 метрах от моста через реку Ижину в северном направлении и около 1 км от места впадения реки Ижины в реку Мологу. Левый берег ручья высокий, средняя его высота 13,5 метров. Находки керамики прослеживаются вверх по течению ручья на протяжении 300 метров от родника Здоровчик и до искусственного русла ручья, образованного сливом воды из насосной станции МУП «Коммунальщик». В результате обследования памятника с поверхности культурного слоя собрана круговая неорнаментированная керамика, шлифованное сланцевое орудие, битый камень, фрагмент глиняной льячки и один фрагмент орнаментированного венчика. Условно па-

мятник можно датировать двумя эпохами: неолитом (по находке орудия из сланца и битому кремню) и Средневековьем (по собранной керамике) XIV–XVI вв.

Селище Подсосенье III

Находится на правом берегу вверх по течению реки Ижины в 1 км от второго моста через эту реку. Памятник расположен на склоне коренного берега реки. Находки немногочисленны, это бронзовая фитильная трубка, фрагмент сероглиняной круговой керамики и кусочек шлака. По фитильной трубке памятник можно датировать XIV–XV вв.

Селище Заижины I

Памятник находится на левом берегу реки Ижины в 3 км от второго моста через реку Ижину, выше по течению. Местность расположена в излучине реки Ижины. На склоне берега в осыпи найдены 2 фрагмента сероглиняной круговой керамики, а на дороге – перстень-печатка. Памятник условно можно датировать XIV–XV вв. и поздним Средневековьем.

Найденные на территории урочища Подсосенье памятники могут свидетельствовать о нахождении здесь городских построек, о чём пишут И. Ф. Токамаков и И. В. Пугач. Небольшие расстояния между памятниками, их одинаковый возраст говорит нам о свободной застройке средневековых городов: усадьбы «отделялись» друг от друга незастроенными пространствами – садами, огородами. По такому принципу была застроена Вологда, о чём пишет

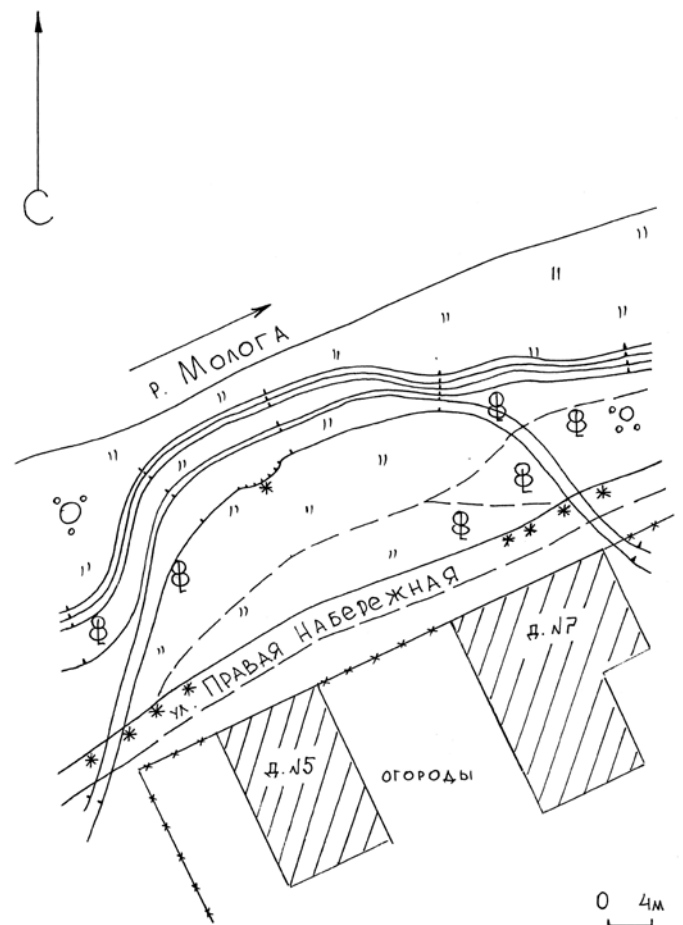

Рис. 4. Город Устюжна, ул. Правая Набережная у д. 5–7. Местоположение древних культурных слоёв. «Звёздочками» показаны места сбора подъёмного материала. План. Глазомерная съёмка
К. А. Зубова, 2008 г.

А. В. Никитин: «Не следует также забывать одной характерной особенности планировки древней Вологды – наличие больших незастроенных пространств. За жилищами шли пустые пространства, занятые, скорее всего, садами и огородами»¹¹. После моровой язвы, случившейся в 1569 г., заижинская сторона города была оставлена, население перешло на более высокий – правый берег реки Мологи.

Городище Игумново IV

Вниз по течению р. Мологи, на расстоянии около километра от устья Игумновского ручья находится Игумновская поляна (рис. 2: 8). На поляне в 1970-е гг. А. В. Zubовым был открыт археологический памятник: мезолитическая стоянка и селище РЖВ. В 1980 г. Н. В. Гуслистов проводит раскопки на этой поляне¹².

Городище находится на правом берегу р. Мологи около 1-го км ниже по течению от восточной границы города Устюжна (рис. 2: 8). Высота городища над уровнем Мологи 12 м, размеры 60х20 м. Оно окружено рвом шириной до 9 метров, глубиной до 1,5 м, мощность культурного слоя 0,5 м. Осенью 2007 г. городище обследовал А. Н. Башенькин. На восточной части городища был заложен разведочный шурф размерами 2х2 метра. В шурфе вскрыта часть углублённого в материк жилища. В шурфе найдены фрагменты двух грузиков дьякова типа, более 100

фрагментов сетчатой керамики, 80 – гладкостенной керамики, кости животных, кремнёвый отщеп. Городище относится к концу I тыс. до н. э. – началу I тыс. н. э., вероятно, ранее здесь существовала стоянка эпохи мезолита.

Жальнично-курганный комплекс Тимонино

Памятник находится в 200 метрах от д. Тимонино и 300 метрах от д. Вороново, рядом с новой дорогой на д. Дора (рис. 5). По данным местных жителей, урочище называется «Польские могилы». Комплекс состоит из 47 погребений. Некоторые погребения имеют каменные обкладки. С южной стороны комплекс отгорожен валом из камней и песка. Восемь насыпей имеют следы грабительских разрушений.

Проведённые в последнее время на территории г. Устюжны и в её окрестностях археологические исследования позволили по-новому представить раннюю историю города. Найденные древние культурные слои на территории ул. Правая Набережная у д. 5 и 7 и на той же улице у д. 18 позволяют предположить, что территория древнего города располагалась, как и предполагали предыдущие исследователи¹³, на правом берегу р. Мологи от устья р. Ижины до устья р. Ворожи. Можно предположить, что Устюжна могла появиться из нескольких одно-временных поселений. Часть территории древнего города действительно располагалась в нижнем течении р. Ижины, об этом говорит большое количество памятников в урочище Подсосенье.

¹¹ Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области / под ред. А. Я. Брюсова. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1961. С. 19.

¹² Башенькин А. Н. История археологического изучения Устюженского района // УМК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49. С. 3.

¹³ Токмаков И. Ф. Указ. соч.; Никитин А. В. Отчёт об археологических раскопках...

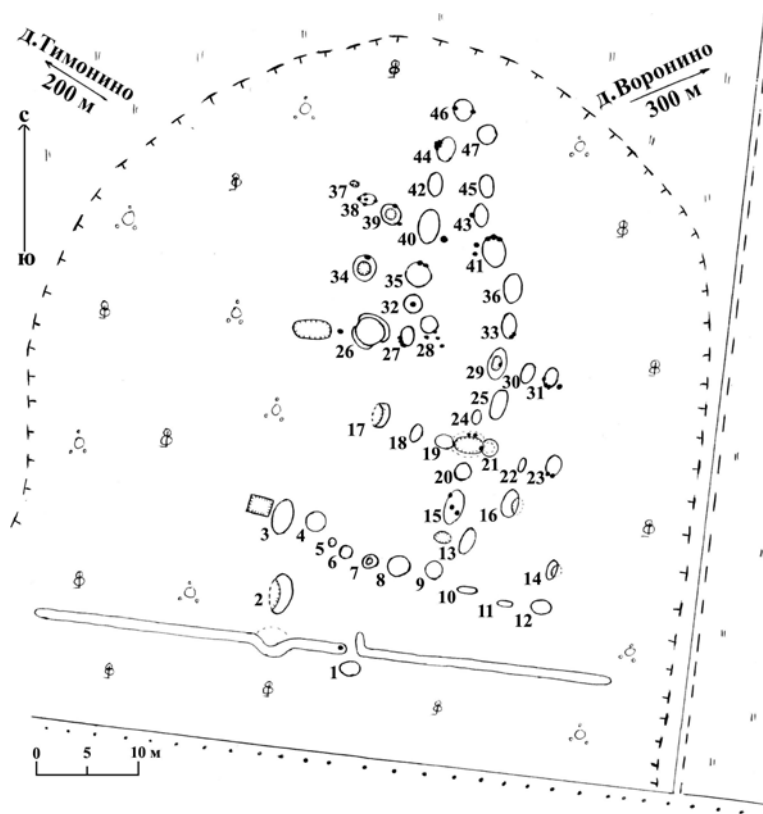

Рис. 5. Тимонино, жальнично-курганный комплекс. План.
Глазомерная съёмка К. А. Зубова, 2009 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В Г. ВОЛОГДЕ В 2009 Г. (РАСКОП НА УЛ. ВОРОВСКОГО, 2)

В 2009 г. экспедиция под руководством автора исследовала земельный участок, предназначенный под застройку, по адресу: г. Вологда, ул. Воровского, 2. Участок расположен в исторической части города Вологды, в границах охранной зоны памятника археологии «Городище, место основания г. Вологды XII–XV вв.».

Раскоп располагался в наиболее археологически исследованном районе г. Вологды, на правом берегу р. Вологды, в 50 м от края береговой террасы, вблизи топографического объекта «Ленивая площадка». В июне 2009 г. участок был обследован И. П. Кукушкиным, заложившим на нём шурф 2 x 4 м. Шурфом был обнаружен культурный слой мощностью от 0,9 до 1,2 м, в ямах – до 1,6 м.

Раскоп находился в центре отводимого под застройку участка и имел размеры 10 x 12 м. Он был ориентирован по красной линии домов улиц Ударников и Воровского. Раскоп включал в себя шурф И. П. Кукушкина.

Мощность культурного слоя, исследованного в раскопе на ул. Воровского, 2, составляла 0,9–1,4 м, в ямах она достигала 2,3 м. Верхний слой – тёмно-серый суглинок, содержащий кирпичи и их обломки, а также мусор, имел мощность от 0,65 до 1,5 м. Верхние напластования этого слоя мощностью около 0,6 м были сняты с помощью техники. Нижележащий слой снимался вручную пластами по 0,2 м. Сохранившийся культурный слой имел различную мощность в разных частях раскопа. В восточной и южной частях раскопа его мощность вне ям была от 0,2 до 0,5 м, в ямах – до 0,9 м. В западной и северной частях раскопа этот слой имел мощность от 0,35 до 0,5 м, в ямах – до 1,3 м. Верхние напластования сохранившегося слоя представляли собой тёмно-коричневый гумус, содержащий щепу, остатки деревянных конструкций, камни, углистые прослойки. Под тёмно-коричневым гумусом находился тёмно-серый гумусированный суглинок, также содержащий щепу, остатки древесного тлена, прослойки угля, серой глины. На отдельных участках тёмно-серый слой подстилался светло-серым суглинком, также содержащим угли, щепу. Культурный слой хорошо сохранил кость, кожу. Хуже в нём сохранилось дерево, которое зафиксировано было, в основном, в виде тлена. В результате тщательной фиксации остатков брёвен и плах удалось выявить в культурном слое несколько условных ярусов деревянных построек.

Ярус 1 выявлен после снятия третьего пласта. Остатки постройки прямоугольной формы размерами 2,5 x 5 м находились в центре восточной части раскопа. Постройка была ориентирована длинной осью по линии запад – восток, вдоль современной улицы Ударников. Вокруг сооружения лежало несколько

истлевших плашек. В юго-восточном углу раскопа прослеживалось несколько плах истлевшего дерева, часть их уходила в южную стенку.

Ярус 2 выявлен во время снятия 4 пласта. В центре восточной части раскопа находились остатки постройки. Её наиболее сохранившееся бревно, длиной около 4 м, было ориентировано с северо-запада на юго-восток. Рядом с бревном лежало несколько плах. С западной стороны этой конструкции обнаружен опечек в деревянном срубе размерами 1,6 x 1,7 м. Внутри сруба находилась подсыпка жёлтого песка, общей мощностью 0,10–0,15 м. Возле сруба обнаружено скопление очажных камней. Здесь же было зафиксировано несколько развалов круговых сосудов. Между опечком и остатками брёвен в восточной части раскопа лежали плахи истлевшего пола. У постройки и рядом с ней обнаружено скопление индивидуальных находок и керамики. В юго-восточном углу раскопа прослежена часть постройки, уходившей за пределы раскопа. Она была ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Видимые размеры сооружения 2,6 x 4 м. В северной части раскопа в этом же горизонте обнаружена изгородь из заострённых кольев, уходящая в северную стенку. Её длина была около 3,5 м, направление – юго-запад – северо-восток.

Сооружения яруса 3 исследованы в 5 пласте. В центре восточной части раскопа прослеживались остатки постройки: бревно, которое имело длину 5 м, было ориентировано с юго-запада на северо-восток. Другое бревно, лежавшее поперёк первого, было ориентировано с северо-запада на юго-восток и имело длину 3,4 м. Параллельно этому бревну лежало несколько истлевших плах, представлявших, по-видимому, лаги или половицы. Внутри этого сооружения находилось несколько свай. Между плахами обнаружены угли, скопления керамики, которой, как показалось, были забиты щели пола. Внутри сооружения и рядом с ним найдены индивидуальные находки. В юго-восточном углу раскопа находилось скопление истлевших деревянных брёвен и плах, часть их уходила за его пределы в восточную и южную стенки. Длина истлевших брёвен достигала 5 м. Большая часть из них была ориентирована по направлению юго-запад – северо-восток.

В северо-западном углу раскопа был обнаружен угол деревянного сруба. К нему с востока примыкали частокол и настил.

На этом же уровне в 5 пласте была обнаружена лежавшая углом полуистлевшая деревянная конструкция шириной до 0,5 м. Она была ориентирована по сторонам раскопа. Данная конструкция, по всей вероятности, является более поздним впущенным в слой сооружением, так как рядом с ней были обнаружены монета конца XVIII в., а также обломки кирпичей. Таким же поздним сооружением оказался впущенный глубоко в культурный слой срубный

опечек, заполненный глиной, обломками кирпичей, мусором конца XIX – начала XX вв. Деревянных построек ниже 5 пласта не обнаружено, имелись находки нескольких истлевших деревянных плашек. В лежащих ниже пластах было обнаружено ещё несколько изгородей, сооружённых из заострённых кольев. Колья диаметром от 0,08 до 0,15 м были заострены по двум плоскостям. Внизу они прижимались нетолстыми брёвнами или жердями. Большая часть изгородей была ориентирована по направлению юго-запад – северо-восток. От некоторых изгородей в материке сохранились неширокие канавки, в дне которых прослеживались следы кольев. К изгородям этого направления с южной стороны перпендикулярно подходили и другие изгороди, исследованные в небольшом пространстве, так как они уходили в южную и восточную стенки. В южной части раскопа на глубине около 1 м выступил материк с многочисленными ямами, относящимися к разному времени.

В ходе работ в западной части раскопа нами была выявлена большая яма – западина, которая уходила за пределы раскопа. Внутри неё находилось еще несколько ям округлой и овальной форм. Сверху западина была заполнена темно-коричневым слоем, подстилаемым темно-серым гумусом и серой слабогумусированной глиной, содержащими щепу, бересту, редкую керамику и индивидуальные находки. В центральной и северо-восточной частях раскопа также были обнаружены большие западины с неровным дном, глубиной от 0,5 до 1,2 м, заполненные темно-серым гумусом, глиной, содержащими прослойки щепы, угля. Эти слои сверху перекрывались темно-коричневым слоем со щепой.

Анализируя результаты проделанной работы по изучению культурного слоя в раскопе на ул. Воровского, 2, мы готовы представить предварительную реконструкцию освоения данной территории в разное время. В первую очередь, следует отметить, что территория изучаемого участка была заселена ещё в каменном веке, о чём свидетельствуют находки кремнёвых скребков и отщепов. Слой стоянки каменного века был разрушен во время средневекового освоения территории. В начале этого освоения местность, где оказался исследуемый участок, имела, очевидно, сложный рельеф. На нём в западной, центральной и северо-восточной частях существовали большие западины природного происхождения, возможно, это были овраги или русла небольших ручьёв, имевшие уклон на север и северо-восток. Следы регулярного затопления этих углублений водой прослеживаются по обнаруженным в их заполнениях прослойкам светлосерой глины, которая подстилалась слоями отстоявшейся щепы. Подобная картина читалась в северном профиле раскопа, а также в профилях заполнения ям – западин, особенно в их нижних пластах. Изначально заселённой оказалась территория, исследованная в южной части раскопа. Она была огорожена частоколом, который отделял жилую зону от оврагов. В этот период в оврагах в их придонных частях оказались различные предметы: керамика, кости животных, отдельные находки, часть их была, очевидно, просто выброшена за изгородь. Природные западины, исследованные в западной части раскопа, были в это время приспособлены под хозяйственные нужды, возможно, они использовались в качестве помоек.

Спустя какое-то время вышеописанные западины были частично заложены хворостом, засыпаны щепой и мусором, частично естественным способом запылились слоем. После этого новая нивелированная территория стала использоваться для жизни местного населения. Ограда – частокол, возможно, граница усадьбы была отнесена к северу и несколько раз обновлялась. Напротив неё, в 5–6 м в это же время существовала другая ограда, которая, возможно, была границей соседней усадьбы. Рядом с ней прослеживался угол жилого дома следующего порядка, поставленного над засыпанной западиной. Если это так, то на месте оврагов мы наблюдаем улицу или проулок, ориентированный по направлению с юго-запада на северо-восток. В этом же направлении ориентированы и исследованные постройки 3, 2 ярусов. Постройка в восточной части раскопа 3 яруса, кстати, оказалась сооружённой на кольях двух предшествующих оград. Необходимо напомнить также, что рассматриваемая усадьба имела ещё и внутренние изгороди, отходящие к юго-востоку от центральной ограды. Затем мы наблюдаем смену не менее чем двух ярусов построек, сохранявших порядок застройки новой территории с начала её заселения. По нашим наблюдениям, рассматриваемая усадьба продолжала расти в размерах, увеличиваясь в северную сторону, о чём говорит новый перенос изгороди к северо-западу. Из-за плохой сохранности дерева и разрушения верхних горизонтов слоя не удаётся, к сожалению, проследить естественный порядок смены ярусов. При сооружении построек XVIII–XIX вв. с глубокими подпольями и фундаментами часть напластований Средневековья была нарушена. Так были опущены в культурный слой и разрушили его вышеупомянутое срубное подпечье XIX – начала XX вв. в юго-западном углу раскопа, а также деревянная конструкция, ориентированная по красной линии нынешней улицы Ударников. Последняя конструкция и вышеописанная постройка 1 яруса были ориентированы в соответствии с новой регулярной застройкой г. Вологды конца XVIII в.

Вещевой комплекс раскопа на ул. Воровского, 2 насчитывает свыше 200 находок из железа и цветных металлов, кости и рога, глины и камня, стекла, кожи, дерева. Среди них около десятка ножей, инструменты и приспособления: шилья, ювелирная наковаленка, точила, оселки, пряслица из кости, глины, камня, глиняные рыболовные грузила, ложила и другие предметы. Из бытовых предметов, обнаруженных в раскопе, имеются: ушко котла, дужка деревянного ведра, цилиндрический замок, светец, сковородник, сапожные и конские одношипные подковы. Были найдены фрагменты глиняной посуды, украшенной зооморфными и антропоморфным изображениями (рис. 1: 11). Значительную коллекцию составляют изделия из рога и кости. Среди них: гребень двухсторонний, крест, игольник, пуговицы, кочедык, фрагмент ложки, наверхи на плет, многочисленные накладки на ножи и инструменты, часть их орнаментирована (рис. 1: 4, 9, 10). Впечатляет большое количество обнаруженных заготовок кости и рога и отходов обработки этих материалов. Украшения представлены пятью стеклянными бусами, фрагментом стеклянного перстня. К предметам христианского культа относятся несколько крестов-тельников. Коллекция изделий из кожи представлена фрагментами обуви, ножнами. Найдены деревянные предметы: поплавок, чертилки

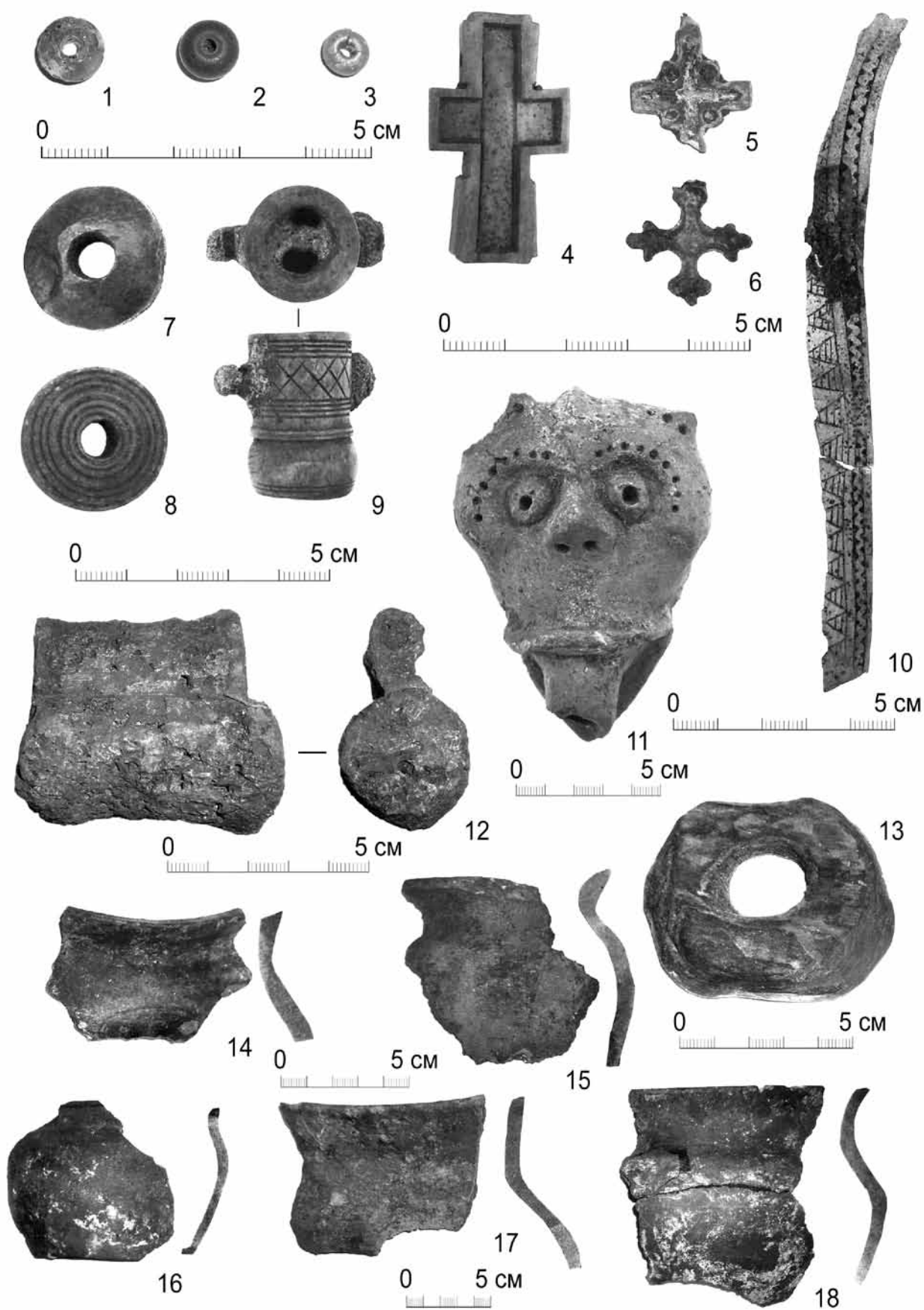

Рис. 1. Вологда. Раскоп на ул. Воровского, 2. Вещевой инвентарь:
1-3 – бусы; 4-6 – кресты-тельники; 7, 8 – пряслица; 9 – навершие; 10 – накладка;
11, 14-18 – фрагменты сосудов; 12 – замок; 13 – поплавок. 1-3 – стекло; 4, 7-10 – кость;
5, 6 – сплавы цветных металлов; 11, 14-18 – глина; 12 – железо; 13 – дерево

и несколько других поделок. Обнаружен также шерстяной пояс. Имеются предметы, которые требуют дополнительного исследования, например, каменная плитка, покрытая с двух сторон геометрическим орнаментом.

В раскопе найдено 13 672 фрагмента круговой керамики, 3 846 фрагментов костей животных. Также в слое обнаружены: скорлупа ореха – лещины, обрезки кожи, слюда, железные шлаки. Находки скорлупы орехов сосредоточены преимущественно в нижнем горизонте слоя, слюда встречается повсеместно.

Несмотря на значительное количество вещевого материала, полученного в результате раскопок, к числу датирующих можно отнести лишь часть из них. К таким находкам относится цилиндрический навесной замок типа В, который может быть датирован по новгородской хронологии серединой XII – началом XV вв. (рис. 1: 12)¹. По этой же хронологии могут быть датированы: буса жёлтая прозрачного стекла – концом XI–XIV вв., буса синяя зонная – XII – серединой XIV вв. (рис. 1: 1, 2) Фрагмент плосковыпуклого перстня ярко-синего стекла может датироваться по новгородской шкале XII–XIII вв.² Крест-тельник бронзовый с криновидными или трёхчастными концами Седовой М. В. по новгородским древностям датировался XIV в. (рис. 1: 6)³. Аналогичные крестики найдены в Белоозере, а также в могильнике Минино II на Кубенском озере⁴. Крест с простыми концами с квадратным средокрестием имеет аналогии в Бело-

озере, Старой Рязани (рис. 1: 5)⁵. Он может быть датирован XIII–XIV вв. Костяные гребни прямоугольной формы появляются в Новгороде только с XIV в.⁶ Простые светцы на одну лучину могут быть датированы XI–XIII вв.⁷ Имеются здесь также материалы, которые могут быть отнесены к XV–XVI вв. и более позднему времени. Это позднесредневековые крестики, в том числе костяной с выемкой для металлической вкладки (рис. 1: 4), сапожные подковы, некоторые стеклянные бусы, круглые костяные пуговицы, позднесредневековая глиняная круговая посуда.

После предварительного датирования вещевого инвентаря с раскопа на ул. Воровского, 2 г. Вологды можно сделать вывод о том, что наиболее ранние средневековые материалы, происходящие отсюда, могут быть отнесены к XII–XIV вв. Среди круговой керамики, работа по классификации которой должна быть в обязательном порядке продолжена, по предварительным данным, имеются сосуды, которые были распространены в Новгороде, в Белоозере в XIII веке и в более раннее время (рис. 1: 14–18)⁸. Ряд находок и керамика XIV–XVI вв. свидетельствуют о продолжавшейся здесь жизни в этот период времени. Необходимо отметить значительную концентрацию в раскопе изделий из кости и рога, заготовок, а также отходов обработки этих материалов: пиленых и резаных рогов, кости. Наибольшая встречаемость этих предметов наблюдалась на уровне построек 2, 3 ярусов. Не исключено, что во время их существования здесь проживали профессиональные косторезы.

¹ Колчин Б. А. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 162.

² Там же. С. 170.

³ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 54.

⁴ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 165, рис. 42, 11; Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. /отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2007. Т. 1: Поселения и могильники. С. 314–318, рис. 305.

⁵ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 166, рис. 43.

⁶ Колчин Б. А. Указ. соч.

⁷ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 61.

⁸ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1956. С. 228–248. (МИА. № 55).; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере, X–XIII вв. М., 1973. С. 160–164.

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧАСТКА ПО УЛИЦЕ БУРМАГИНЫХ, 27-А В Г. ВОЛОГДЕ

В сезоне 2008 г. отрядом экспедиции «Древности Севера» под руководством А. В. Суворова по договору с ОАО «Вологдагражданстрой» проведено археологическое обследование участка по ул. Бурмагиных, 27-а в г. Вологде, отведённого под малоэтажное жилое строительство¹. Этот участок расположен на левом берегу Хрулёва ручья, он прилегает к территории памятника археологии «Вологодское городище».

На участке осуществлён поиск подъёмного материала (визуальный и с помощью металлодетектора), проведены разведочные земляные работы. К моменту обследования на большей части участка культурные отложения отсутствовали – на поверхности повсюду выступал материковый суглинок. Такая ситуация сложилась в результате создания постройки в XX в. и последующего сноса нескольких капитальных сооружений (крупного овощехранилища, нескольких погребов и пр.), имевших обширные подземные части, окружённых обваловками и канавами. В ЮВ части участка находились объёмные отвалы привезённого со стороны грунта. Сплошной сбор подъёмного материала показал, что подавляющая часть артефактов относится к Новому и Новейшему времени. Это преимущественно керамика, собраны также изделия из железа, например, инструменты: кусачки, часть косы. Найдены немногочисленные монеты СССР и РФ. Лишь единичные фрагменты гончарной керамики могут быть датированы поздним Средневековьем.

Для уточнения характеристики сохранившегося в северной и северо-западной частях участка культурного слоя проведены разведочные земляные работы. Заложено 5 шурфов общей площадью 28 кв. м. Шурфы 1, 3–5 имели размеры 2 х 2 м, а шурф 2 – 3 х 4 м. Глубина вскрытия в шурфах составила от 0,04 до 0,7 м. Минимальной была глубина на частично повреждённом участке (шурф 2), а максимальной – на месте отвала от траншеи водопровода (шурф 5). Установлено, что типичными для участка можно признать практически не стратифицированные культурные отложения Нового времени в виде тёмно-коричневого суглинка мощностью около 0,25–0,3 м, покоящиеся на материке в виде плотного жёлто-коричневого суглинка. Отложения подвергались многолетней культивации на всю глубину. Следы глубокой распашки зафиксированы на материке в большинстве шурфов, современная поверхность местами сохранила следы огородных гряд. Бытовой мусор Нового и Новейшего времени во всех шурфах встречен вплоть до материка.

В составе полученной в результате вскрытия

шурфов коллекции доминируют керамические материалы Нового и Новейшего времени: неорнаментированная сероглиняная и реже краснойглиняная керамика с неглубоким обжигом, имеющая на сломе черепка трёхслойную окраску. Присутствует поливная и чёрнолощёная керамика. Железные изделия представлены единичными строительными и подковными гвоздями, обувной подковкой, фрагментами неясных кованых изделий, частью подковы, обломком ножа. Изделия из кости представлены дисковидной пуговицей с центральным отверстием, обломками двух фигурных изделий из рёбер животных. Керамические изделия представлены обломком шаровидного грузила и пряслицем из беложгущейся глины с зелёной поливой. Найдены 2 фрагмента слюды. Изделия из бронзы представлены литым ушком и накладкой с растительным орнаментом (шурф 4).

К позднему Средневековью помимо названной выше накладки могут быть отнесены 6 железных предметов (2 ножа, шило, втулка, стержень и пластина), происходящих из единственного выявленного условно-закрытого комплекса – подпечной ямы (шурф 2). Этим же или несколько более ранним временем (XVI или XV в.) могут быть датированы два железных наконечника стрел – лепесткового типа (шурф 3) и ромбический (шурф 4).

Рис. 1. Схема местоположения Вологодского городища и обследованного в 2008 г. участка (указан стрелкой) на современном плане г. Вологды

¹ Суворов А. В. Археологическое обследование земельного участка по ул. Бурмагиных, 27-а в г. Вологде в 2008 году // ИА РАН. – Р-1; Суворов А. В., Бобкова А. А., Крутиков М. А. Охранные работы ООО «Древности Севера» в Вологде и Вологодской области // АО, 2008. М., 2011. С. 62.

На фоне отсутствия каких-либо объектов в культурном слое представляет интерес позднесредневековая подпечная яма, выявленная в шурфе 2 в северной части участка. Для полного исследования этой ямы площадь шурфа 2 была увеличена вдвое, до 12 кв. м. Глубина вскрытия в шурфе составила от 0,04 до 0,7 м (в пределах ямы). Материк был покрыт бороздами распашки, ориентированными преимущественно по линии северо-восток – юго-запад (присутствовали следы и более ранней распашки по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток). Яма ориентирована по оси юго-юго-восток – северо-северо-запад, имела размеры 2,1 x 1,35 м и углублялась в материк на 0,3–0,5 м. Форма ямы – подпрямоугольная, со скруглёнными углами. Стенки ямы (очевидно, вследствие распашки) в верхней части оплыли. Сверху над проекцией ямы расчищены остатки перекрывавшего её (?) пола. Он сохранился в виде истлевших до состояния волокнистого тлена параллельных горизонтально уложенных досок, ориентированных по линии юго-запад – северо-восток. Сохранность древесного тлена объясняется его перекрытием в период археологизации слоем смешанного материкового суглинка. Это либо остатки распаханного развала глинобитной печи, либо материковая порода, перемещённая при пахоте вниз по пологому склону (к северо-востоку от ямы на возвышающемся участке материка па-

хотные борозды практически не были заметны). За пределами ямы остатки постройки уничтожены распашкой и срезкой грунта. Заполнение ямы – тёмный серо-коричневый суглинок с включениями угольков и крупинок печины, расколотых печных камней. В его составе встречена позднесредневековая гончарная керамика (462 фр. весом 6,206 кг), кухонные остатки – фрагментированные кости животных со следами разрубания (263 экз.), 6 перечисленных выше изделий из железа. Существенно отметить, что среди множества фрагментов керамики в заполнении ямы случаи ремонтажа единичны, развалы сосудов отсутствуют вовсе. Среди костей преобладают сильно повреждённые небольшие фрагменты: кости разрубались, раскалывались, некоторые эпифизы и фрагменты рёбер сохранили следы разгрызания. Большинство костей из числа определённых принадлежит корове: определены фрагменты черепа (2 части глазницы, основание опиленного левого рога), 1 верхняя правая челюсть, 1 нижняя левая челюсть, 3 нижних правых челюсти, 3 зуба, 8 рёбер, 1 бедренная, 1 берцовая кости. Кости других животных определены в меньшем количестве: 1 ребро козы или овцы, 1 фаланга овцы, 1 ребро свиньи. Кости птиц представлены: 1 плечевой костью куры и мелкими неопределимыми фрагментами. Имелись в яме и малочисленные кости рыб неудовлетворительной сохранности.

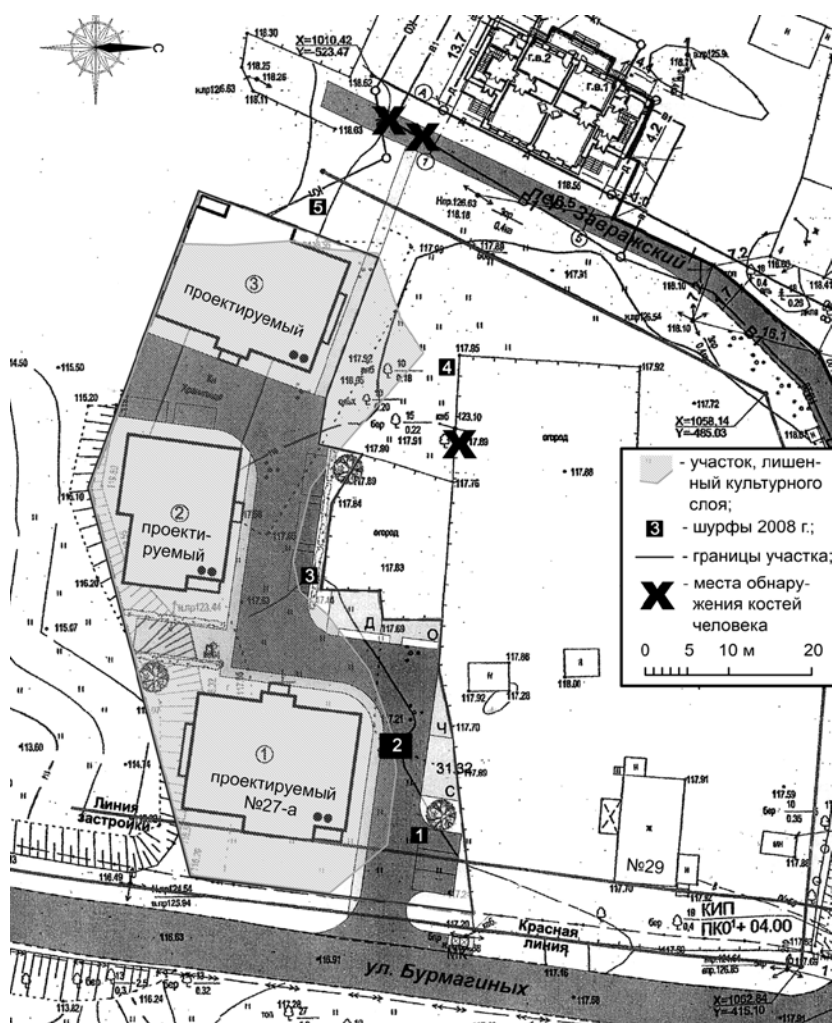

Рис. 2. План застройки участка по ул. Бурмагиных, 27-а в г. Волгоде

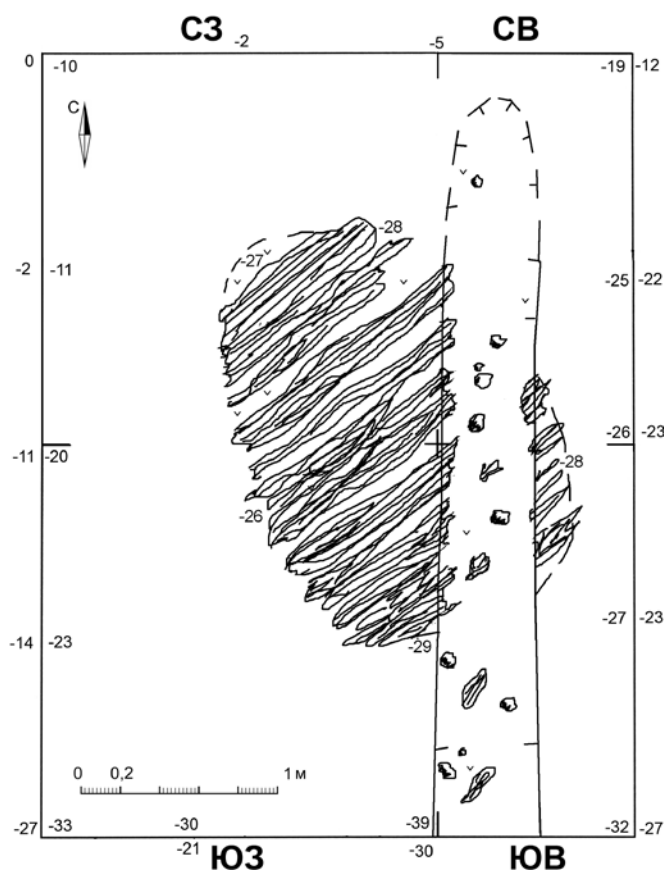

Рис. 3. План шурфа 2 по низу пласта 1.
За «0» принята отметка, соответствующая
поверхности земли у северо-западного угла шурфа

Коллекции вещей (28 экз.) и информативной керамики (183 фр.) с участка в 2009 г. переданы в ГУК «Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Непосредственно к западу от обследованного участка, на трассе Завражского переулка (в месте пересечения его траншеей ливневой канализации и водопровода, идущей от дома № 8 к юго-востоку), на поверхности обнаружены фрагментированные при строительстве костные останки людей, принадлежащие нескольким индивидам, среди которых присутствовали мужчины, женщины и подростки. Сохранность кости соответствует периоду от позднего Средневековья до Нового времени. На плане отмечено также место к северу от участка на соседнем огороде (ул. Бурмагиных, 29), где, по сообщению местной жительницы, под корнями старой березы в конце XX в. будто бы также был обнаружен скелет взрослого человека. Возможно, это следы существования так называемых «убогих домов», или «скудельниц» – мест погребения умерших неестественной смертью, с которыми, в частности, связан известный цикл вологодских преданий о белоризцах, впервые зафиксированных во второй половине XV в. в житии Димитрия Прилуцкого². Часовня белоризцев в урочи-

² Панов Л. С. История одной легенды // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 54–61; Суворов А. В. Память вологжан о великих уособицах (середина XV века) // Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города. Вологда: Древности Севера, 2004. С. 36–37.

ще Поляна, около которой недавно выявлены такие захоронения, находится в 300 м к северо-западу от обследованного участка.

Подводя итоги, отметим, что культурный слой в пределах участка по ул. Бурмагиных, 27-а сохранился лишь фрагментарно. Это мало насыщенные инвентарём отложения, сформировавшиеся преимущественно в Новое и Новейшее время, подвергавшиеся длительной культивации. Здесь, как и на Вологодском городище, культурный слой хорошо сохраняет кости и изделия из цветного металла, а железо представлено в сильно коррозированном виде. Наряду с поздними артефактами встречены единичные позднесредневековые находки. Исследована подпечная яма позднего Средневековья. Можно констатировать, что заселение этого участка на левом берегу Хрулёва ручья, некогда окружавшего крепость, произошло, видимо, лишь после переноса городских укреплений при Иване IV (середина XVI в.) на новое место вблизи устья р. Золотухи. Со временем существования укреплений здесь, на Горе, могут быть связаны находки двух наконечников стрел, видимо, потерянных при выстреле.

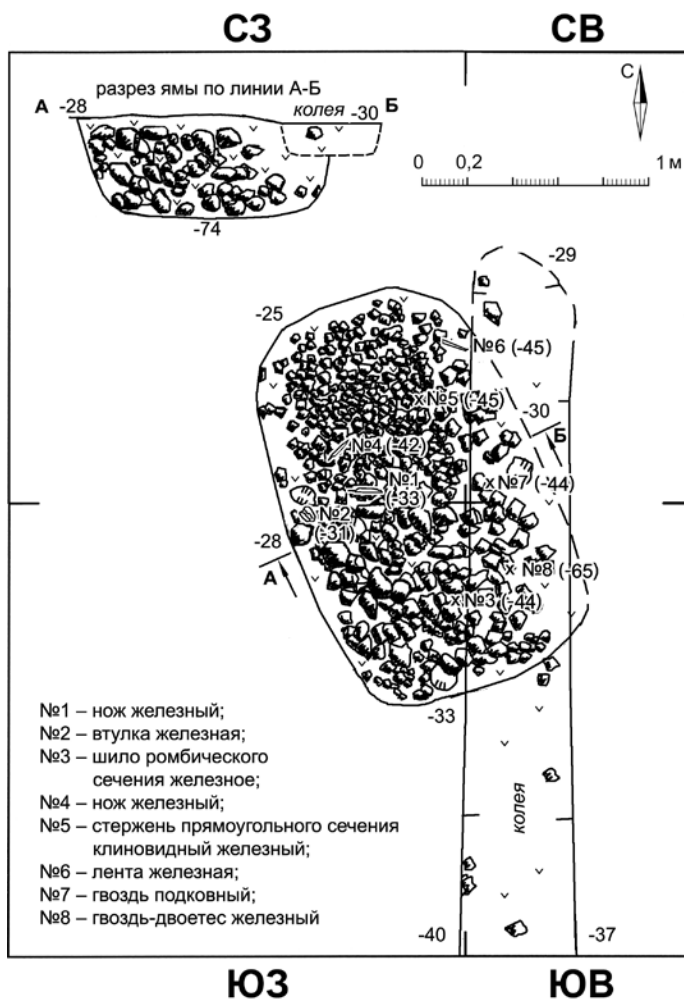

Рис. 4. План и разрез подпечной ямы в шурфе 2,
индивидуальные находки в её заполнении.
За «0» принята отметка, соответствующая
поверхности земли у СЗ угла шурфа

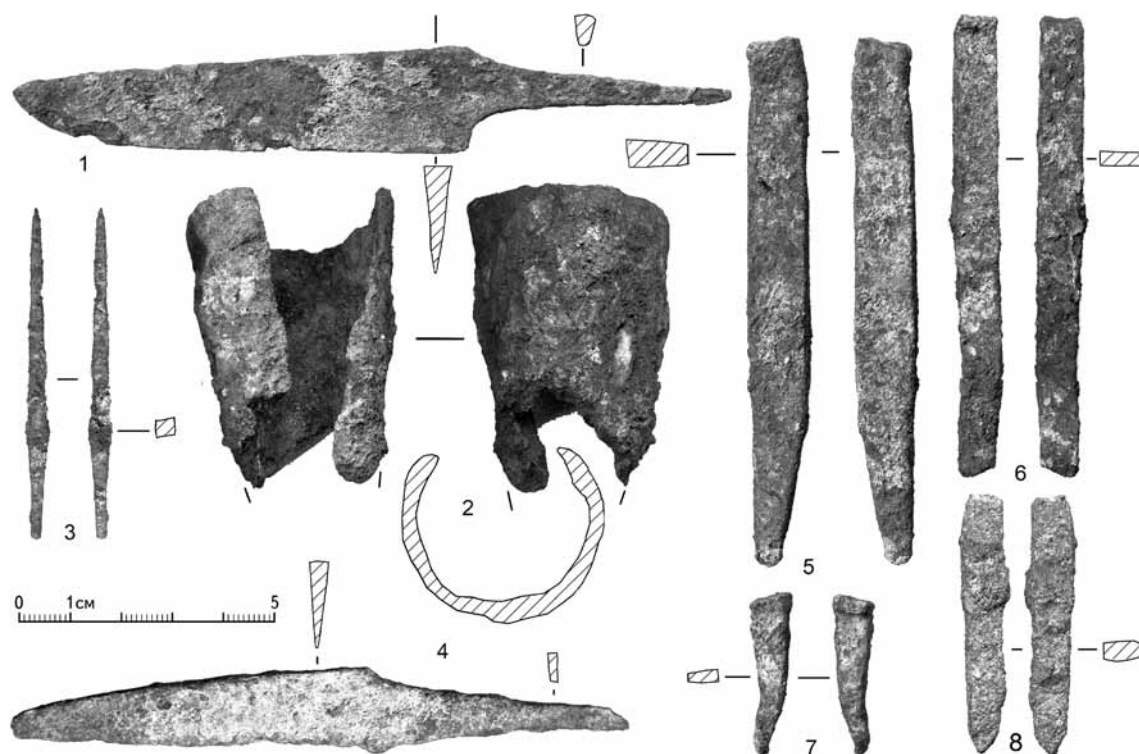

Рис. 5. Шурф 2, инвентарь подпечной ямы (железо, сохранена полевая нумерация):
1, 4 – ножи; 2 – втулка; 3 – шило; 5, 6 – стержни; 7 – подковный гвоздь; 8 – гвоздь-двоетёс

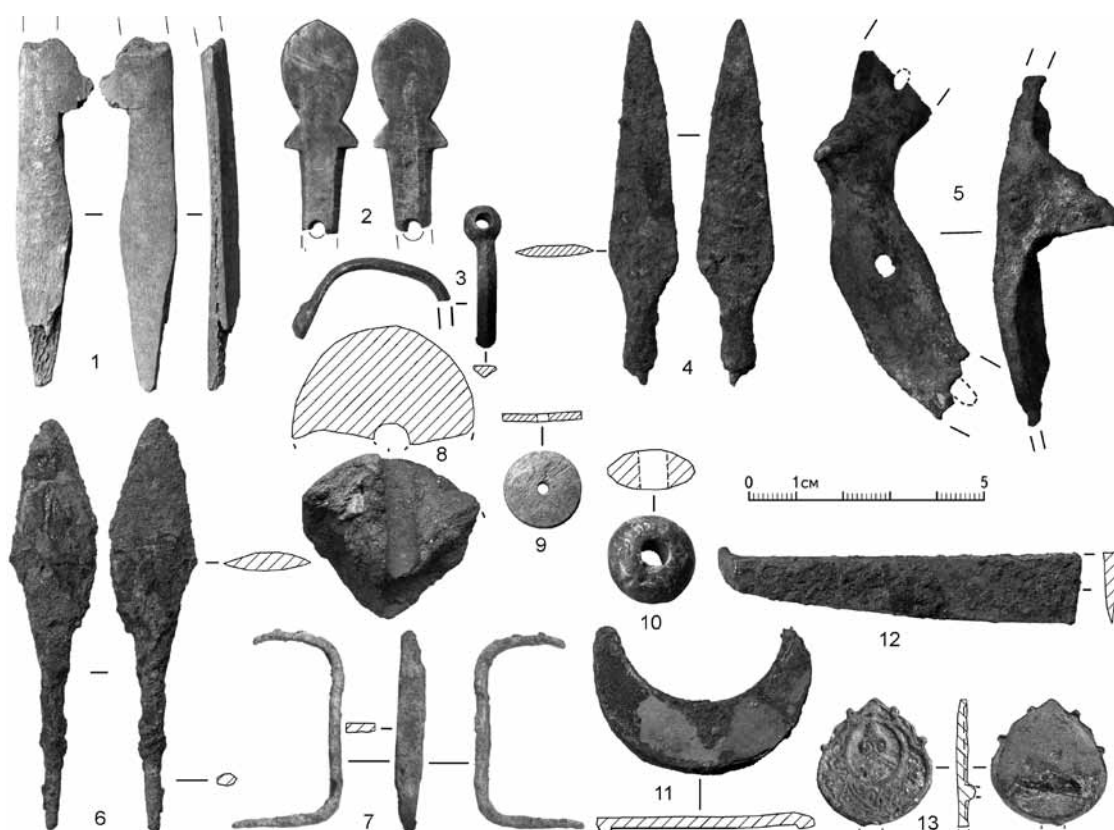

Рис. 6. Инвентарь шурфов: 1, 2 – изделия фигурные (?); 3 – ушко бронзовое; 4 – наконечник стрелы лепесткового типа; 5 – подкова; 6 – наконечник стрелы ромбического сечения; 7 – скоба ленточная; 8 – грузило шаровидное; 9 – пуговица дисковидная с отверстием; 10 – пряслице из беложгущейся глины с зелёной поливой; 11 – подковка сапожная; 12 – нож; 13 – накладка литая с растительным орнаментом.
Шурф 1 – 9; шурф 3 – 1–5, шурф 4 – 7, 8, 13; шурф 5 – 10, 11.

Материал: 1, 2, 9 – кость; 3, 13 – бронза; 8, 10 – керамика; 4–7, 11, 12 – железо

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК г. ВОЛОГДЫ 2007–2008 ГОДОВ

Прядение и ткачество с незапамятных времён занимали одно из важнейших мест в домашних промыслах и ремёслах наших предков. Не утрачено значение этих занятий и в наши дни.

Текстильные изделия часто представлены среди археологических материалов. Большую коллекцию находок составляют фрагменты тканей, обнаруженные в погребальных комплексах. Особенно много текстильных изделий найдено при раскопках древнерусских городов: Новгорода, Белоозера, Пскова, Старой Ладogi, Москвы, Гродно, Рязани и других.

Комплексному анализу полученных в ходе раскопок изделий и инструментов прядильно-ткацкого производства посвящены работы Н. Б. Черных, М. Н. Левинсон-Нечаевой, А. Нахлика, О. И. Дазидал и других исследователей¹.

Обращение к предметам текстильного производства приобретает особую значимость и актуальность, поскольку позволяет наиболее полно восстановить картину жизни и быта представителей средневекового русского города. Находки вызывают интерес и заслуживают специального рассмотрения ещё и потому, что дают возможность выяснить, насколько сильно изменились за 400–500 лет материал для изготовления тканей, способы плетения и ткачества, используемые инструменты, красители и т. д.

В ходе археологического изучения Вологды также были собраны коллекции текстильных изделий, основу которых составили материалы археологических раскопок, проводимых И. П. Кукушкиным в исторической части города в 1994–1995 гг.²; а также предметы, обнаруженные в ходе масштабных археологических исследований по адресу пр. Победы, 20 (2007–2008 гг.) под руководством Л. С. Андриановой³ и Н. Б. Васильевой⁴.

¹ Черных Н. Б. Новгородские ткани из Неревского раскопа // Вестник МГУ. № 4. 1958. С. 101–112; Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. 1959. С. 9–37. (Труды ГИМ. Вып. 33.); Нахлик А. Ткани Новгорода // Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4. 1963. С. 228–314. (МИА. № 123); Дазидал О. И. Ткани Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 22. 1981. С. 103–113.

² Кукушкин И. П. Отчёт об охранных археологических мероприятиях в г. Вологде по адресу: набережная VI Армии, дом 145. Вологда, 1995; Кукушкин И. П. Вологодское городище // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда. С. 36–46.

³ Андрианова Л. С. Отчёт об археологических раскопках на территории г. Вологды (пр. Победы, 20) в 2007 г. // ИА РАН.

⁴ Васильева Н. Б. Отчёт об археологических раскопках на территории г. Вологды (пр. Победы, 20, ул. Бурмагиных, 37) в 2007 г. // ИА РАН.

Основным источником исследования стала коллекция текстильных изделий, собранная в 2007 г. Данные о предметах коллекции были занесены в таблицу, составлены характеристики находок, проведена атрибуция каждого предмета коллекции: выявлены размеры, цвет, материал и способ переплетения нитей, степень сохранности изделий, произведена их фотофиксация в натуральную величину и с увеличением от 10 до 60 раз. Кроме того, специалистом ГУ «Вологодская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции России» И. Х. Растопчиной проведено химико-биологическое исследование трёх наиболее интересных фрагментов тканей и одной верёвочки. Экспертиза проводилась с помощью микроскопов «МБС-10» при увеличении в 28 раз, «JENAMED» при увеличении в 200 раз и набора химических реактивов.

Коллекция археологического текстиля 2007–2008 гг. собрана в ходе охранных археологических раскопок по адресу пр. Победы, 20. Вещи происходят из 2, 4 и 5-го строительных горизонтов, предварительно датирующихся периодом конца XV–XVIII вв. Коллекция состоит из 12 экземпляров изделий, где самую многочисленную группу (7 предметов) составляют фрагменты кручёных верёвочек различной длины (от 6 см до 13 см) и диаметра (от 0,8 см до 3 см), изготовленные из лубяных волокон, вероятнее всего, из пеньки или льна (рис. 1). Пять верёвочек хроноло-

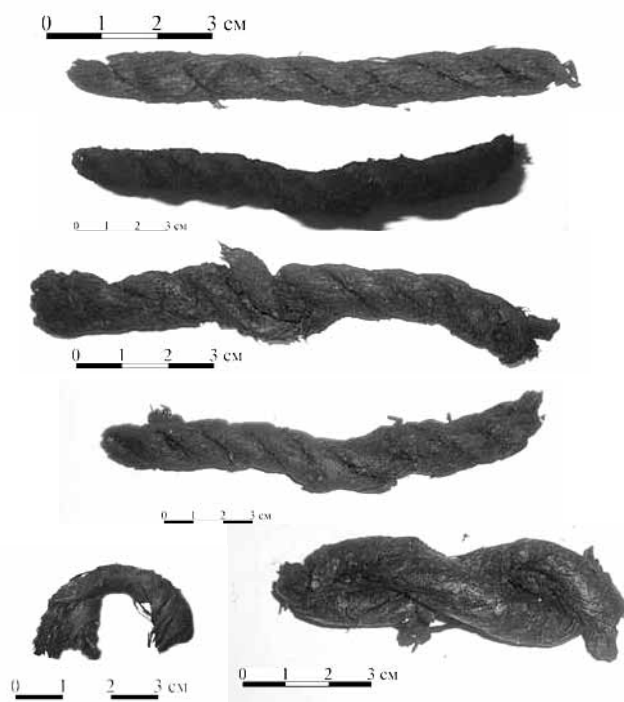

Рис. 1. Фрагменты верёвочек из археологических раскопок на Кремлёвской площади г. Вологды в 2007 г.

Рис. 2. Фрагмент хлопчатобумажной ткани

гически относятся к концу XV–XVI вв., две – ко второй половине XVII – началу XVIII в. Сохранность большей части находок относительно хорошая. Лишь два фрагмента распались на части и один – рассыпался.

Вторую группу представляют фрагменты различных тканей. На ткацком станке изготовлена аккуратно сложенная в несколько слоёв хлопчатобумажная ткань, изготовленная путём взаимного (полотняного) переплетения основных и уточных нитей (рис. 2). Она найдена в развале печи одного из жилых помещений, датируемого периодом XVII–XVIII вв. Ткань имеет достаточно крупные размеры – 30 x 19,5 см, чёрного цвета. Изделие побывало в огне, сильно обожжено, края обветшали.

Ещё один фрагмент ткани представляет собой край тканного на станке шерстяного изделия коричневого цвета. Ткань создана путём полотняного переплетения основных и уточных нитей, состоящих из шерстяных волокон (в основном пушковых и переходных). Обнаружено в слое, датируемом XVII–XVIII вв. (рис. 3).

Очень плохо сохранился фрагмент изделия, сплетённого из волокон растительного происхождения (рис. 4). Его размеры и тип переплетения практически не определимы, цвет – чёрно-коричневый. Хронологически фрагмент можно отнести к XVII в.

Третью группу составляют 4 фрагмента ниток льняной кудели, намотанных на деревянные катушки-палочки (рис. 5). Нитки были помещены в чугунную сковороду. При этом они побывали в огне, так как обожжены сами нити и дерево большинства катушек, имеют чёрный цвет. Находки залегали в слоях XVII – начала XVIII вв. вместе с хлопчатобумажной тканью. Учитывая состав находок, можно предположить, что все эти предметы были частью какого-то женского рукоделия.

На существование в средневековой Вологде прядильного дела кроме самих текстильных изделий указывают находки инструментов, постоянно встречаемые при раскопках. Среди них можно назвать различные пряслица, изготовленные из шифера⁵, известняка, глины, кости; части деревянных трепал и чесал⁶; железные булавки-спицы для крепления кудели к лопасти прялки⁷.

Письменные источники фиксируют в конце XVI – начале XVII вв. развитие в Вологде канатно-прядильного производства, а также массовые поступления на городской рынок пеньки, льна, отечественных и импортных тканей⁸.

Среди ремесленных профессий посадского люда Вологды первой трети XVII века в документах часто фигурируют специалисты по обработке текстильного сырья: прядильщики (льна и конопли), а также различные мастера, работавшие уже с готовыми тканями: холщевники, портные, шапочники, колпачники, рукавичники, красильники⁹. Данный факт свидетельствует о высоком уровне специализации прядильно-ткацкого производства и дифференци-

⁵ Никитин А. В. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 22; Башенькин А. Н., Кукушкин И. П. Древняя Вологда // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вып. I. Вологда, 1994. С. 36. Рис. 2: 1.

⁶ Кукушкин И. П. Вологодское городище... С. 40–41. Рис. 1–5.

⁷ Башенькин А. Н., Кукушкин И. П. Указ. соч. С. 41. Рис. 2: 7.

⁸ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. М., 1983. Т. II. С. 4–15; Булгаков М. Б. Деятельность западноевропейского купечества в городе Вологде в первой половине XVII века // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003. С. 24.

⁹ Мерцалов А. Е. Очерк истории города Вологды по писцовой книге 1627 года. Вологда, 1885. С. 38–39.

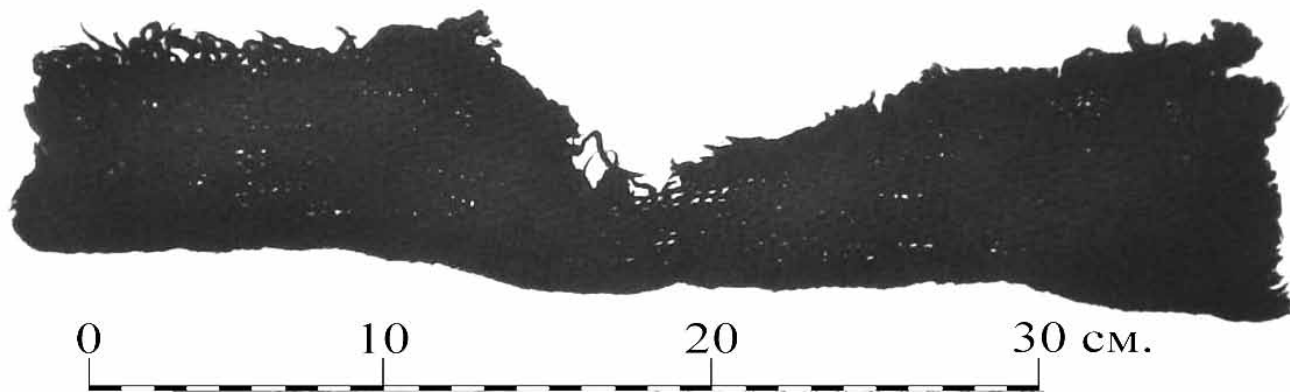

Рис. 3. Фрагмент шерстяной ткани

ации связанных с ним профессий в средневековом городе. Так, в писцовой книге Вологды 1627 г. упоминается «бобыль Ивашко Олексеев сын, прядильщик», проживающий на дворе главы Московской английской компании Ф. Ульянова¹⁰. А в дозорной книге посада Вологды 1616–1617 гг. указываются сведения о запусении после польско-литовского разорения города в 1612 г. двора «Томилка прядильщика» (так в тексте)¹¹.

Интересным представляется тот факт, что прядение пеньковой пряжи являлось распространённым промыслом исключительно местного населения, заниматься им многочисленным в Вологде иностранным купцам было запрещено¹². Однако именно голландские и английские торговцы имели в городе дворы, оборудованные прядильнями. Причём у первых промышленные предприятия-прядильни были мелкими, а у вторых они являлись мануфактурами. На английский канатный двор закупалась пенька. В писцовой книге Вологды 1627 г. упоминается около 30 дворовладельцев-прядильщиков. М. Б. Булгаков приводит описание организации первичной обработки пеньки в 1630-х гг.: «...и как пеньку купят и роздают... многим разным людям: трепальщикам, и чесальщикам, и прядильщикам порознь... а принимают обработанную пеньку из дела по весу и за

¹⁰ Булгаков М. Б. Указ. соч. С. 27.

¹¹ Черкасова М. С. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века // Вологда: краеведческий альманах Вып. 3. Вологда, 2000. С. 99.

¹² Черкасова М. С. О деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII – начале XVIII века // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен: сб. ст. / гл. ред. Г. В. Судakov. Вологда, 2002. С. 329.

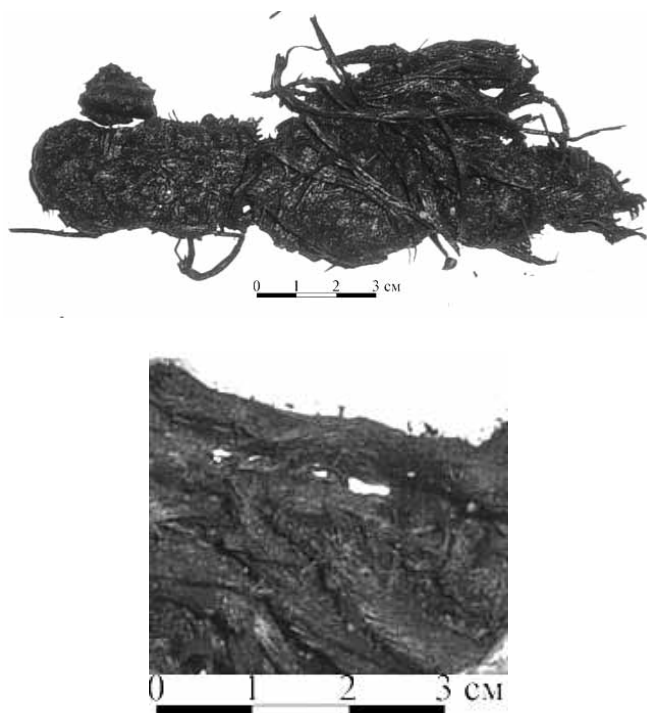

Рис. 4. Фрагмент плетёного изделия из раскопок на Кремлёвской площади г. Вологды в 2007 г.

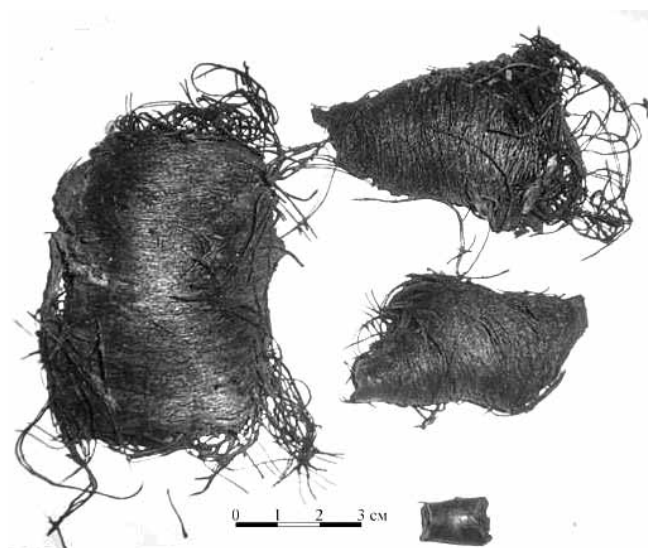

Рис. 5. Льняная кудель, намотанная на катушки

всякое мастерство, и за работу мастеровым людям и работникам по договору деньги платят». Исследователь приходит к выводу о том, что «производство было организовано по принципу смешанной мануфактуры, когда некоторые операции выполнялись на дому наёмными работниками (мастеровыми), а окончательная переработка пеньки в канаты – в центральной мастерской – на канатном дворе. Только одних трепальщиков, чесальщиков и прядильщиков на канатной мануфактуре в Вологде было 400 человек. Канаты были необходимы для английского торгового и военного флота. Кроме вологодского предприятия, канатные мануфактуры были в Холмогорах и Архангельске»¹³.

Кроме тканей, произведённых в местных условиях, огромное их количество ввозилось в Вологду из других регионов и городов страны, из-за границы: это разные сорта сукон – «настрафиль», «каразея», немецкий и венецианский шёлк, бархат и атлас гладкий, камка индийская и другие¹⁴. Наглядным источником здесь является таможенная книга Вологды 1634/1635 гг., где среди множества других товаров перечисляются и разнообразные ткани и изделия из них: «Московской немчин Павел Вестов явил в проезд 60 ар. бархату черново, ... 60 ар. камки куфтеру красного и желтого, 180 ар. тики евской, 82 ар. отласу красного, 100 ар. тафты, 10 косячков изуфей, 100 бобров немецких. Да Еремея Пантелеева 60 ар. отласу глаткого... Да Василья Александрова 60 ар. бархату черного... Ярославца Яков Авдеев явил в проезд 16 подставов сукон лундышев, 6 подставов аглинских, 15 подставов настрафилей, 2 подстава кострышев, 10 подставов аглинских меньшие земли, 300 ар. тафты, 4 косячки камки куфтеру, 13 ар. бархату, косяк камки аламашки, пуд кружив кованых...»¹⁵. Источниками зафиксирован факт покупки в 1638 г. крестьянином дворцового села Фрязинова Дружиной Губановым у англичанина Елизария Пикаеса 11 пудов «урезчатых вершков» английских сукон¹⁶. Из Вологды вы-

¹³ Булгаков М. Б. Указ. соч. С. 35.

¹⁴ Черкасова М. С. Иностранные купцы... С. 99.

¹⁵ Таможенная книга... С. 71, 80.

¹⁶ Черкасова М. С. О деятельности... С. 332.

возилось огромное количество текстильного сырья и, возможно, тканей местного производства. Так, известный вологодский гость Г. М. Фетиев во второй половине XVII в. тысячами пудов скупал у русских и иностранцев в Вологде, Москве, Калуге пеньку и, в свою очередь, подряжался поставлять её иностранцам в таких же количествах¹⁷.

Что касается окрашивания тканей, то исследование этнографических данных¹⁸ и изучение дикорастущих в районе Вологды и округи растений¹⁹ позволяют предположить использование местных красителей растительного происхождения (зверобой, череда, берёза, дуб, осина, липа, черника, василёк, крапива и т. д.), дающих краски разных цветов. Письменные источники содержат сведения об импортируемых красителях, среди которых явно преобладает «крутик»²⁰ – синяя краска. Под таким названием в XVI–XVII вв. на Русь ввозилось восточное «индиго»²¹. Вот одна из многих записей таможенной книги Вологды о завозе в город российскими и иноземными купцами различных красителей: «Ярославец Никита Иванов явил в проезд на

2 санех 8 п. 11 ф. краски крутику, 5 п. 22 ф. яри, 20 п. 2 п. белил, 6 п. масла спикинардова...»²².

Подводя итог проведённому исследованию, необходимо отметить, что анализ имеющегося в коллекциях материала и письменных данных позволил с достаточной долей достоверности воссоздать основные этапы прядильно-ткацкого производства Вологды XV–XVIII вв., среди которых можно выделить прядение, кручение, плетение, ткачество – ручное и на станке; окрашивание. Наличие среди материалов коллекции изделий растительного и животного происхождения указывает на использование в производстве различных видов текстильного сырья (лён, пенька, шерсть). Присутствие тканей с хлопковой основой, таких, как обожжённый фрагмент ткани, свидетельствует об их привозном характере и подтверждает данные письменных источников о существовании широких торговых связей Вологды не только внутри государства, но и за его пределами. В свою очередь, многочисленные пеньковые и льняные верёвочки, фрагменты изделий, вероятнее всего, изготовлены в Вологде или округе.

Используемое сырьё, основные этапы изготовления изделий, способы переплетения нитей, применяемые для прядения и ткачества инструменты могут свидетельствовать об определённой схожести исследованных образцов из раскопок Вологды с аналогичными материалами других городов средневековой Руси, подробно проанализированными в историко-археологических и этнографических исследованиях.

²² Таможенная книга... С. 39.

¹⁷ Заозерская Е. Вологодский гость Г. М. Фетиев: (Из быта торговых людей XVII в.) // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Т. I. Л., 1928. С. 195.

¹⁸ Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Севера // Сборник МАЭ. Т. XV. М.; Л., 1955. С. 120; Рюмин В. В. Крашение шерстяной пряжи и тканей в различные цвета. Вологда, 1910.

¹⁹ Левинсон-Нечаева М. Е. Указ. соч. С. 97–101.

²⁰ Таможенная книга... С. 35, 40, 57, 62.

²¹ Черных И. Б. Указ. соч. С. 111.

Е. И. ПРАВЕДНИКОВ – ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ТОТЕМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Рис. 1. Е. И. Праведников

В течение нескольких лет Николай Васильевич Гуслистов вёл поиски археологических памятников на территории Тотемского района. В поисках следов чуди заволочской им обследовано Старототемское городище (раскопки раннехристианского кладбища) и проведены раскопки Марьинского и Семёновского могильников на Сондуге. Без сомнения, он был знаком с работами тотемских краеведов, любителей археологии Е. И. Праведникова и Н. А. Черницына. Их археологические исследования в 1920–1930 гг. получали высокую оценку профессора археологии А. А. Спицына. И если деятельность Н. А. Черницына известна широкому кругу специалистов, то имя Е. И. Праведникова незаслуженно забыто. А между тем, началом активной исследовательской деятельности в области археологии в Тотемском районе послужило сообщение Е. И. Праведникова об открытии им в 1918 г. Черняковской стоянки – первой стоянки каменного века на востоке области¹. Его работы и отчёты о раскопках не опубликованы, деятельность в области археологии не исследована. Личность его как человека неординарного, талантливого художника и преподавателя Петровской ремесленной школы, энтузиаста тотемского родиноведения, а также его деятельность по изучению первых археологических памятников на Сухоне и сегодня может представлять интерес для широкого круга специалистов.

¹ Спирина Д. В. Научно-археологическое наследие Н. А. Черницына // Тотма: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 7–10.

Страницы биографии. Евгений Иванович Праведников родился в 1890 г. в Курске², в семье чиновника губернского правления; по другим сведениям – в Петербурге в семье крупного промышленника – Ивана Николаевича Праведникова. Мать – Анна Карловна Ламм, по национальности польская немка, занималась воспитанием детей³. Родители рано заметили способности сына к рисованию и определили его в Пензенское художественное училище. Затем – учёба в Петербургской академии художеств, в мастерской профессора Кардовского, участие в выставках Нового общества художников «Товарищ» в Петербурге с 1911 по 1917 г.⁴

По другим сведениям, Евгений Иванович учится в Петербургском университете. Он – участник Первой мировой войны. Накануне Февральской революции преподаёт в одной из кадетских школ Петродворца.

В 1917 г. спасаясь от голода и, возможно, от революционных событий, семья переезжает в провинцию, в Тотьму⁵.

Случайно ли этой провинцией стала для художника Тотма? Думаем, что нет. В 1911 г. в Академии художеств проходит первая выставка работ Евгения Ивановича⁶. В том же году работы тотмичей, учащихся Петровской ремесленной школы, были представлены на выставке в залах Императорской Академии художеств в Петербурге⁷. Полагаем, что молодой художник не мог обойти вниманием игрушки тотемских ремесленников, не раз получавших престижные международные награды в Берлине, Париже, Бельгии, Нидерландах. Возможно, поэтому, когда для семьи Праведниковых встал вопрос о переезде в провинцию, выбрали Тотьму. Здесь художника ждала интересная работа в известном «ремесленно-игрушечном центре России» – русском Нюрнберге (так называли в то время наш город в столичном журнале «Нива»)⁸.

В Тотьме семья поселилась на Пролетарской улице в двухэтажном доме Пинаевских. О семье художника мы знаем немного: у него были дочь и жена, «очень красивая, с нежно-розовой кожей и копной золотистых светлых волос»⁹. Возможно, именно её изобразил художник на своей картине «Осенние мечты» (см. приложение, рис. 37).

² Воспоминания Каплиной, 1987 // ТМО. Ф. 1345. 1919. Л. 1.

³ Праведников Е. И. Автобиография // ТМО. Ф. 1345/1. 1919. Л. 1.

⁴ Опросный лист, 1919 // ТМО. Ф. 1345/2. 1919. Л. 1.

⁵ Спирина Д. В. Указ. соч. С. 9.

⁶ Опросный лист...

⁷ Воронина Т. В. Петровская ремесленная школа // Тотма: историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 97.

⁸ Там же.

⁹ Воспоминания Каплиной...

В Петровской ремесленной школе его назначают руководителем художественной части, кроме того, он ведёт класс рисунка¹⁰.

Человек разносторонних интересов, он быстро знакомится с тотемской интеллигенцией. Совместно с местными художниками готовит декорации к спектаклям народного театра, сам выступает как актёр, преимущественно комического амплуа¹¹. В этнографических экспедициях он делает зарисовки крестьянских усадеб, иллюстрирует книгу «Крестьянская изба на Севере России»¹². Много и с увлечением занимается краеведением, выступает с докладом на общем собрании Тотемского отделения ВОИСК, в котором по каждому направлению краеведения предлагает подробную программу исследований Тотемского края. В фондах музея сохранился «План работы Тотемского научного общества»¹³, составленный Евгением Ивановичем.

«Никакой сколько-нибудь правильной и планомерно построенной археологической работы до работ местного музея в крае не велось», – пишет Евгений Иванович в «Географическом очерке». Население, обнаружившее «случайные находки каменных орудий, придавало кремнёвым наконечникам и сильно удлинённым ядрищам... значение «громовых стрел», связывая с ними магическое свойство благоприятных талисманов и становясь в тупик перед полированными «шиферными» топорами. Таким образом, несмотря на редкие, прямо единичные, случайные находки, места древних поселений

в крае до 1918 г. не были известны никому»¹⁴.

Осенью 1918 г. при обследовании левого берега р. Сухоны в 1 версте от г. Тотьмы, на невысоком холмообразном возвышении под названием Круглец у деревни Черняково, Е. И. Праведниковым была открыта Черняковская стоянка. «Никаких слухов, преданий и указаний ни от кого не поступало, а местонахождение открыто по наружным признакам», – пишет Евгений Иванович. «В разрезе обвалов под тонким слоем дёрна... была подмечена угольно-зольная прослойка, в которой можно было усмотреть черепки глиняной посуды и многочисленные кремнёвые осколки-стружки... разнообразные по цвету кремня и величине»¹⁵.

Кроме того, Евгению Ивановичу удалось найти два наконечника. Вот как он их описывает. «Один сработан довольно неряшливо с ретушью с одной стороны. Другой – замечательно красив и по цвету кремня красный с дымчатым пятном у черенка, по изящной форме мог служить украшением любой коллекции. Сечение чечевицеобразное, стороны правильно округлены, ретушь чистая, мелкая, острая, типа Поволжских находок и Западной Сибири» (рис. 2)¹⁶.

Весной 1921 г. Евгений Иванович сообщает о своём открытии директору музея Н. А. Черницину. Теперь уже вместе они совершают частые «экскурсии» на Круглец с целью сбора материала¹⁷.

По наблюдениям Евгения Ивановича, Черняковская стоянка была испорчена выемками песка.

¹⁴ Праведников Е. И. Географический очерк, 1926 // ТМО. Ф. 57. Л. 4.

¹⁵ Праведников Е. И. О поселениях чуди на берегах р. Средней Сухоны близ г. Тотьмы Вологодской губернии, 1921 // ТМО. Ф. 32. 1921. С. 8.

¹⁶ Черницын Н. А. Археологические разведки и раскопки на реке Сухоне у д. Черняково под г. Тотьмой, 1925. // ТМО. С. 2.

¹⁷ Там же.

Рис. 2. Кремнёвые изделия с Черняковской стоянки. 1–3 – скребки; 4–8 – наконечники стрел

Рис. 3. Керамика с Черняковской стоянки

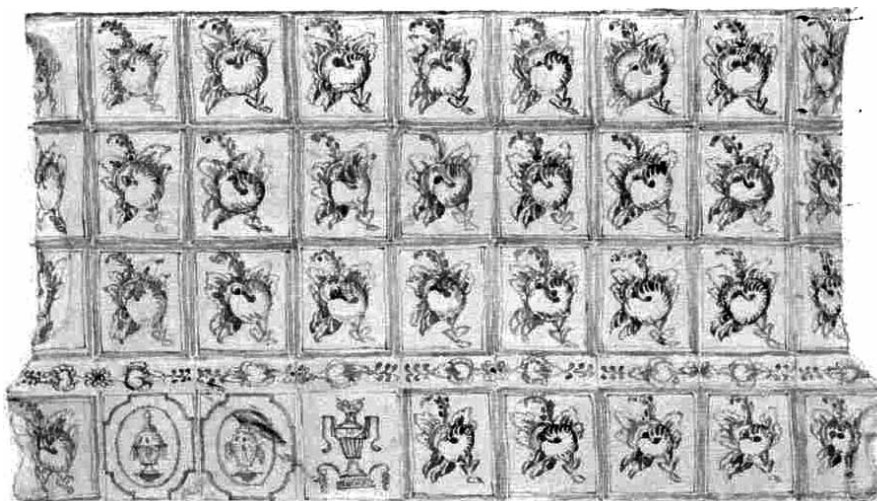

Рис. 4. Изразцы из раскопок керамического завода. Рис. И. Е. Праведникова

«В летнее время почти всегда здесь можно увидеть играющих в песке крестьянских детей, здесь же белятся холсты, стоят качели, в праздники собирается гуляющая молодёжь. На зиму в песке роются ямы для хранения картофеля»¹⁸.

Испорченное состояние памятника, осыпи с остатками культурного слоя заставили исследователей частично раскопать некоторые участки в юго-западной части стоянки. Там были найдены обломки крупных орудий, два небольших треугольных совершенно одинаковых по форме и по ретуши скребка.

После получения Открытого листа, 18 и 29 августа 1923 г. Н. А. Черницын проводит первые археологические раскопки Черняковской стоянки на Круглице¹⁹. В них принимают участие семь членов Общества юных любителей краеведения.

Н. А. Черницын вспоминает: «Долгое время на черняковских черепках не было подмечено орнамента, и только в конце лета в западной части стоянки мы услышали радостный крик Праведникова: «Орнамент!».

Это был «венчик слабого обжига, толщиной 6 мм, с зубчатым штампом-чеканом».

Всего в ходе раскопок найдено: 27 черепков (фрагментов) керамики с орнаментом и 125 – без орнамента. Обжиг слабый, лучше обожжены тонкостенные фрагменты (рис. 3)²⁰.

Таким образом, Евгением Ивановичем Праведниковым в 1918 г. была открыта первая стоянка каменного века в Тотемском районе.

Раскопки керамического завода. Весной 1921 года совместно с Н. А. Черницыным и М. Е. Арсаковой он участвует в экстренных раскопках старинного керамического завода первой половины XVIII в. на левом берегу Сухоны в 2,5 верстах от города вниз по течению. Во время раскопок были вскрыты кучки брака, изразцового боя и выбраны наиболее крупные и характерные образцы для музея. По материалам раскопок исследователем была написана работа «Исчезнувшее производство», в которой он отмечает «разнообразие рисунков, красоту экспозиции, прелестную наивность сюжета на расписных гладких изразцах» (рис. 4). Интересно,

¹⁸ Праведников Е. И. О поселениях чуди... С. 6.

¹⁹ Черницын Н. А. Старототемская стоянка, 1925. Машинопись // ТМО. Ф. 47. № 195. Л. 5.

²⁰ Там же.

что со временем художник установил сходство этих изразцов с печами в доме краеведа Григорова и мешанина Логинова в Тотьме, Архиерейского дома в Вологде, палатами Строгановых в Сольвычегодске. В ходе переписки с Суздальским музеем установил, что из таких изразцов сложена печь в келье бывшей царицы Евдокии Лопухиной в Покровском женском монастыре Суздаля²¹.

Старототемское городище. Узнав о том, что город Тотьма первоначально находился при устье одноименной реки в 15 верстах вниз по течению Сухоны, Евгений Иванович в конце лета 1921 г. посещает устье р. Старая Тотьма. «То, что обнаружилось, превзошло всякие ожидания. Кругом, насколько хватало глаз, ... на каждом шагу пески с древнейшими культурными прослойками, зольниками, черепки горшков, осколки кремня»²². Особое внимание Евгения Ивановича привлекла узкая высокая коса, в начале которой стояла церковь. Совершив самый поверхностный осмотр, он находит массу черепков, костей животных, поделки из оленьего рога, точильные брусочки, каменный шиферный (сланцевый) топор грубой работы.

В ноябре 1921 г. Евгений Иванович завершает работу «О поселениях чуди на берегах р. Средней Сухоны близ г. Тотьмы Вологодской губернии». В ней он излагает свой взгляд на принадлежность и датировку Старототемского городища. Он считает, что «город был, но город своеобразный, чудской!»²³.

В последующие два года он неоднократно совершает поездки на Старую Тотьму «под видом рыбной ловли». В 1922 г. в фонды музея от него поступают остатки трупосожжения со Старототемского могильника²⁴. В 1923 г. передаёт в музей 20 находок, в основном наконечники и скребки. Как художник он выполняет два рисунка Старототемского городища (см. приложение, рис. 38–39).

Стоянка Старототемская. В 1924 г. совместно с учащимися Петровской ремесленной школы, Н. А. Черницыным и М. Е. Арсаковой он участвует в раскопках Старототемской стоянки. Исследования и разведки на памятнике продолжают в 1925 г. В результате раскопок собраны большие коллекции из кремня, сланца, впервые – коллекция керамики с ямочно-гребенчатым и зубчатым орнаментом – 159 фрагментов²⁵.

Так, благодаря открытиям Евгения Ивановича Праведникова, начинались в Старототемском микрорегионе первые археологические исследования. В 20-е гг. в музее создается Научная археологическая комиссия в составе 11 человек, среди которых и Евгений Иванович²⁶.

Боровская стоянка. Предположения о возможности существования стоянки на правом берегу Сухоны были у Евгения Ивановича ещё осенью 1920 г. Её местоположение художник связывал с Еденьгским островом, лежащим чуть ниже по течению реки. В «Географическом очерке» он подробно описывает,

как он определил место памятника и нашёл культурный слой. «В осыпи берега я нашёл парочку мелких кремнёвых стружек... Поднявшись наверх, осмотрел всё урочище. В этом осмотре (на четвереньках) повезло – в выбоине тропы заметил изменение цвета подзола. Расковыряв пальцем выбоины, извлёк 3 мелкие и одну крупную стружку и один жжёный осколок со следами ретуши. Стоянка найдена!»²⁷. В фондах музея удалось отыскать два рисунка художника с видом Боровской стоянки: «Борок» (см. приложение, рис. 40–41).

К раскопкам он приступил лично лишь в 1925 г., имея Открытый лист № 63 (упоминается им в списке приложений к отчёту). Памятник небольшой, расположен в 3 км ниже г. Тотьма на боровой террасе правого берега реки Сухоны. Интересно описаны художником приёмы разведки, которые он применил для выявления площади памятника. «Приём несколько необычный, но в данном случае удачный... Я вынимал из слоя четырёхгранные и трёхгранные пирамиды высотой до 10 см... Ознакомившись с пробой, ...сейчас же закупоривал выемку, отметив в записной книжке-дневнике место пробы и её содержание... Благодаря этому способу, я смог ограничиться вскрытием только 2,25 кв. м, получить именно то, что мне было нужно, и ознакомиться с площадью в 150 кв. м, оставшейся совершенно сохранной»²⁸. В ходе этой разведки было обнаружено: 74 находки из кремня и 129 фрагментов керамики. Затем, «не гоняясь за количеством находок и размером работ», Евгений Иванович вскрыл несколько обнаруженных кострищ вертикальными и горизонтальными разрезами. Наиболее интересные и хорошо сохранившиеся орудия были нарисованы им в натуральную величину. В «Геологическом очерке» перечислены виды орудий и указано их количество: долотца поллированные, шиферные – 3, одно из них круглое (желобчатое) (рис. 5); совершенно сработанный топор (клин); точильная плитка из красного песчаника; крупных наконечников и их обломков – 15; наконечники стрел с обломками – 23, а также 2 наконечника, ретушёр, обломок скобеля, один нож, 24 скребка различных типов.

Вот одно из описаний: «Среди находок впервые (у нас) обнаружено круглое желобчатое долото (стамеска) из... шифера... Также новостью явилась и находка прямого долота (стамески, по назначению не для ударного долбления, а для резьбы по дереву)».

Особый интерес у Евгения Ивановича вызвали «специально сработанные и довольно тщательно, тупые наконечники стрел», «невозможно было в порядке разобраться, где низ, где верх (остриё)»²⁹, и только по ударному бугорку удавалось это определить. Древние охотники такие наконечники делали преднамеренно, чтобы они только дробили кость и не рвали шкуру зверька: употреблялись для охоты на пушного зверя. Тупых наконечников на Боровской стоянке обнаружено 6 – «разные по величине, как бы подобраны по величине и силе зверя». Следов погребений, жилищ, сооружений не обнаружено, из чего Евгений Иванович делает вывод, что стоянка была сезонной.

²¹ Праведников Е. И. Исчезнувшее производство // ТМО. Ф. 1345/6.

²² Праведников Е. И. О поселениях чуди... Л. 10.

²³ Праведников Е. И. О поселениях чуди... Л. 11.

²⁴ Картотека // ТМО. Ф. 58.

²⁵ Черницын Н. А. Старототемская стоянка... Л. 3.

²⁶ Спирина Д. В. Указ. соч. С. 7.

²⁷ Праведников Е. И. Географический очерк... Л. 7–8.

²⁸ Праведников Е. И. Географический очерк... Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 10.

Отчёт о Боровской стоянке написан Евгением Ивановичем 30 марта 1926 г., накануне его отъезда к новому месту жительства³⁰. Отъезд Евгения Ивановича в Москву был, вероятно, связан с многочисленными реорганизациями Петровской ремесленной школы. В конце 1920-х гг. преподавательский состав школы сильно изменился, многие из учителей покинули Тотьму³¹. По одним источникам, Праведниковы уезжают в Москву в 1929 г.³², по другим – в 1926³³. Вторая дата кажется более правдоподобной, т. к. уже с 1927 г. в здание школы был переведён детский дом³⁴.

В Москве Евгений Иванович работает художником в издательстве «Детская литература» и в журнале «Крокодил». В 1936 г. в Третьяковской галерее проходит персональная выставка его работ, а в следующем году он арестован. Умер Евгений Иванович Праведников в тюрьме в 1940 г.³⁵

Стоянки, открытые Евгением Ивановичем Праведниковым, занесены в каталог «Археологические памятники Тотемского района»³⁶. Таким образом, ему принадлежит право открытия 5 стоянок на реке Сухоне. Одна из них, Верхняя Ерга, в Великоустюгском районе вблизи геологического обнажения «Бык», запечатлена на картине художника. Подъёмный материал хранится в фондах Тотемского краеведческого музея.

³⁰ Там же.

³¹ Воронина Т. В. Указ. соч. С. 97.

³² Воспоминания Каплиной...

³³ Праведников Е. И. Географический очерк...

³⁴ Воронина Т. В. Указ. соч. С. 97.

³⁵ Спирина Д. В. Указ. соч. С. 10.

³⁶ Иванищева М. В., Спирина Д. В. 1997. Археологические памятники Тотемского района // Тотьма : краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 17.

Человек талантливый, творческий, широко образованный, он и в провинции сумел найти себе дело по душе. В археологических экспедициях художник вёл полевую документацию, делал фотографии, зарисовки погребений, вычерчивал стратиграфию и могильные ямы, рисовал памятники природы. Так появляется картина «Пустошенский камень» (см. приложение, рис. 42). Интерес художника был, вероятно, связан с тем, что огромный камень расположен вблизи Пустошенского могильника, исследованного в 1920-е гг.

Его сообщение об открытии им Черняковской стоянки в 1918 г. и Старототемского городища послужило началом действительно активной исследовательской деятельности Н. А. Черницына в области археологии. Хотя средневековое городище было известно по письменным источникам с конца XIX в., но культурный слой памятника был выявлен именно Евгением Ивановичем в 1921 г.

К сожалению, некоторые страницы его биографии восстановить не удалось. Почти ничего не известно о предреволюционном периоде его жизни в Петербурге и о последнем в Подмоскowie. Автобиография³⁷, написанная художником в 1925 г. «по желанию Н. А. Черницына для музея местного края», не закончена. В ней дано описание дома и краткие сведения о родителях. Возможно, будучи офицером царской армии, Евгений Иванович намеренно скрывал происхождение и некоторые факты своей биографии.

Работы Евгения Ивановича Праведникова и сегодня представляют большой интерес для археологов и краеведов. Хотелось бы верить, что имя его как первооткрывателя тотемских древностей не будет забыто.

³⁷ Праведников Е. И. Автобиография...

Рис. 5. Сланцевые желобчатые долота с Боровской стоянки

ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н. А. ЧЕРНИЦЫНА

Николай Александрович Черницын (1888–1970) свою жизнь посвятил изучению истории и культуры восточных регионов Вологодской области, прежде всего Тотемского района. Его исследования очень разноплановы, но наиболее яркий след он оставил в археологическом изучении края. Научные разработки Н. А. Черницына неоднократно привлекали внимание историографов науки. Научному наследию Николая Александровича посвящена небольшая статья Н. И. Решетникова¹; общие биографические сведения и деятельность его по археологическому изучению Тотемской земли освещаются в работе Д. В. Спириной². В её статье подробно рассматривается география и хронология археологических исследований Н. А. Черницына. Знакомство с архивом Н. А. Черницына показывает, что характеристика основных выводов его исследований не исчерпывает всего научного потенциала проведённых Н. А. Черницыным работ. В данной работе приводится анализ рукописей статей и дневниковых записей Николая Александровича, посвящённых изучению стоянок каменного века.

Не описывая подробно жизнь Николая Александровича, упомянем основные вехи его творческого пути. Родился он в крестьянской семье. Обучение проходил в Леденгском училище, затем в Тотемском училище, затем окончил педагогические курсы в Вологде. Основные знания по палеонтологии, геологии он получил на летних курсах по естествознанию в Петербурге. В 1920 г. он был назначен директором Тотемского краеведческого музея и занимал эту должность бессменно 30 лет, с чего и началась его деятельность как археолога. В 1921 г. проводятся рекогносцировочные обследования берегов реки Сухоны, в 1923 г. – раскопки Черняковской стоянки. В 1923–1924 гг. начаты исследования Пустошенского могильника и Старототемской стоянки, в 1925 г. – разведки по реке Кокшеньге, в 1928 г. – исследования Усть-Царевской стоянки, в 1936 г. – исследования Усть-Толшемской стоянки, в 1939 г. – раскопки Яснополянской стоянки, Усть-Толшмы, коллективного захоронения под г. Тотьмой, разведки в устье Старой Тотьмы³.

Прочтение публикаций и рукописей в хронологической последовательности даёт возможность проследить эволюцию взглядов Николая Александровича на методику полевых работ, интерпретацию материала, круг освещаемых вопросов. Важность об-

ращения к данным материалам очевидна: в районе на сегодня задокументировано около 65 памятников каменного века и раннего металла, среди них открытых и исследованных Н. А. Черницыным – 28⁴. В архиве ТМО хранятся 16 рукописей, касающихся исследованных памятников. В то же время существуют всего три научные публикации Н. А. Черницына по указанной тематике, одна из которых – малодоступная сейчас книга «Черняковская стоянка поздней поры неолита»⁵, карта памятников Тотемского района⁶ и небольшая заметка о тотемном знаке с Черняковской стоянки⁷. Очевидно, что степень изученности района и степень доступности информации несоразмеримы. Если учесть, что многие из этих памятников сейчас частично или полностью разрушены и их число каждый год увеличивается, то понятно, насколько актуально введение в научный оборот коллекций памятников, исследованных Н. А. Черницыным.

Для анализа привлечены документы, хранящиеся в личном архиве Н. А. Черницына в Тотемском музейном объединении (ТМО): публикация «Черняковская стоянка поздней поры неолита» (Тотьма, 1928 г.); рукопись и авторизованная машинопись «Старототемская стоянка (открытие и археологические разведки в 1924 г.) (1925 г.)» рукописи: «Дневник археологических исследований 1923 г. Черновыи заметки. Н. Черницына» «Дневник археологических исследований 1925–26, 1936 гг.» «Дневник раскопок Старая Тотьма, Яснополянская, коллективного погребения под Тотьмой. 1939 г.» и «Яснополянская стоянка ранней поры неолита на реке Сухоне» 1939 г., хранящиеся в рукописном архиве Тотемского музея и коллекция подъёмного материала со стоянки Любавича (Усть-Печеньга) (Коллекция из фондов ТМО. 78 предметов (№ т. 1689–1812). Все эти документы сами по себе являются музейными экспонатами и историческим источником по многим показателям: как образцы ведения полевой документации в первых археологических исследованиях в области, стилистическим особенностям речи и т. д.

В своих работах Николай Александрович придерживался определённой последовательности изложения материала, так что для каждого изучаемого памятника приводятся: история открытия, описание

¹ Решетников Н. И. Н. А. Черницын – исследователь Тотемского края // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 178–181.

² Спирина Д. В. Научно-археологическое наследие Н. А. Черницына // Тотьма: краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 5–16.

³ Спирина Д. В. Указ. соч. С. 11.

⁴ Иванищева М. В., Спирина Д. В. Археологические памятники Тотемского района // Тотьма: краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 17–25.

⁵ Черницын Н. А. Черняковская стоянка поздней поры неолита (на р. Сухоне под г. Тотьмой Вологодской губ.): доклады научного об-ва по изучению местного края при Тотемском музее им. А. В. Луначарского. Вып. VI. Тотьма, 1928.

⁶ Черницын Н. А. Археологическая карта Тотемского района Вологодской области // КСИИМК. Вып. 35. 1950. С. 147–150.

⁷ Черницын Н. А. Тотемный знак на гальке // СА. № 2. 1970. С. 216.

геологического разреза, описание местности, где располагается памятник, включая повреждения культурного слоя, описание коллекций материала и интерпретация. Практически все эти пункты в той или иной степени отражены и в дневниковых записях, т. к. последние служили основой для последующего написания научных статей.

Слог изложения в некоторых рукописях далёк от строго научного и поражает своей образностью и эмоциональностью: *«Неизменная спутница в археологических изысканиях, усталость уже подкрадывалась ко мне в собеседницы.... Вдруг её не стало: крохотный сильно размытый водою красноватого цвета черепок с едва сохранившимися следами гребенчато-зубчатого орнамента был в моих руках. Громкое «есть» невольно вырвалось и сообщило моим молодым друзьям о чём-то особенном найденном. Буква? – спрашивают на бегу. – Не буква, а целая страница из доисторического прошлого края...»* Так описывается момент открытия Старототемской стоянки⁸.

История изучения памятника иногда начинается с сообщения местных жителей о находках древних вещей. Так, например, стоянка Усть-Печеньга была обследована Н. А. Черницыным после того, как от директора Усть-Печеньгской школы Груздева пришло письмо и находки, обнаруженные учениками школы в обрыве берега Сухоны⁹.

Некоторые памятники обнаруживались в ходе планомерного осмотра местности в результате целенаправленной разведки. *«Археологическими разведками 1936 г. по р. Сухоне в 50 км выше г. Тотьмы в районе у[стья]»¹⁰ р. Толшмы на левом берегу р. Сухоны за деревней Черепанихой рядом с просёлочной дорогой из д[еревни] Черепанихи в Фоминское и речкой Соломбал на высоком песчаном бугре были обнаружены в рассеянном виде на поверхности песчаных дюн поделки из кремня, говорившие о заселении этого бугра человеком, имевшем кремнёвую индустрию»¹¹.*

В подробное описание местности, представляющей собой археологический памятник, как правило, включаются и описания нанесённого культурному слою ущерба: *«Стоянка расположена вдоль самого берега реки Сухоны под городом Тотьмой, против восточной оконечности деревни Черняково и представляет собой холмообразное возвышение, образованное руслом небольшого ручейка... Описываемое местонахождение является крайне испорченным большими выемками песка..., нарытыми ямами для хранения в песке запасов картофеля, частыми гуляниями деревенской молодёжи и детьми, летами играющими в песке, многочисленными ямами для столбов круговых качелей...»¹².*

Особенно интересен пример со Старототемской стоянкой, где по рукописи Николая Андреевича можно зафиксировать один из первых примеров административного воздействия на разрушительную по

отношению к объекту культуры деятельность человека: *«...в настоящее время, к сожалению, мы имеем перед собой уже сильно испорченную картину от действия природных явлений, более позднейшей и современной деятельности человека, правда, последняя остановлена благодаря вмешательству музея, УИКА и Уземуправления»¹³.* В рукописи статьи о Яснополянской стоянке зафиксированы повреждения памятника, отражающие печальные реалии тридцатых годов: *«Поверхность кряжа в его начале, от указанной дороги, на которой в рассеянном виде встречены памятники материальной культуры, очень сильно испорчена ямами для хранения картофеля, сооружавшимися здесь с очень давних пор, и как оказалось во время раскопок, землянками высланных в 1930 г. кулаков»¹⁴.* В рукописи Н. А. Черницына сохранился план местности, на котором нанесены сетка раскопа и контуры землянок раскулаченных людей (рис. 1), выселенных, по всей видимости, в чисто поле и вынужденных строить землянки в качестве жилья.

Все стоянки, исследованные Николаем Александровичем, относятся к типу дюнных стоянок, культурный слой на которых составляет 0,4–0,5 м. Однако исследователь практически всегда считал необходимым сделать глубокий разрез с подробной его характеристикой: *«Вертикальный разрез возвышения по обрыву со стороны реки Сухоны представляется в следующем виде: сначала идёт позднейший почвенный нанос от 13 до 27 см., затем – угольно-золевая прослойка от 1 до 6 см., содержащая черепки посуды, кремнёвые осколки и орудия. Далее идёт хорошо промытый речной песок мощностью до 71 см., затем залегает ледниковая галечная валунная глина от 1,5 до 2,13 метра, под которой залегают слои песка и песчанистые глины»¹⁵.* Для Черняковской стоянки глубина разреза составляет до 3,17 м; для Старототемской стоянки (измерения сделаны в вершках и аршинах) – 3,83 м, так что *«...далее идёт крупный с примесью глины песок, содержащий воду – находящийся на уровне воды в р. Сухоны. Вода, заполняя дно нашего разреза, не позволила проследить нижележащие слои, но, по всей вероятности, под этим слоем должны находиться уже слои пермских мергелей, выступающих на дне в современном устье реки Старой Тотьмы»¹⁶.*

Изучение разреза всегда было инструментом для выяснения обстоятельств и времени формирования рельефа местности, где располагается памятник. Особенно подробно рассматриваются вопросы геологической истории в работах 30-х гг. *«Геологическая история современного бассейна р. Сухоны довольно сложна и особенно в районах устьев её притоков. Здесь мы имеем [отложения озёр древние – зачёркн.] позднеледниковые озёрные отложения с остатками арктической растительности и перекрывающие их мощные слоистой структуры пески третьей террасы, и поздние аллювиальные отложения.*

Толщи песков 3-й террасы современной р. Сухоны мы видим и выше Тотьмы. Наша, Яснополянская песчаный бугор, такого же происхождения, разница его с песчаными толщами у Тотьмы состоит лишь в том, что если тотемские пески являются прислонёнными

⁸ Черницын Н. А. Старототемская стоянка (открытие и археологические разведки в 1924 году), 1925 // ТМО. Ф. 47. Л. 5.

⁹ Письмо директора Усть-Печеньгской школы Н. А. Черницыну от 15.04.1936 г. // ТМО. Ф. 293.

¹⁰ Здесь и далее в квадратных скобках – дополнения Н. Б. Васильевой.

¹¹ Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма, Яснополянская, коллективного погребения под Тотьмой, 1939 // ТМО. Ф. 342. Л. 1.

¹² Черницын Н. А. Черняковская стоянка... С. 7.

¹³ Черницын Н. А. Старототемская стоянка... Л. 8.

¹⁴ Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма... Л. 6.

¹⁵ Черницын Н. А. Черняковская стоянка... С. 7.

¹⁶ Черницын Н. А. Старототемская стоянка... Л. 3–4.

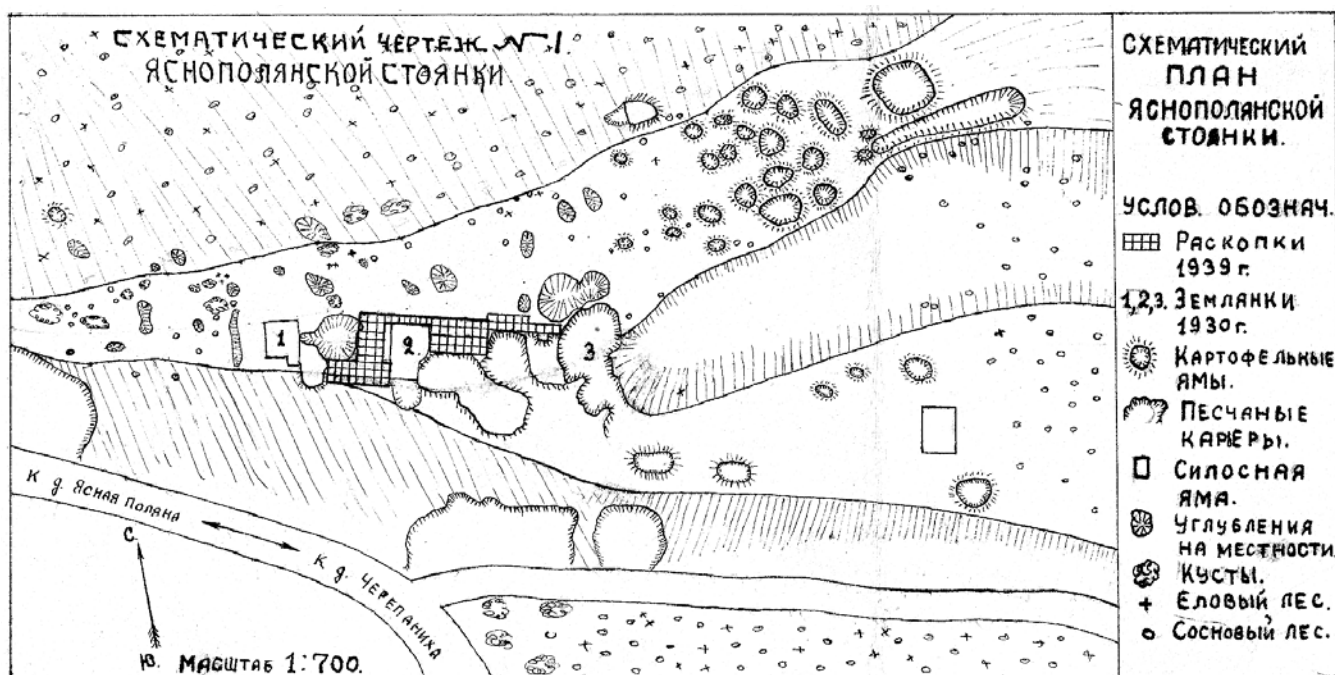

Рис. 1. Схематический чертёж Яснополянской стоянки из рукописи Н. А. Черницына

непосредственно к моренной гряде, то яснополянский бугор есть островное дюнное образование того [позднеледникового] времени»¹⁷.

Методика полевых исследований Н. А. Черницына изменялась и совершенствовалась с течением времени. Вот описание первых археологических работ под его руководством на Черняковской стоянке: «Раскопка велась под руководством автора настоящих строк по способу «наперевал», т. е. в наличии имелся нетолстый слой земли и очень рыхлый грунт и определённая поставленная задача в связи со сложившимися обстоятельствами, причём с намеченного места, где должна была пройти траншея, предварительно удалялся верхний нанос. Культурный слой снимался тонкими горизонтальными пластами и, когда требовалась необходимость, пропускался через грохот... Для наблюдения слоя в вертикальном положении намеченная площадь была обрезана двумя траншеями, прорезывающими слой до материка...»¹⁸.

Разведочные работы на Усть-Толшемской стоянке включали исследования траншеями и сборы подъёмного материала, причём для исследования песчаной дороги, разрушающей стоянку, был выбран оригинальный метод: «Дорога песчаная пройдена граблям[и]»¹⁹.

В выборе методики исследования Николай Александрович ориентировался на научные разработки и состояние культурного слоя: «При таком состоянии грунта и трудно различаемых очертаний культурного слоя методом раскопок пришлось избрать когда-то мне лично рекомендованный покойным А. А. Спицыным метод горизонтального вскрытия с одновременным наблюдением вертикальных разрезов, и одновременно выбираемая земля пропускается через грохот.

Все профили вертикальных слоёв зарисовывают, а в площади каждого квадрата отмечают находки. Раскопки велись до глубины 1,5 м»²⁰. В полевом дневнике 1939 г. есть вертикальные разрезы и планы размещения находок для участков раскопок на стоянках Старая Тотьма и Яснополянская. Тщательность полевых исследований, несомненно, возрастает²¹.

Важными наблюдениями являются интерпретации отдельных элементов культурного слоя. Николай Александрович выделял очаги, мастерские, жилые постройки, для подтверждения своих наблюдений часто обращаясь к этнографическим параллелям из жизни тотемских крестьян. «В середине траншеи обнаружено большое скопление кремнёвых стружек, разбросанных полукругом на площади приблизительно 1,5 квадр. метра. В большинстве – стружка мелкая, с очень характерно выраженными спинкой, нижней плоскостью, основанием и вершиной с характерным бугорком. Крупных осколков кремня очень мало. Это скопление отходов производства кремнёвых орудий... определён указывают на существование в этом месте мастерской каменных орудий»²². «Ввиду того, что никаких признаков постоянного наземного жилища не обнаружено, надо полагать, что человек пользовался им исключительно в весеннее, летнее и осеннее время. Несколько непонятным кажется окаймление площадки с двух сторон камнями. Но не имели ли эти камни того значения, какое сейчас имеют два толстых, обязательно сырых кряжа («ноты»), между которыми охотник и наш тотемский крестьянин разводил костёр...»²³.

Порой прямолинейное толкование фактов при-

¹⁷ Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма... Л. 5.

¹⁸ Черницын Н. А. Черняковская стоянка... С. 9.

¹⁹ Письмо директора... Л. 20.

²⁰ Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма... Л. 5.

²¹ Черницын Н. А. Дневник раскопок 1939 года // ТМО. Ф. 342. Л. 2–10.

²² Черницын Н. А. Черняковская стоянка... С. 11.

²³ Там же. С. 12.

водило Николая Александровича к малодоказательным выводам. Так, например, обнаружив «...нахождение керамики, углей, стружек и целых орудий в различных горизонтах жёлтой, мелкозёмной песчанистой глины в слое, отложенном, безусловно, водою...», он пришёл к выводу, что «...здесь селился человек на плотах, с которых сбрасывались различные отбросы и которые хоронились под новыми отложениями мелкозёмной глины»²⁴.

Раскопки на Яснополянской стоянке сопровождались тщательной поквдратной и поглубинной фиксацией находок и объектов слоя. Наблюдения позволили Н. А. Черницыну предположить, что на стоянке существовали жилища в виде землянок: «Во всех указанных квадратах встречались мелкие кусочки угля, а в квадратах 28–39 в нижней части культ[урного] слоя и очень тонкие частич[ки] угля и золы. Всё это заставляет предполагать, что землянка 1930 г. не была ли сооружена на месте землянки обитателя дюны? По целому ряду данных, землянки должны иметь круглую форму»²⁵.

Типология каменных изделий Н. А. Черницына претерпела в течение его работ существенную эволюцию. Наиболее многочисленными орудиями на одной из первых раскопанных им стоянок, Старототемской, были наконечники стрел, копий и дротиков. Первоначальная попытка классифицировать наконечники стрел и копий Черняковской и Старототемской стоянок сразу по нескольким основаниям отнести к «нескольким типам как по своей общей форме, форме важных частей, так и по размерам, с которыми связана техника обработки»²⁶, привела к тому, что описания каждого орудия становились многословными и трудновоспринимаемыми: «Стрелка из розового стекловидного кремня, тонкая, плоская, небольших размеров 2,9 сант. длиной и 1,3 сант. в основании, с остро и тонко отретушированной верхушкой с быстро возрастающей шириной до окончания её верхней трети, откуда уверенно и смело отретушированные лезвия идут вниз до основания почти параллельно, которое по вогнутой вовнутрь стрелки линии с обеих сторон полого отретушировано, так что нижние углы стрелки довольно остры и играют роль – задержать стрелку в теле животного. Очевидно, стрелки подобного типа вставлялись в расщеп дерева, который закреплялся обмоткой»²⁷. О внимательном отношении к технике расщепления и понимании взаимосвязи её с типологией каменных орудий свидетельствует следующее замечание: «Наконечников копий подобрано здесь также значительное количество – 87. Вообще, при отсутствии другого материала ... можно было бы легко впасть в ошибку, признав многие из них палеолитическими. Очевидно, большинство из них надо признать незаконченными в обработке и являющимися различными её стадиями»²⁸.

Среди каменных орудий Старототемской стоянки Н. А. Черницын выделяет также проколки, навёртыши (вероятно, свёрла), ретушеры. Основани-

ем классификации служит форма предполагаемого рабочего участка. Упоминаются «обломки ножевых пластин различных размеров»²⁹, не относящиеся к какому-либо виду орудий. Скребки на Старототемской стоянке разделяются на несколько типов, в основе чего лежит форма заготовки и характер отретушированного участка, но часто автор не описывает форму орудия, а отсылает читателя к рисунку³⁰. Среди сланцевых орудий выделяются полированные орудия (топоры, долота) и полировальные камни. Последняя категория изделий выделяется на основе наблюдений за следами изношенности рабочей поверхности³¹.

Дневниковые записи о полевых исследованиях на Усть-Печеньгской стоянке 1936 г. интересны тем, что представляют опыт первичной классификации подлёдного материала и позволяют определить наиболее крупные градации в классификационных схемах Н. А. Черницына. В перечне находок упоминаются: ножевые пластины, обломки ножевых пластин, скребки, нуклеусы, стружки (отщепы) и загадочные Lames и производные от них – облом[ок] lames; Lames nucl. верх и даже «стружек-обрывов lames (ных)»³². В ходе полевой работы производилась и более детальная градация находок по таким признакам, как роль в технологическом процессе: «обнаружена 1 стружка первонач[альной] обраб[отки] нуклеуса» или предполагаемое назначение орудия: скребок-ретушёр, скребков-нож³³.

Наиболее разработанная типология каменных изделий представлена в одной из последних работ Н. А. Черницына – в рукописи статьи о Яснополянской стоянке. В ней выделяются следующие группы инвентаря: ножи и ножевидные пластины, пластины-пилы, скобли на пластинах (видимо, аналогично скобелям), резцы, скребки; нуклеусы, наконечники стрел, ретушеры. Внутри категории скребков выделялись: скребки на осколках, скребки-ножи, скребки-скобели, скребки-резцы. В ходе характеристики групп ножевидных пластин различных размеров и очертаний Н. А. Черницын уделял много внимания их предположительному назначению и разделял дополнительно на функциональные категории: «очевидно, ими выполнялись деликатные, тонкие работы хирургического порядка: отпрепаровки сухожилий, может быть, татуировки», «по-видимому, использовались как наконечники стрел на мелкого зверя, птицу и крупных рыб»³⁴.

В ряде случаев вывод о назначении инструментов делается на основании наблюдений за следами изношенности их рабочей кромки: «Очень много не только крупных (фото №1, 2, 3, 4, 5 (фото не сохранилось) но и микроножей (фото 1, 6, 8, 9, 11) имеют затупленность и выщербины, характер выщербин говорит о применении данных ножевых пластин как режущих инструментов – ножей»³⁵. Можно утверждать, что Черницын Н. А. одним из первых в вологодской

²⁴ Черницын Н. А. Старототемская стоянка... Л. 7–8.

²⁵ Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма... Л. 9.

²⁶ Черницын Н. А. Черняковская стоянка... С. 4.

²⁷ Черницын Н. А. Старототемская стоянка... Л. 9.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 16.

³⁰ Там же. Л. 17.

³¹ Там же. Л. 18–19.

³² Письмо директора... Л. 19.

³³ Там же.

³⁴ Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма... Л. 11–12.

³⁵ Там же.

археологии стал применять экспериментальный метод исследования, правда, экспериментальным орудием выступал артефакт: «Внимательно изучая ножевидные пластины, на остриях у 10 экземпляров нами обнаружены мелкие насечки, резко отличающиеся от обычных выщербин. Исследователю трудно удержаться от практической проверки того или иного орудия, когда под руками их имеются десятки и сотни. Пилка 9, проверенная практически при поперечном распиле трубчатой кости свиньи, оказалась прекрасным орудием, давшим чистый, тонкий и быстрый распил, и сама несколько не изменила первоначального характера своей рабочей части»³⁶.

Терминология описания каменного инвентаря определённым образом дополнялась Николаем Александровичем, порой вырабатывались необычные, оригинальные определения: «Далее обращает на себя внимание группа из 8 экземпляров длинных ножевидных пластин. Данные орудия могли быть использованы человеком как проколки-шилья для шкур в силу их лопатчатого острия. Кроме этих описанных 8 экземпляров мы имеем 26 обломков от подобных же микроорудий. Острия у них в большинстве лопатчатые и лишь у 5 остроконечные (фото IV, 6, 7, 8). Не служили ли данные орудия наконечниками для дерева при укреплении вкладышей и узких микролитических обломков пластин?»³⁷.

В своих работах Николай Александрович обязательно касался техники изготовления инструментов: «Заканчивая описание наконечников стрел, необходимо подчеркнуть богатое разнообразие их форм, превосходную, изящную, даже художественную их обработку. Человек Старототемской стоянки – хороший мастер, владевший в совершенстве высокоразвитой техникой обработки камня, которая возможна в той стадии культурного развития человечества, которое в археологии именуется поздней порой неолитической эпохи – преддверием следующей эпохи – палеометаллической»³⁸.

«О высокой отжимной технике, которой в совершенстве владел человек, и, следовательно, лёгкости изготовления для него микролитических орудий – пластин ножей, скребков, скобелей и т. д., говорит сравнительно ничтожное количество стружек – брака отжимной техники – их в раскопках встречено всего лишь около 300, и то большинство их относится к первоначальной обработке нуклеусов»³⁹.

В коллекции каменных орудий, собранных Н. А. Черницким на стоянке Усть-Печеньга, хранящихся в фондах ТМО, насчитывается 78 предметов. Вероятно, часть коллекции утрачена, т. к. в полевых описях Н. А. Черницына учтено более 90 предметов, но вместе с отщепами. В оставшейся коллекции по описи выделяются следующие типологические градации: нуклеусы – 2 шт., топор-клин сланцевый – 1 экз., ретушь (вероятно, имеется в виду ретушёр) – 1 экз., скребок – 4 экз., обломки ножевых пластин – 6 экз., скобель – 1 экз., нож – 22 экз., вкладыши – 40 экз., сланцевая галька – 1 экз. Нуклеусы – один – карандашевидный, его очертания нарисованы в дневнике Н. А. Черницына, второй – хорошо огранённый, при-

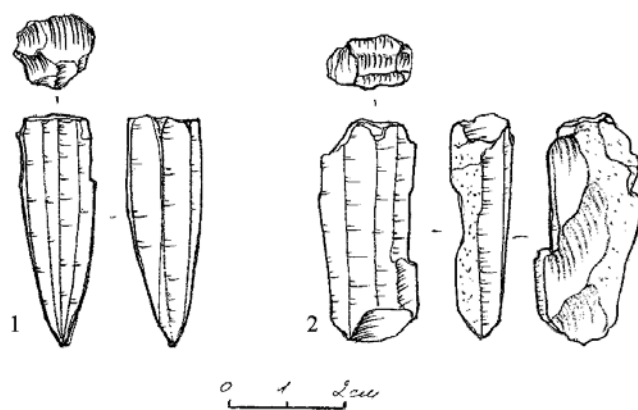

Рис. 2. Стоянка Усть-Печеньга (Любавчихская).
Нуклеусы

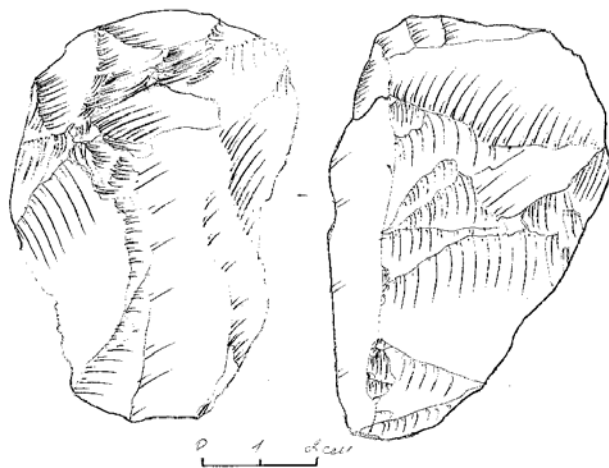

Рис. 3. Стоянка Усть-Печеньга (Любавчихская).
Ретушёр (по определению Н. А. Черницына)

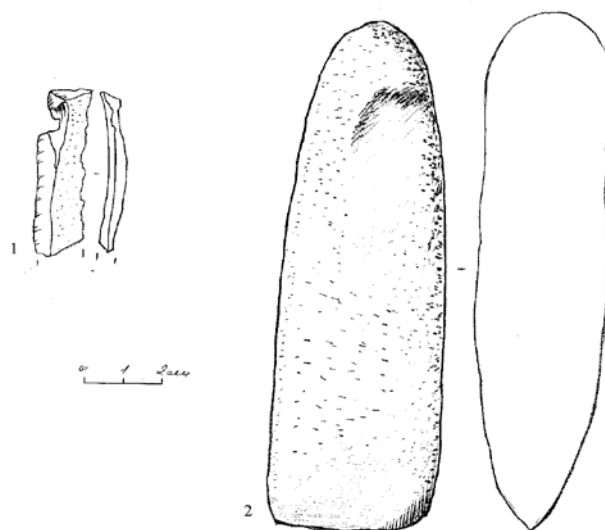

Рис. 4. 1 – стоянка Усть-Печеньга (Любавчихская),
скобель (по определению Н. А. Черницына);
2 – топор из сборов на берегу р. Сухоны

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Там же. Л. 17.

³⁸ Черницын Н. А. Старототемская стоянка... Л. 13.

³⁹ Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма... Л. 22.

зматический (рис. 2: 1–2). Стало понятно, что к ретушерам Николай Александрович относил изделия, которые по морфологии своей являются нуклеидными кусками (рис. 3). Орудие, определённое как скобель, является ножевидной пластиной с выемкой естественного характера на лезвии (рис. 4: 1). Имеющийся в коллекции топор-клин, вероятно, происходит не с территории дюнной стоянки, а с берега Сухоны (рис. 4: 2). Скребки – ножевидные пластины (рис. 5: 1) и отщепы с ретушированным лезвием (рис. 5: 2, 4) – в одном случае инструмент определён ошибочно (рис. 5: 3). Фрагменты ножевидных пластин разделены на три категории: обломки ножевых пластин (рис. 6: 1–5), ножи (рис. 7) и вкладыши (рис. 8). К сожалению, понять, какими признаками руководствовался в данном случае Николай Александрович при отнесении изделия в ту или иную категорию, сложно. Вероятно, он ориентировался на признаки утилизации, т.к. метрические и морфологические характеристики изделий каждой группы довольно разнообразны.

В то время, к которому относятся археологические исследования Н. А. Черницына, термина «мезолит» не существовало, бескерамические коллекции каменного инвентаря относились к раннему неолиту. Именно так датируются Николаем Александровичем стоянки Яснополянская, Усть-Печеньгская, которые сейчас относятся археологами к мезолиту. «Поздне-неолитические», по определению Н. А. Черницына, коллекции инвентаря – со Старототемской, Черняковской стоянок – включали керамику. Рассматривая эту категорию инвентаря, Н. А. Черницын останавливается на следующих моментах: размеры, состав формовочной массы, форма, размеры, обжиг, орнамент, предположительное использование сосудов.

Как видим, круг рассматриваемых проблем в работах Николая Александровича достаточно широк. Он задавался такими вопросами, решение которых является актуальнейшим и на современном уровне развития археологической науки, например, вопросами временности или постоянности поселений. «Дюна была остр[оконечным] выступ[ом] при устье р. У. Печ[еньги], впад[ающей] в Сухону, окр[ужённым] с трёх сторон водою, а с четв[ёртой] С-С-В (примыкала древн. [зачёркнуто] идёт вдоль прав[ого] б[ерега] р. Сухоны и могла привлечь человека-рыбака(?) Т.е. здесь должно быть врем[енное] посел[ение] челове-

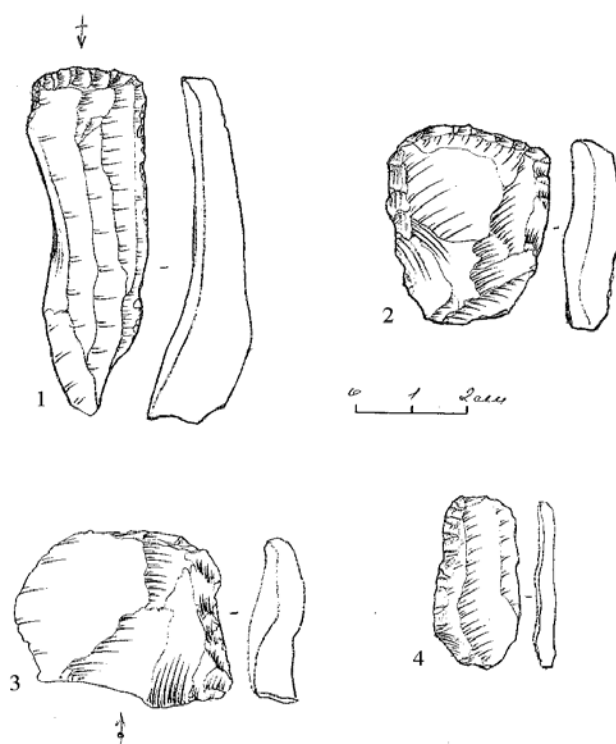

Рис. 5. Стоянка Усть-Печеньга (Любавчихская). Скребки

ка, что уже подтверждается находк[ой] ножев[ых] плас[тин]. Пост[оянная] стоянка должна быть на правом бер[егу] р. Сух[оны] вниз по течению от дюны в С-СВ направ[лении] за д[еревней] Любавчихой»⁴⁰.

Его рукописи отражают постоянную работу по самообразованию, т.к. пестрят многочисленными ссылками на работы по геологии, ботанике, последние научные публикации по археологии. Николаю Александровичу было свойственно эмоциональное, трепетное отношение к изучаемому предмету, и эмоции эти то и дело отражаются в описании каменного инвентаря: «Весьма красива, совершенна по форме и художественно целая...»⁴¹. Хотя в поздних рукописях фразы «является украшением всей коллекции» или «пора-

⁴⁰ Письмо директора... Л. 17.

⁴¹ Черницын Н. А. Старототемская стоянка... Л. 10.

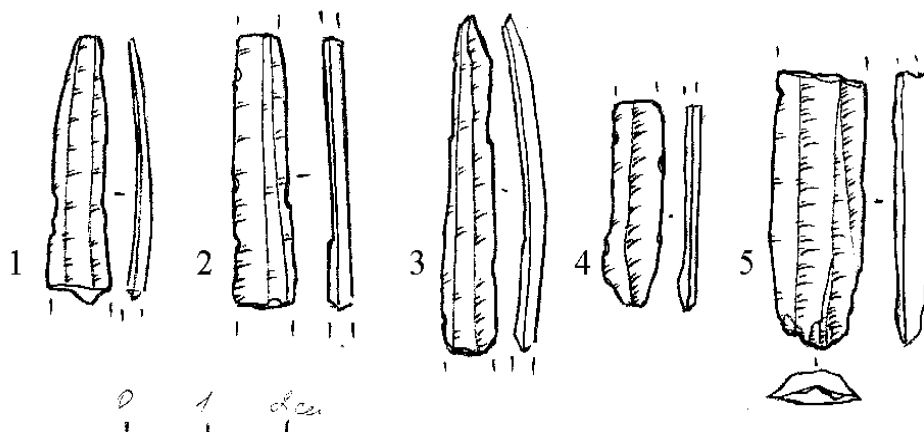

Рис. 6. Стоянка Усть-Печеньга (Любавчихская). Обломки ножевидных пластин (по определению Н. А. Черницына)

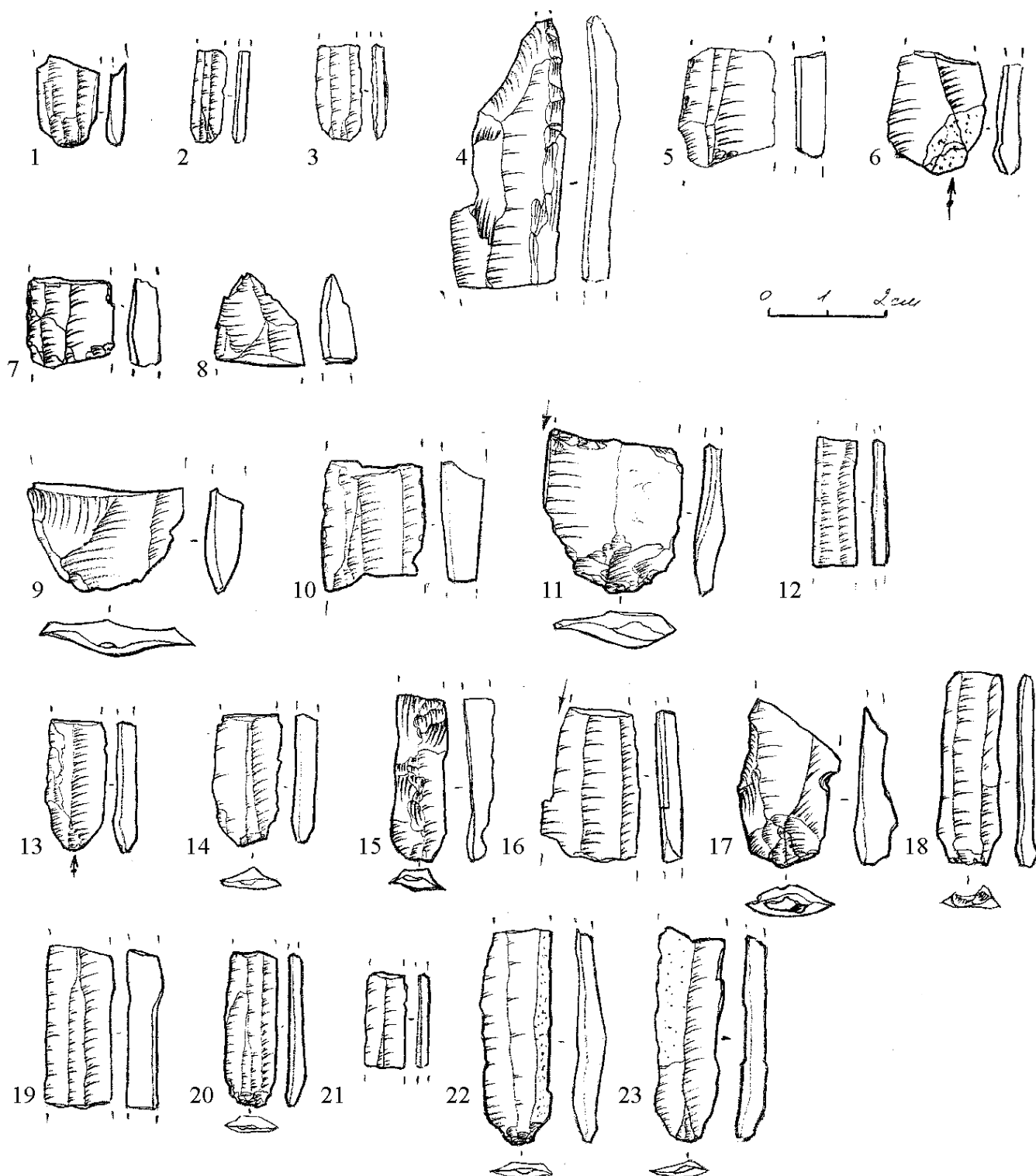

Рис. 7. Стоянка Усть-Печеньга (Любавчихская). Ножи (по определению Н. А. Черницына)

жают [мастерством, с которым, какой высокой – зачёркн.] в каком совершенстве владел человек стоянки отжимной техникой»⁴² вычеркнуты или сильно купированы. Видимо, Николай Александрович и сам сомневался в уместности подобной эмоциональности.

На рукописях статей Н. А. Черницына стоят пометки: «Права авторства за мной». Действительно, его права как автора ещё не реализованы. Наша

⁴² Черницын Н. А. Дневник раскопок Старая Тотьма... Л. 16.

статья, как бы подробно ни рассматривались в ней работы Николая Александровича, не в состоянии передать всего заложенного в них объёма информации. Печально, что подготовленные практически к публикации научные разработки, включающие описание памятника, стратиграфии, планиграфических наблюдений, хорошо проработанную статистику коллекций, типологию каменных орудий и керамики, не получили возможности выхода в свет. Полу-

чается, что Николай Александрович сказал своё слово в науке, но не было возможности его услышать. Стоит отметить, что публикация работ Николая Александровича не потеряла своей актуальности и в наши дни. В его работах содержится уникальная и важная информация о памятниках, многие из которых сейчас уже разрушены, и узнать их мы можем только благодаря его исследованиям. На наш взгляд, полная публикация рукописей подготовленных статей и выборочная – дневниковых записей, с фотографиями и/или прорисовками орудий из коллекций вышеописанных памятников – позволила бы существенно расширить источниковую базу по

каменному веку Вологодской области и сделала бы эту информацию доступной для всех, кто интересуется древней историей края. Именно сейчас, когда в Тотемском районе Вологодской области исследования каменного века ведут несколько отрядов Северорусской археологической экспедиции, публикация материалов Н. А. Черницына, несомненно, будет востребована.

В заключение хочется выразить искреннюю признательность работникам Тотемского музейного объединения за возможность работы с архивными материалами и коллекциями из фондов, за понимание и поддержку.

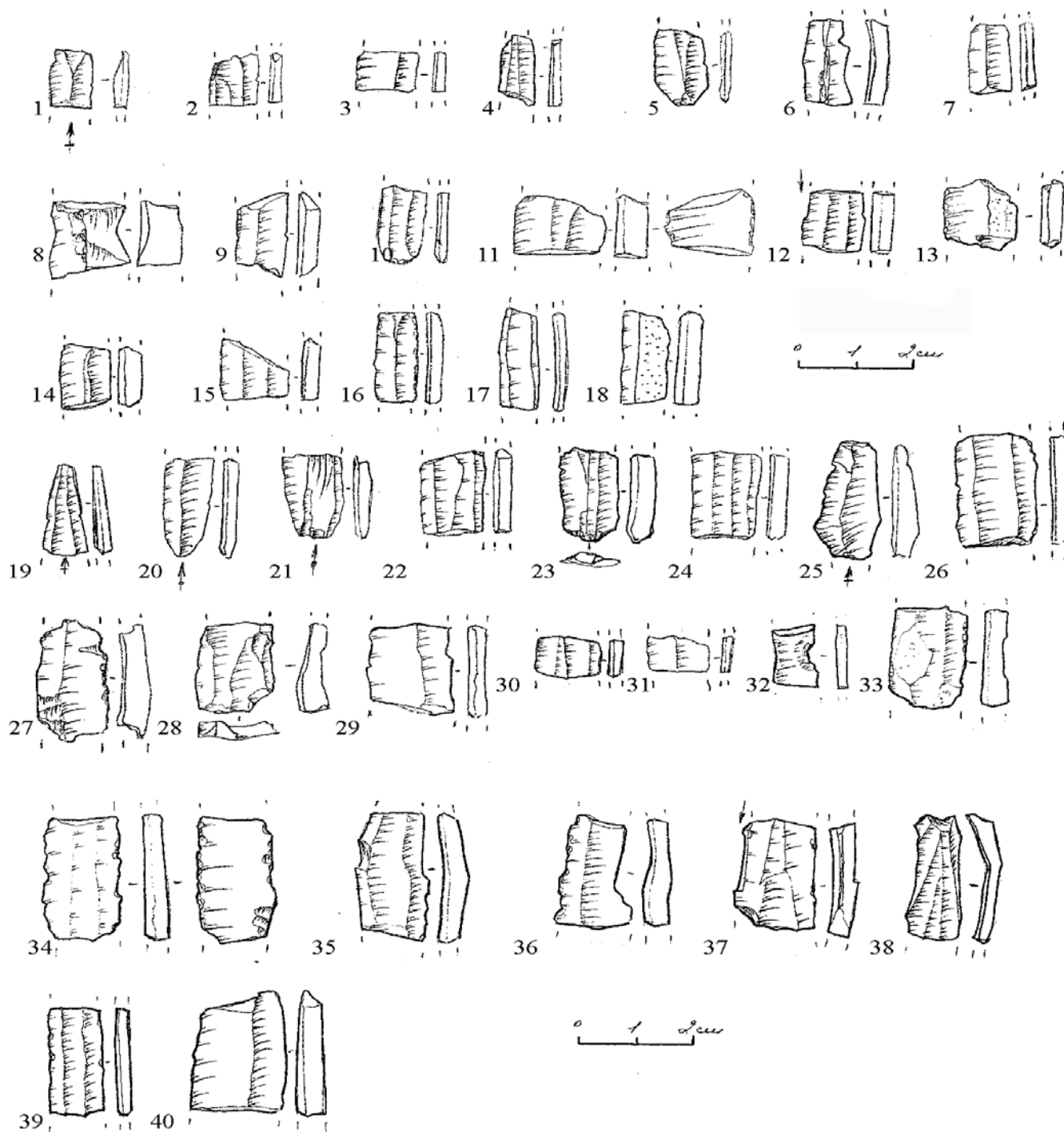

Рис. 8. Стоянка Усть-Печеньга (Любавчихская). Вкладыши (по определению Н. А. Черницына)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДАТИРОВКА «ОПИСАНИЯ О НОВОЙ ЗЕМЛЕ»

Впервые старинный документ «Описание о Новой Земле» был опубликован известным историком С. А. Белокуровым немногим более ста лет назад в комплексе с другими росписями. Первая называлась «О плавании голландских двух кораблей к северным странам для изыскания проходу мимо Новой Земли в Китайское государство и оттуда к восточной Индии», а вторая – «Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттуда к восточной Индии»¹. Наконец, последняя и весьма лаконичная роспись представляла собой своего рода служебную записку, адресованную царю Алексею Михайловичу, которая была, скорее всего, составлена дьяками на основании анализа информации, содержащейся в первых записках. В настоящее время эти документы хранятся в Российском государственном архиве древних актов в приказе Тайных дел².

Второй раз «Описание о Новой Земле» было опубликовано А. И. Малеиным в предисловии к дневнику о плаваниях трёх голландских экспедиций в конце XVI в. Де Фера, который принимал участие в двух последних плаваниях Баренца³. А. И. Малеин, «судя по слогу», считал документ переводом с одного неизвестного иностранного источника, однако доказательств в пользу своей версии не привёл. Позже один из авторитетных знатоков исторической географии Д. М. Лебедев снова вернулся к анализу этой росписи и пришёл к заключению о русском происхождении документа, «несмотря на его элементарность»⁴. Высказанную точку зрения исследователь почти никак не аргументировал. Один из немногих его доводов сводился лишь к общеизвестным сведениям о появлении поморов на Новой Земле задолго до конца XVI столетия, то есть значительно раньше, чем там оказались европейские мореплаватели. Несколько позже «Описание» было прокомментировано В. М. Пасецким в его популярной книге об открывателях Новой Земли. Он также полагал, что документ из Тайного приказа составлен на основании отечественных источников⁵. В конце прошлого столетия все росписи были вновь опубликованы в «Трудах Морской арктической комплексной экспедиции» под редакцией П. В. Боярского, но без каких-либо ком-

ментариев. Правда, впервые к переводу росписей, практически ничем не отличающемуся от старого перевода Белокурова С. А., были приложены их факсимиле, которые публикаторы считают копиями XVII в. с более ранних записей, составленных спустя год после смерти Баренца⁶.

В данной статье мы попытаемся высказать свои соображения об «Описании о Новой Земле», используя данные всех росписей, неоднократная публикация которых избавляет нас от необходимости приводить их здесь в полном объёме, за исключением, может быть, самого «Описания о Новой Земле».

Документ «О плавании голландских двух кораблей...» представляет собой тетрадку из восьми страниц. В основном, в нём содержатся извлечения из дневника (или судового журнала) о третьем плавании Баренца, а по окончании его следует «Описание о Новой Земле». Оба текста, судя по почерку, написаны рукой одного человека на голландской бумаге с филигранью, датируемой периодом между 1663 и 1682 гг.⁷ Другая роспись, содержащая вывод о невозможности морского прохода из Архангельска в южные страны, исходя из филиграней, может быть отнесена к 1667 или 1678 г. Учитывая то обстоятельство, что Алексей Михайлович был лично знаком с документами, о чём свидетельствуют его собственноручные пометки, можно уверенно определить верхнюю границу появления росписей как 1675 г., поскольку царь скончался в январе следующего года. Таким образом, интересующие нас документы в целом датируются в пределах 1663–1675 гг.

Процесс их возникновения можно представить в следующей последовательности. Вначале на русский язык был переведён сокращённый вариант третьего плавания Виллема Баренца в 1596–1597 гг., отражённый в виде сообщения «О плавании двух голландских кораблей...» с приложением «Описание о Новой Земле». На основании этой информации дьяки составили для государя записку, в которой содержался вывод о невозможности морского прохода в Китай и Индию, присовокупив к ней ещё одну роспись с описанием маршрута на восток от Астрахани через Яик-Каменный городок (Гурьев). Но она в деле отсутствовала, что дало основание С. А. Белокурову считать её утраченной. Однако в материалах Тайного приказа под № 485 (опись 1) всё же содержится документ того же времени с подробным изложением сухопутного пути по указанному маршруту. Тем не менее, по какой-то причине эта роспись оказалась вне комплекса рассматриваемых материалов, хотя она, вероятно, тоже была предоставлена царю Алексею Михайловичу для ознакомления. И поэтому, видимо, не случайно вско-

¹ Белокуров С. А. Чтения Общества истории древностей российских. 1893 год, смесь. С. 14–15; 1895 год, смесь. С. 3–5.

² РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 333.

³ Де Фер Геррит. Плавания Баренца. Л., 1936. С. 28.

⁴ Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV–XVII веков. М., 1956. С. 94.

⁵ Пасецкий В. М. Первооткрыватели Новой Земли. М., 1980. С. 37–38.

⁶ Новая Земля. Т. 1, вып. 1. М., 1993. С. 48.

⁷ Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Филигранны XVII в. по рукописным источникам. М., 1988.

ре после составления росписей в 1675 г. очередное русское посольство во главе с Николаем Спафарием всё же было отправлено в далёкий Китай, но сухим путём⁸. Анализ зарубежных данных, содержащих сведения о плаваниях европейцев, убедил царя в тщетности каких-либо попыток достижения берегов Китая морским ходом.

Возвращаясь к «Описанию о Новой Земле», хотелось бы высказать доводы в пользу его европейского происхождения (см. приложение).

1. В начале росписи говорится, что Новая Земля отделена от Печорского берега проливом Вайгач, который не проходим из-за множества льдов. И этот факт подтверждается неудачными плаваниями голландцев и англичан. Но, с другой стороны, поморы к тому времени уже вполне освоили путь на Обь и Енисей, куда регулярно ходили на своих кочах. Поэтому столь категорический вывод о непроходимости моря к востоку от Вайгача мог исходить только от иностранцев. Напомним также, что вторая экспедиция В. Баренца к Новой Земле была остановлена льдами у Вайгача.

2. Ниже в «Описании» отмечается, что за проливом расположено Татарское (или Ледовое) море, куда впадают многие сибирские реки. Но известно, что в русских источниках Северный Ледовитый океан Татарским морем не называли. Тогда этот топоним применялся исключительно европейскими мореплавателями и картографами.

3. Указанная в росписи протяжённость Новой Земли в тысячу вёрст, безусловно, приблизительно, но всё же соответствует тому расстоянию, которое высчитали голландцы, двигаясь с севера вдоль западного побережья⁹. Ведь во время третьего плавания в 1596 г. только они впервые смогли достичь самых северных пределов архипелага – Оранских островов. А вот поморы, занимаясь промысловой деятельностью, не заплывали в то время дальше Крестовых островов (северо-западный район острова), да и в этом не было никакой нужды. Вот поэтому протяжённость Новой Земли, хотя бы приблизительно, русские промышленники знать не могли. Письменные и археологические источники также не позволяют пока говорить о появлении поморов в самых северных областях острова в конце XVI в.

Использование в документе, казалось бы, таких исконно русских слов, как «зимовье немецкое» (т. е. голландское в Ледяной гавани, где зимовал Баренц) или верста, вероятно, следует объяснить свободной редакцией текста толмачами при переводе его с иностранного языка. А указанная протяжённость Новой Земли была, скорее всего, пересчитана с немецких миль на русскую систему мер длины. Ещё раз отметим, что если суммировать расстояние, пройденное голландскими моряками от Оранских островов до южной оконечности архипелага, то оно, оказывается, и составляет приблизительно тысячу верст.

4. «А позади зимовья Новой Земли берег с Сибирским шёл ли того неведомо». Этот фрагмент «Описания» красноречиво свидетельствует о смутном тогда представлении иностранцев о географическом

положении архипелага в целом. Больше всех из европейцев в обследовании Новой Земли преуспели голландцы, но и они достигли лишь северо-восточной точки острова в районе Ледяной гавани, где были вынуждены остаться на зимовку в 1596–1597 гг. В то же время поморы, регулярно совершавшие переходы на Обь и Енисей, и не сомневались в её островном характере, правда, при этом не зная протяжённости Новой Земли.

Приведённые ниже некоторые факты убеждают нас в том, что одним из источников для «Описания о Новой Земле» послужил сокращённый вариант дневника Де Фера о третьем плавании голландцев, специально переведённый для Алексея Михайловича. А иначе невозможно объяснить поразительное сходство ряда деталей, встречающихся в обеих росписях.

Описание:

Дневник:

...на берегах великие и высокие страшные лдяные горы.

...только великие и снежные лдяные горы.

..в неких местех трава ниская и мох.

...в неких местех трава обретаётся и мох.

...на горах обретаётся множество гусей диких.

...на иных островах обрели множество гусей диких.

Эти частные примеры, безусловно, подтверждают компилятивный характер «Описания», одним из источников которого стало извлечение из сокращённого дневника Де Фера. Западноевропейское происхождение документа подтверждается и перечисленными в нём топонимами. Существенным аргументом в пользу этой точки зрения является и то обстоятельство, что «Описание» в тетрадке следует непосредственно за дневником. Итогом перевода этих документов на русский язык стало появление служебной записки государю об отсутствии свободного ото льда морского хода в Индию и Китай. Наконец, приписка, сделанная самим Алексеем Михайловичем, показывает, что царь был знаком с содержанием росписей, которым, видимо, придавал немаловажное значение.

В заключение следует отметить, что «Описание о Новой Земле» отразило определённый уровень географических знаний европейцев конца XVI в. о Крайнем Севере России, информация о котором в значительной мере была получена в ходе неоднократных попыток англичан и голландцев отыскать Северо-Восточный морской путь.

После возвращения домой уцелевших членов голландской экспедиции Де Фер опубликовал дневник плавания к Новой Земле, а несколько позже в Европе появилось множество кратких извлечений из него. Скорее всего, именно с одного из них в Тайном приказе и был сделан русский перевод с иностранного документа «О плавании голландских двух кораблей к северным странам», ставшего одним из источников «Описания о Новой Земле»:

⁸ Берг Л. С. Очерки по истории географических открытий. М.; Л., 1946. С. 19.

⁹ Де Фер Геррит. Указ. соч. С. 247–248.

Приложение:

*«Описание о Новой Земле»
(перевод С. А. Белокурова)*

Новая земля отделился к северу, чаят до самого материка отделилась, потому что меж тою Землею и Печерским берегом есть пролива, имянуемая Вайгац, но тою проливою за многими лдами изо Лдоватого моря плыющая кораблем проходит невозможно. За тою проливою Татарское или Лдовое море, в которое многие сибирские реки впали. А Новой Земли длина от Вайгаца до зимовья немецкого 1000 верст. А позади зимовья Новой Земли берег с сибирским шелся ли, того неведомо. Тая земли великой ради стужи неудоб жительна, зане всегда кроме малого времени покрыта есть снегом и на берегах великие и страшные лдяные горы, лесов никаких нет, токмо в неких местех трава низкая и мох. От августа по июл месяц бывают морозы нестерпимые и солнца не видать три месяца, в которое время тамо бывает непрестанная тма. Кроме медведей множество там песцов черных и белых, на брегах находят рыбью моржовую кость, овогда и инороговую. А на горах обретается множество гусей диких, которые людей видя не отлетают и их ловят руками и бьют палками.

СЛЕДЫ КРИВИЧЕЙ И ВЕСИ НА БЕЛОЗЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

В далёкой вашкинской деревне я однажды услышал, как старая женщина, жалуясь на одинокое житьё-бытьё, говорила: «Всю ночь не могла уснуть! Мыши за обоями чирандали, вечером волки уландали, к деревне, что ли, стали подбираться? Только стала засыпать, Рыжик, кот, под одеяло залез, зафурандал, завёл свою песню».

Непонятные для меня слова «чирандать», «уландать», «фурандать» оказались понятными для многих старожилов Вашкинского района. Общее, что объединяло их, – это формант –нда. Глаголов с таким суффиксом удалось записать в дальнейшем около 30: арандать, уландать, урандать, колондать, торандать и т. д. По мнению О. Вострикова, глаголы на -нда и -айда перешли в русский из угро-финских языков или русскими заимствованы финские суффиксы¹.

Позднее наш вологодский писатель А. В. Петухов подсказал, что глагол «арандать», вполне возможно, произошёл от вепсского «арэйт» – ворчливо ругаться, «уландать» – от «улайта» – выть, «урандять» – от «урайта» – рычать, ворчать, «торандать» – от «торайта» – греметь, барабанить².

Редко, но иногда в вашкинских деревнях употребляется ещё один глагол, корнями уходящий в язык аборигенов Белозерья, – «кехтать» (от вепсского *kehhta* – иметь охоту, желать)³. «Руки ничего не кехтают», то есть не работают – можно услышать от старого человека. Все эти заимствования из языка первопоселенцев Белозерья широко распространены по всему Вашкинскому району и активно используются пожилыми людьми в разговорной речи. За пределами же района эти слова встречаются редко, и чем дальше от границы Вашкинского района, тем их меньше и меньше.

Как-то в одном из походов в кирилловскую деревню Большое Палшемо на вопрос: «Где здесь рыба хорошо клюёт?» – местный житель ответил: «В шоле хорошо клюёт». Как потом оказалось, шола – рдест длиннейший (водное растение). Это слово также пришло в наш язык от дославянского населения Белозерья – вепсов. Ведь по-вепски рдест длиннейший называется шоллед⁴. Это слово (шола) можно и сейчас услышать в деревнях по берегам Иткольского, Бородаевского и Сиверского озёр. Широкое распространение получили в Вашкинском и местами в Кирилловском районах такие слова из вепсского языка, как:

кула (прошлогодня трава)⁵, щора (крупный песок)⁶, райда (ива)⁷. Меньшее – вепсское «рянда» (от вепсского «рянд» – сырая холодная погода, слякоть, мокрый снег, дождь со снегом)⁸. Правда, значение этого слова сейчас несколько иное – мелкий дождь. Есть и другие слова, дошедшие до нас сквозь толщу веков: мянда – сосна, сосняк на болоте, низкое место, заливаемое по весне водой и др., шойда – пара веников, перекладина у стола, соединяющая его ножки. В словаре Макса Фасмера «шойда» (вепсское) – перекладина на плоту или санях⁹. Замечу, что перекладина выступает в роли связки, связывает отдельные звенья в единое целое. Поэтому и пара веников – шойда. Ведь это тоже связка.

О пребывании вепсов на Белоозере говорят многочисленные микротопонимы: названия сенокосов, ручьёв, болот и др. Так, например, очень много микротопонимов, объясняемых посредством вепсского языка, можно найти в Вашкинском районе по рекам Индоманке и Кеме: Видога (сенокос), Куяк (поле и сенокос) Лепручей (сенокос и ручей), Пизеги (сенокос), Риднема (сенокос), Чурма (сенокос), Егисаря (сенокос)¹⁰. Но надо заметить, вепсских микротопонимов больше в западной части Вашкинского района, меньше – в центральной и совсем мало – в восточной.

Показателем присутствия на Белоозере финно-угров (вепсов, саамов и др.) служат многочисленные ойконимы во всех трёх районах, окружающих Белое озеро. Это Маэкса, Мегра, Куность, Мондома (Белозерский район); Вашки, Ухтома, Мянда (Вашкинский район); Колкач, Шидьеро, Ягрыш (Кирилловский район).

Этнографическим показателем пребывания на Белозерье угро-финнов служит косая изгородь (косик). Она есть и была раньше во всех деревнях Вашкинского района, местами встречается в Белозерском (в деревнях, примыкающих к бывшему Шольскому району) и редко – в Кирилловском районе.

Коренные жители Белозерья нередко вместо «сосна» говорят «сósна», вместо «родник» – «рódник», вместо «ручей» – «рúчей». Это тоже подтверждение присутствия в наших краях финноязычного дославянского населения. Известно, что во всех словах прибалтийско-финских языков ударение падает всегда на первый слог¹¹.

⁵ Письмо Муллонен И. И. от 21 января 1996 года // Архив автора.

⁶ Там же.

⁷ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Указ. соч. С. 132.

⁸ Письмо Муллонен И. И. от 21 января 1996 года.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 4. С. 464.

¹⁰ Письмо Петухова А. В. от 15 декабря 1996 года // Архив автора.

¹¹ Письмо Петухова А. В. от 7 ноября 1996 года.

¹ Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке: учебное пособие по спецкурсу. Свердловск, 1990. С. 14.

² Письмо Петухова А. В. от 7 ноября 1996 года // Архив автора.

³ Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский и русско-вепсский учебный словарь. Петрозаводск, 1995. С. 40.

⁴ Письмо Петухова А. В. от 24 апреля 1997 года // Архив автора.

Большинство дошедших до нас диалектных слов и микропонимов восходят по происхождению к вепсскому языку, но есть и саамские лексемы. Их меньше, чему может быть несколько причин. Так, в одном из походов по Вашкинскому району встретилось слово «няша». Значение его в разных деревнях разное: нечто испорченное, расплывающееся, например, гнилой гриб, сено; жидкое: грязь на дороге, жидкая каша. В саамском языке «няша» – грязь, мусор¹². В окрестностях кирилловской деревни Палшево имеется озеро Ламбина. Лимноним – название озера – объясняется посредством саамского или карельского языка. Ведь «ламб» (саамское) и «ламби» (карельское) – бессточное озеро¹³. Собранные в походах материалы позволяют очертить ареал расселения дославянского населения края, подтверждают факт, зафиксированный летописью, которая выделяла древнюю весь на Белом озере как население, непосредственно предшествующее русскому.

Небольшую территорию имеет Вашкинский район, но удивительно разнообразен его диалектный язык. Пару веников в районах, обнимающих Белое озеро, называют «замок», «козёл», «петля», «сросток», «ключень», «шойда». Диалектные слова позволили, на мой взгляд, сделать открытие. Мелкий дождь в западной части района – «рянда», в восточной – «чира». Где-то в середине – «ситога» («читога»), а на террито-

рии Ухтомского сельсовета – «паморока».

Так как наши походы проводились по Вашкинскому, Белозерскому и Кирилловскому районам, то удалось проследить интересную закономерность – «паморока» спускается вниз по Шексне. А из письменных источников известно, что район Белого озера заселяли кривичи, они двигались с юга, «снизу», с берегов Волги по Шексне¹⁴. Не кривичей ли след помечен «паморокой»?

Как отмечает вологодский археолог А. Н. Башенькин, в V–VI вв. в бассейнах рек Мологи и Чагоды появилось новое население – славяне¹⁵. Очевидно, это летописные кривичи. Я предположил, что «паморока» – это след кривичей. Значит, она должна встречаться в бассейнах этих рек. Действительно, в устюженских деревнях Старое Квасово и Дубровка это слово и сегодня активно используется старыми людьми.

Интересно, что «паморока», дойдя до Белого озера, не продолжила путь дальше. Неужели так понравились кривичам белозерские красоты, что они остались здесь жить? Но вполне возможно, что кривичи продолжили путь дальше водным путём по рекам Славянке, Кеме...

Подводя итоги, можно сказать, что язык обладает большим запасом консерватизма, языковые процессы текут медленно, благодаря чему дошли до нас отзвуки событий, удалённых от нас на много сотен лет.

¹² Письмо Муллонен И. И. от 20 апреля 1998 года // Архив автора.

¹³ Письмо Муллонен И. И. от 20 ноября 1997 года // Архив автора.

¹⁴ Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. академика РАН О. Н. Трубачёва. М., 1994. С. 262.

¹⁵ Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Женский убор древнего населения Устюженского края // Устюжна: историко-литературный альманах. Вып. 2. Вологда, 1993. С. 12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрианова Лариса Сергеевна – заместитель директора Областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий, г. Вологда.

Башенькин Александр Николаевич – кандидат исторических наук, директор НПЦ «Архэ», г. Вологда.

Васенина Марина Германовна – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Дворца творчества детей и молодёжи, г. Вологда.

Васильева Наталия Борисовна – педагог-организатор Областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий, г. Вологда.

Гуслистова Анна Николаевна – историк, г. Вологда.

Державин Виктор Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.

Жульников Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск.

Зайцева Ирина Юрьевна – методист Тотемской станции юных туристов, г. Тотьма.

Зубов Кирилл Александрович – научный сотрудник Устюженского краеведческого музея, г. Устюжна.

Иванищев Александр Михайлович – археолог, г. Вологда.

Иванищева Марина Викторовна – педагог дополнительного образования Детско-юношеского центра «Лидер», г. Вологда.

Камкин Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда.

Косорукова Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Череповецкого государственного университета, г. Череповец.

Кудряшов Александр Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий музеем археологии Череповецкого музейного объединения, г. Череповец.

Кукушкин Игорь Полиевктович – ведущий специалист Автономного учреждения культуры Вологодской области «Вологодареставрация», г. Вологда.

Крутиков Максим Анатольевич – научный сотрудник ООО «Древности Севера», г. Вологда.

Леонтьев Николай Николаевич – краевед, пос. Липин Бор Вашкинского р-на Вологодской обл.

Недомолкина Надежда Геннадьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела хранения фондов Вологодского государственного музея-заповедника, г. Вологда.

Никитинский Иван Фёдорович – заведующий обособленным подразделением «Вологодская ссылка» Вологодского государственного музея-заповедника, г. Вологда.

Скакун Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Суворов Александр Валерьевич – генеральный директор Вологодского государственного музея-заповедника, г. Вологда.

Терехина Вера Владимировна – аспирант Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург.

Шишкарёва Елена Юрьевна – педагог дополнительного образования средней общеобразовательной школы № 2, г. Сокол.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАЗ – Вологодская археологическая экспедиция
ВГВ – Вологодские губернские ведомости
ВГИАХМЗ – Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВГМЗ – Вологодский государственный музей-заповедник (ныне ВГИАХМЗ)
ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт (ныне Вологодский государственный педагогический университет)
ВГПУ – Вологодский государственный педагогический университет
ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости
ВКМ – Вытегорский краеведческий музей
ВКФУ – Всесоюзная конференция финно-угроведов
ВОИСК – Вологодское общество изучения Северного края
ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей (ныне ВГИАХМЗ)
ВУКМ – Великоустюгский краеведческий музей (ныне Великоустюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)
ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИН – Геологический институт Российской академии наук
ГУК – Государственное учреждение культуры
ЗИРАО – Записки Императорского русского археологического общества
ИА АН СССР – Институт археологии академии наук СССР (ныне ИА РАН)
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР (ныне ИИМК РАН)
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
САС – Северный археографический сборник
ТКМ – Тотемский краеведческий музей (ныне ТМО)
ТМО – Тотемское музейное объединение
УКМ – Устюженский краеведческий музей
ЧКМ – Череповецкий краеведческий музей (ныне Череповецкое музейное объединение)

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Рис. 1. Раскопки городища «Чудин Вал» в Сямженском районе в 1977 г.

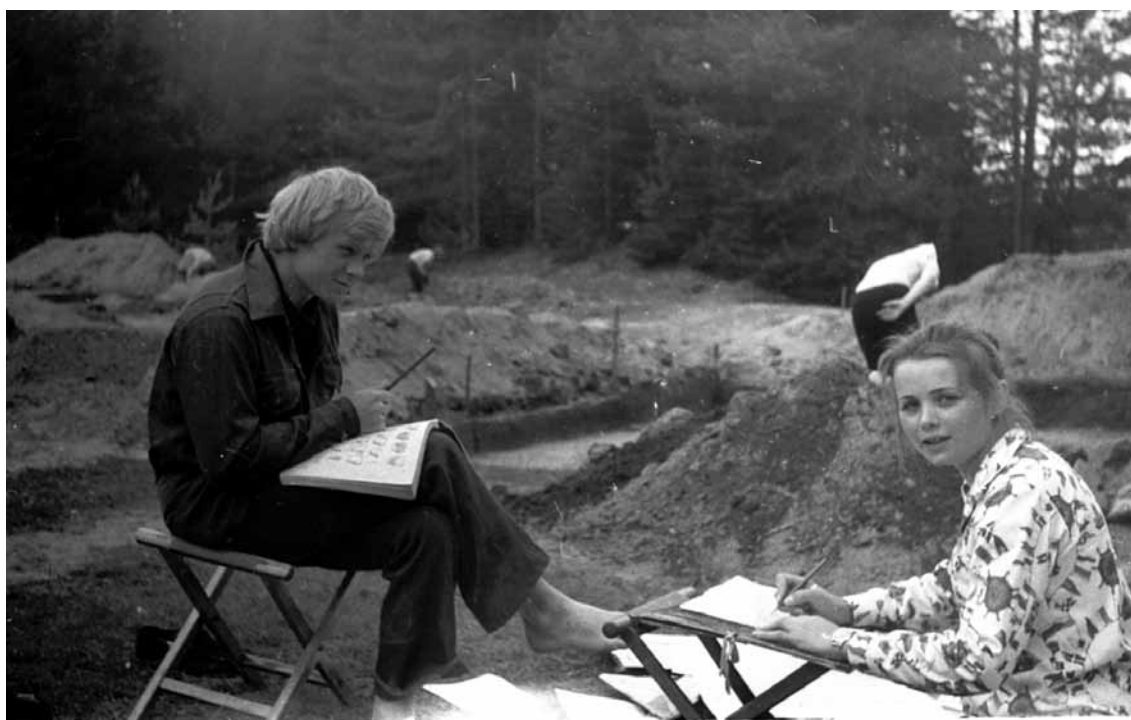

Рис. 2. Н. В. Гуслистов на раскопках городища «Чудин Вал». «За планами» – шеф и чертёжник Т. В. Соколова (Вахрамеева). 1978 г.

Рис. 3. Раскопки городища «Чудин Вал». Н. В. Гуслистов (третий справа) принимает торжественный рапорт об окончании работ на раскопе. 1978 г.

Рис. 4. Разведочный отряд ВАЭ переправляется на пароме через р. Сухону в г. Тотьму (слева направо С. Т. Еремеев, Ю. Р. Бычков, Н. В. Гуслистов). 1978 г.

Рис. 5. Окрестности г. Тотьмы. Участники разведочного отряда ВАЭ перед выходом на маршрут (справа налево Н. В. Гуслистов, Л. С. Андрианова, С. Т. Еремеев, А. М. Иванищев). 1978 г.

Рис. 6. Н. В. Гуслистов. Разведки ВАЭ в Тотемском районе. Старототемское городище. 1978 г.

Рис. 7. Н. В. Гуслистов на раскопках Семёновского могильника в Тотемском районе. 1979 г.

Рис. 8. Н. В. Гуслистов (крайний слева) и участники разведочного отряда ВАЭ в д. Марьинской Тотемского района. 1978 г.

Рис. 9. Н. В. Гуслистов на раскопках Семёновского и Марьинского могильников в Тотемском районе. 1979 г.

*Рис. 11. Н. В. Гуслистов. Разведки ВАЭ
в Тотемском районе, д. Марьинская. 1978 год*

*Рис. 12. Н. В. Гуслистов на раскопках древнерусских курганов
могильника Тимошкино-Ярцево. Бабаевский район, 1976 г.*

*Рис. 14. Н. В. Гуслистов осматривает культурный слой с керамикой
поселения Лиминская-IV, открытого в ходе разведочного маршрута.
Октябрь 1979 г.*

Рис. 15. Лиминская XIX. Подвеска. Бронза

Рис. 16. Пелена XVI в. с сюжетом «София Премудрость Слова Божия». Фрагмент

Рис. 17. Реконструкция жилищно-производственной постройки поселения Царева-1 (Задняя) в археологическом отделе экспозиции Тотемского музея. Автор реконструкции – М. В. Иванищева

Рис. 18. Подвески из зубов и костей животных

Рис. 19–21. Вид зуба с уплощающим срезом у основания корня

Рис. 22. Площадка с отверстием со следами пришлифовки

Рис. 23–25. Торцовая часть зуба со следами обработки

Рис. 26–27. Подвески, которые находились в длительном ношении

Рис. 28–30. Зуб с канальцем для привязывания шнура

Рис. 31. Обломок пластины из клыка кабана

Рис. 32. Дисковидный предмет

Рис. 33. Изделие с ассиметричными надпилами

Рис. 35–36. Орнаментир для керамики

Рис. 34. Обломок костяного изделия с орнаментом

Рис. 37. Осенние мечты. Рисунок Е. И. Праведникова

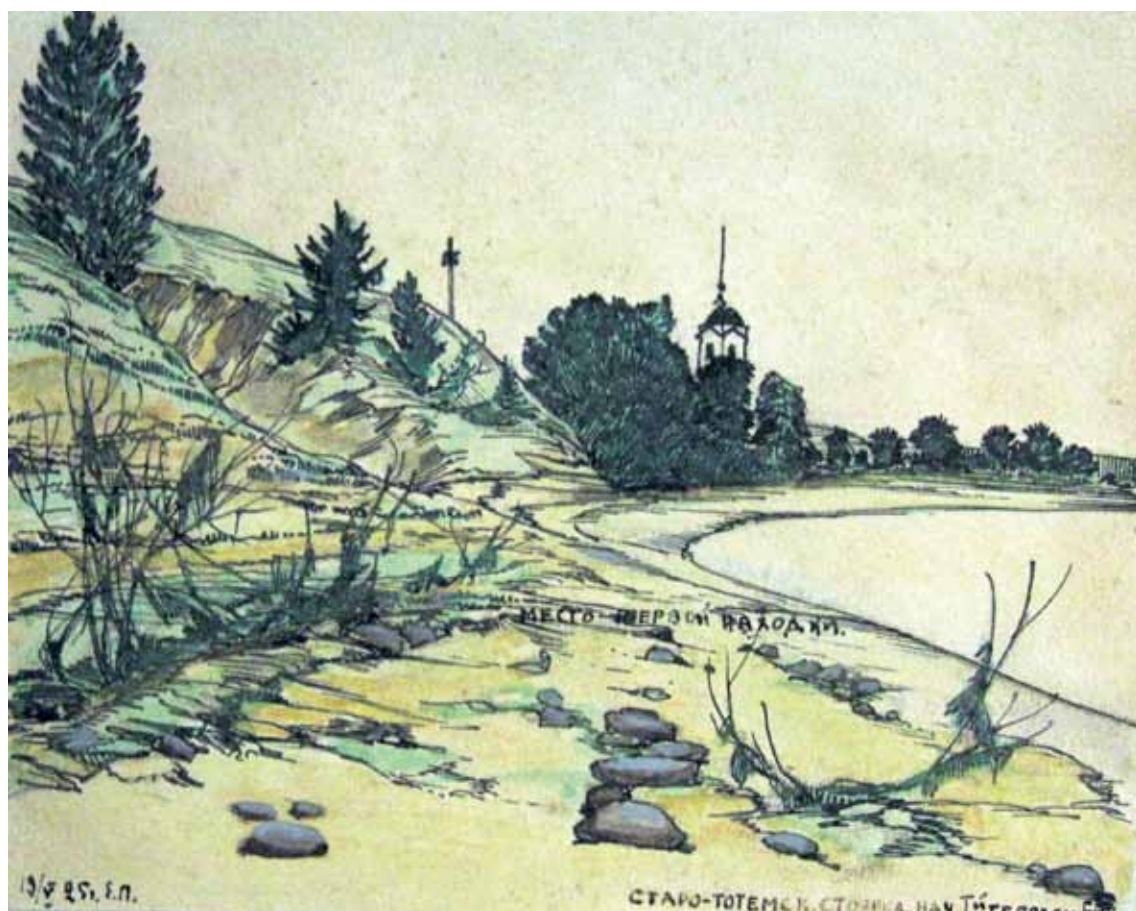

Рис. 38. Старототемское городище. Рисунок Е. И. Праведникова

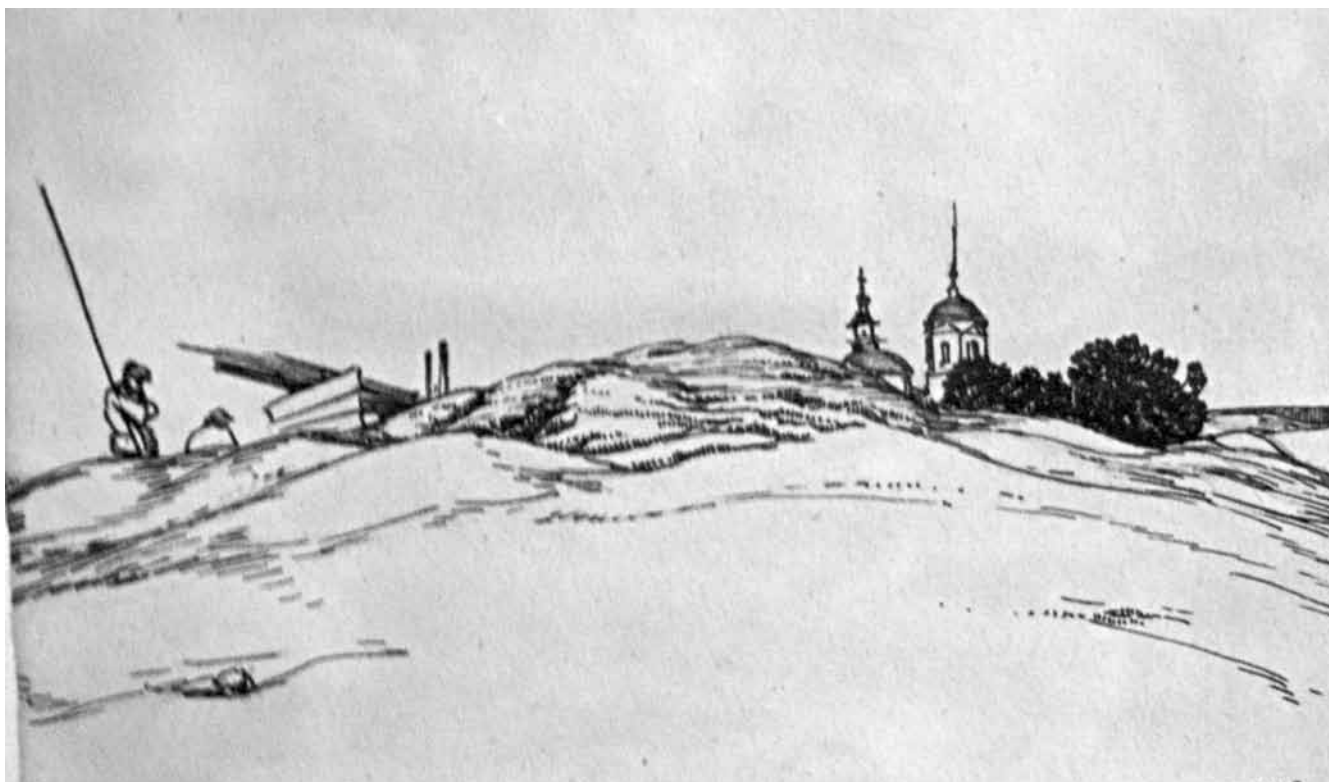

Рис. 39. Старототемское городище. Рисунок Е. И. Праведникова

Рис. 40. Боровская стоянка. Рисунок Е. И. Праведникова

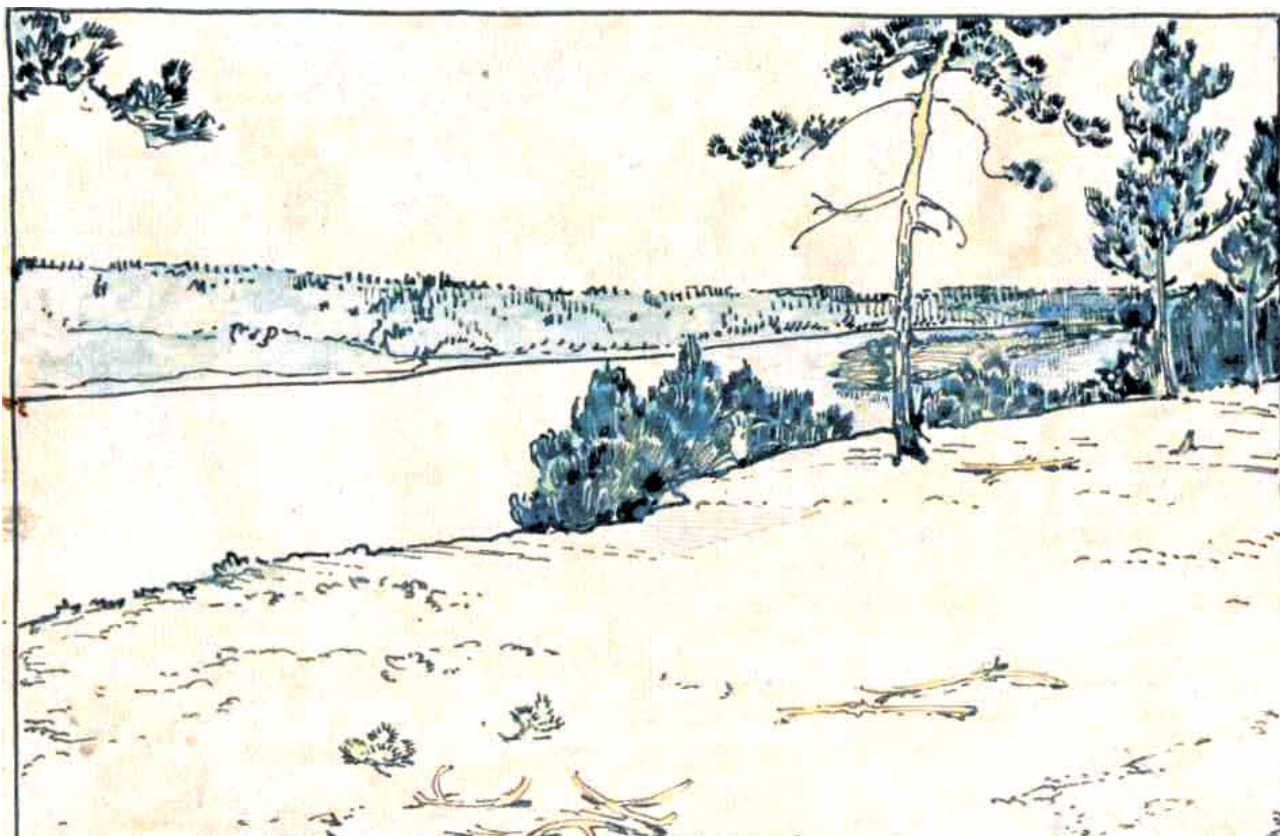

Рис. 41. Боровская стоянка. Рисунок Е. И. Праведникова

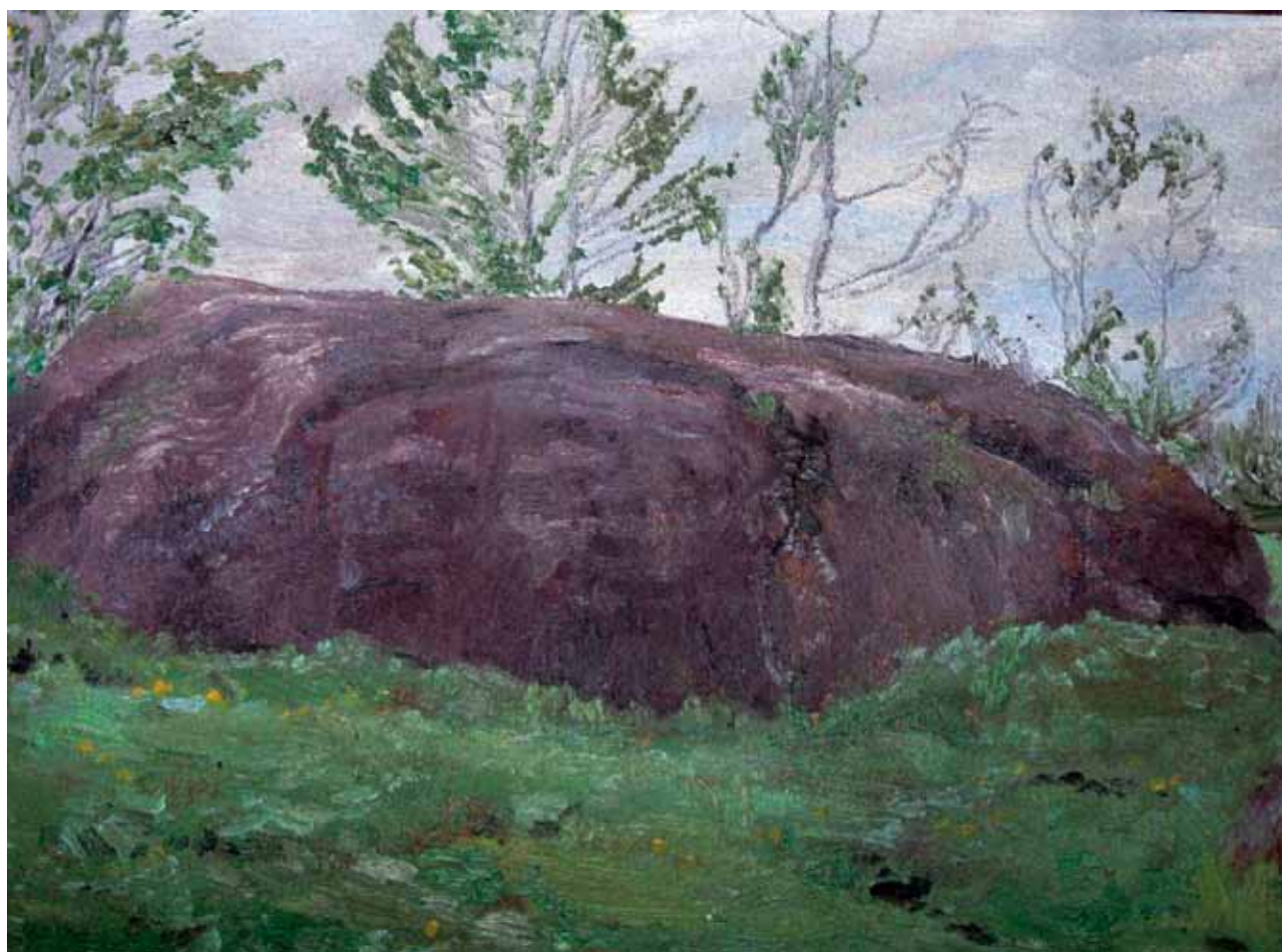

Рис. 42. Пустошенский камень. Рисунок Е. И. Праведникова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иванищева М. В., Недомолкина Н. Г. Николай Васильевич Гуслистов</i>	3
<i>Гуслистова А. Н. Мой отец – Николай Васильевич Гуслистов</i>	6
<i>Державин В. Л. Вспоминая друга</i>	12
<i>Камкин А. В. Без него мы стали беднее</i>	14
<u>Гуслистов Н. В.</u> Развитие археологических исследований на территории Вологодской области	16
<i>Андрианова Л. С. Николай Васильевич Гуслистов и изучение кубенского мезолита</i>	21
<i>Недомолкина Н. Г. Археологические исследования Н. В. Гуслистова на Верхней Сухоне (К истории изучения Верхней Сухоны)</i>	27
<i>Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Сопковидная насыпь в курганной группе Куреваниха III на р. Мологе</i>	29
<i>Никитинский И. Ф. Местность Долговицы на р. Кокшеньге в исследованиях вологодских археологов</i>	35
<i>Иванищева М. В. В поисках чуди заволочской: Средневековые древности Тотемского края</i>	41
<i>Кукушкин И. П. Некрополь вологодского Софийского собора (археологический аспект)</i> ...	45
<i>Иванищев А. М. Николай Васильевич Гуслистов – составитель каталога «Памятники археологии Вологодской области»</i>	50
<i>Косорукова Н. В. Торфяниковая мезолитическая стоянка Погостище XIV в бассейне озера Воже (по материалам исследований 2005, 2008, 2009 гг.)</i>	58
<i>Скаун Н. Н., Терехина В. В. Результаты экспериментально-трассологического изучения предметов из зубов и костей животных поселения Водыш</i>	64
<i>Крутиков М. А. Анализ гигроскопичности керамики жилища № 2 поселения Павшино II</i>	66
<i>Жульников А. М. К вопросу о хронологии и функции скульптурных наверший из камня</i> ..	69
<i>Зубов К. А. Новые исследования в Устюжне и Устюженском районе</i>	73
<i>Кудряшов А. В. Предварительные результаты охранных археологических исследований в г. Вологде в 2009 г. (раскоп на ул. Воровского, 2)</i>	77
<i>Суворов А. В. Охранные исследования участка по улице Бурмагиных, 27-а в г. Вологде</i> ...	81
<i>Шишкарёва Е. Ю. Текстильные изделия из раскопок г. Вологды 2007–2008 годов</i>	85
<i>Зайцева И. Ю. Е. И. Праведников – первооткрыватель тотемских древностей</i>	89
<i>Васильева Н. Б., Зайцева И. Ю. Из археологического наследия Н. А. Черницына</i>	94
<i>Державин В. Л. Происхождение и датировка «Описания о Новой Земле»</i>	102
<i>Леонтьев Н. Н. Следы кривичей и веси на белозерской земле</i>	105
Сведения об авторах	107
Список сокращений	108
Приложение. Иллюстративный материал	109

Научное издание

История и археология Русского Севера

Сборник материалов научной конференции,
посвящённой 60-летию со дня рождения Н. В. Гуслистова

Редакционная коллегия:

Андрианова Лариса Сергеевна

Васильева Наталья Борисовна

Папин Илья Валерьевич

Суворов Александр Валерьевич (главный редактор)

Подписано в печать 20.04.2012

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 100 экз.

Издательство ООО НИЦ «Древности Севера». 160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48.

Тел./факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru

URL: <http://drevnostisevera.org>

Отпечатано ООО ТПФ «Граффити». 160000, г. Вологда, ул. Зосимовская, 15 а.

Тел. (8172) 72-52-12